

Российская академия наук
Институт философии
Российский фонд развития высоких технологий
Институт проблем безопасности и устойчивого развития

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ

Материалы Международного форума
«Проекты будущего: междисциплинарный подход»
16-19 октября 2006, г. Звенигород

УДК 100
ББК 74.226.3

Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16-19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В.Е.Лепского. М.: «Когито-Центр», 2006. – 232 с.

Сегодня Россия встает на путь выхода из комплексного кризиса, глубоко проникшего в политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны. В центре внимания всех ветвей власти и общества оказываются «Проекты» и традиционный вопрос «Что делать?». Вместе с тем в тени остается более важный вопрос «Кто будет делать?». Актуальность этого вопроса связана с тем, что в большинстве случаев предлагаемые проекты носят ярко выраженный характер бизнес-проектов. В них практически отсутствует социальная ориентация в интересах граждан России, кому по закону принадлежат основные ресурсы, используемые в этих проектах. Более того, увлеченность прибылью при постановке инфраструктурных проектов может стать источником серьезных угроз национальной безопасности.

Без консолидации всех ветвей власти и интеллектуально-духовной элиты общества проектная деятельность по развитию России обречена на провал. Нужны специальные технологии и проекты формирования и соорганизации стратегических субъектов российского развития. Эти сложные проблемы бросают вызов и интеллектуальным силам России.

Материалы форума продемонстрировали зарождающиеся интенции научной элиты к мобилизации своего потенциала в интересах проектной деятельности по развитию России, для реализации которых требуется воля и новые высокие гуманитарные технологии.

Материалы, подготовленные участниками Круглого стола (ведущий В.Е.Лепский) Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход», представляют интерес для читателей, озабоченных будущим России.

*Сборник подготовлен и издан при поддержке РГНФ,
исследовательский проект 05-03-03473а*

ISBN 5-89353-225-2

© ИФ РАН, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лепский В.Е.</i> Проблема субъектов российского развития	5
<i>Авксентьев В.А.</i> Социокультурная идентичность в XXI века: выбор российской перспективы	19
<i>Аксюмов Б.В.</i> «Столкновение цивилизаций» как главный вызов будущего	21
<i>Анисимов О.С.</i> Субъект стратегического управления и высокие гуманитарные технологии	23
<i>Антипов Г.А.</i> Русская идея как социокультурный феномен	24
<i>Аршинов В.И.</i> Субъект постнеклассической науки и процесс его становления	27
<i>Басимов М.М.</i> Характер статистических связей при изучении отношений к ценностям и жизненным трудностям как проявление этнических особенностей	33
<i>Бекренев В.Л.</i> Универсальный характер русской идеи, ее роль в объединении человечества	35
<i>Беляев И.П., Капустян В.М., Юрашко В.Н.</i> За что именно отвечает интеллигенция перед народом?	37
<i>Буров В.А.</i> Практическое знание креативных практик и наука	40
<i>Гриценко Г.Д.</i> Духовные ценности русской культуры в контексте современной глобализации	47
<i>Денисов А.А.</i> Нетократия и ее основные признаки	48
<i>Дроздов Б.В.</i> Иерархические и гетерорхические представления при проектировании будущего	58
<i>Задорюжнюк И.Е.</i> Россия как стратегический субъект мировой политики и роль православия (размышления над книгами А.С.Панарина)	60
<i>Иванова С.Ю.</i> Формирование макросоциальной идентичности как условие преодоления системного духовного кризиса современной России	67
<i>Иглин В.Б.</i> Роль городов в развитии человечества и России	69
<i>Ипполитов К.Х.</i> Решение социальных проблем как перспектива будущего развития России	75
<i>Ипполитов К.Х., Лепский В.Е.</i> Духовность и стратегии российского развития	77
<i>Келле В.Ж.</i> Альтернативы научной политики России	81
<i>Куликова Н.В.</i> Состояние и перспективы развития российского общества на современном этапе	86
<i>Левитов А.Е.</i> Роль России в драме современной человеческой цивилизации	93
<i>Лефевр В.А.</i> Процессы самоорганизации и этические системы	95
<i>Магарил С.А.</i> Политическая культура в проектах российского будущего	97
<i>Меньшиков И.В., Санникова О.В.</i> Содержание образования: самоорганизация междисциплинарности и проблема управления	100
<i>Меськов В.С., Мамченко А.А.</i> Методология открытого контента как экземплификация постнеклассической методологии	106
<i>Никитин В.</i> Космоцентризм православной цивилизации	109
<i>Очин О.Ф.</i> Национальная инновационная система: от идеологом прошлого к инструментализации образа будущего	112
<i>Очирова А.</i> К вопросу о необходимости нового эмоционально-нравственного порядка	118

<i>Попова О.А., Пустоходова Н. А.</i> Сетевой индивидуализм как феномен начала XXI века	122
<i>Рабинович В.Л.</i> Враг в зеркале культуры – друг	124
<i>Разорина Л.М.</i> Ценностно-смысловые аспекты проектирования будущего	128
<i>Рассторгуев. В.Н.</i> Российская цивилизация: ложная или подлинная идентичность?	130
<i>Редюхин В.И.</i> Метод вопросов Ласуэлла в принятии решения при анализе, проектировании и оценке	134
<i>Реут Д.В.</i> Прокреационная самостоятельность как инвариант стратегии коллективного субъекта	136
<i>Савельзон О.</i> Опыт избежания глупости	145
<i>Санникова О.В.</i> Прогнозы будущего в системе социального распределения знания: феноменологический аспект	149
<i>Смолян Г.Л., Солнцева Г.Н.</i> Критические инфраструктуры, безопасность, психология и моральный выбор	152
<i>Солондаев В.К.</i> Практическое мышление: становление субъекта	155
<i>Сухарев А.В.</i> Этнофункциональная методология: образование, психопрофилактика, информационная безопасность	163
<i>Сытых О.Л.</i> Актуальные методологические проблемы постнеклассической науки	166
<i>Трубейской А.Ю.</i> Репутация: выбор политика как выбор желаемого будущего	168
<i>Фахрутдинова А.З.</i> Современные российские реформы: от классической к коммуникативной рациональности	170
<i>Шарилов А.В.</i> Российское общество и телевидение: ценностно-нормативный конфликт	177
<i>Шаров А.С.</i> Рефлексивные механизмы прогнозирования будущего человеком	184
<i>Приложения. Инициативные проекты, обсуждаемые на Круглом столе</i>	
<i>Приложение 1.</i> Манифест российского развития (Клуб стратегической элиты)	188
<i>Приложение 2.</i> Стратегия развития российской науки через регионы (Лепский В.Е., Малинецкий Г.Г., Провинцев П.М., Чернавский Д.С. и др.)	197
<i>Приложение 3.</i> Субъектно-ориентированный подход к электрификации России (Кудрин Б.И.)	207
<i>Приложение 4.</i> Промышленная доктрина России (Крупнов Ю.В.)	217
<i>Приложение 5.</i> Внедрение управления по результату – будущее национального проекта «Здоровье» (Фахрутдинова А.З.)	218
<i>Приложение 6.</i> «Парк Мировых Культур» как социальная технология массовых коммуникаций рефлексивного типа и как инструмент преодоления цивилизационного кризиса (Куликова Н.В.)	220
<i>Приложение 7.</i> Всемирная Россия. Геокультурный проект: собрание русского народа (Любашевский Ю.Я.)	223
<i>Приложение 8.</i> Российская цивилизация в поисках идентичности: новый идентификационный проект и российская полиэтничная специфика (М.Е. Попов)	225

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ

В.Е. Лепский

(Институт философии РАН, Москва)

Были ли среди участников перестройки субъекты российского развития?

Чтобы понять, кто сегодня берется за проекты российского развития необходимо начать с анализа участников перестройки. И честно ответить на вопрос: «А были ли среди субъектов перестройки субъекты российского развития?». Или участники перестройки преследовали какие-то другие цели, не связанные с развитием России.¹

На мой взгляд, сегодня можно смело утверждать, что среди субъектов перестройки не было социально ответственных субъектов, ориентированных на российское развитие. Убедительное обоснование отсутствия критериев и прогнозов последствий от принимаемых руководством решений приведено в работе С.Г. Кара-Мурзы². Он стремится ответить на вопрос, чем объясняются гигантские человеческие и материальные потери, которые сопоставимы с потерями в период Гражданской войны. Организаторы и продолжатели перестройки разрушили экономически слабо эффективную, но работающую систему управления страной, даже не задумываясь о том, как создать новую. Методом проб и ошибок привели страну к анархии, а не к демократии.

На наш взгляд, можно выделить пять основных субъектов перестройки: «менялы», «идеалисты», «разрушители», «ТНК» и «мародеры-мифологи».

«*Менялы*» были главными действующими лицами перестройки, вместе с тем, как правило, находящимися в тени. Они осуществляли обмен «номенклатурного ресурса» бывшей властной элиты на «материальный ресурс» будущей. И вполне успешно справились с этой задачей. Сегодня они и их помощники — главные действующие лица в стране.

Для «*идеалистов*» перестройка представлялась как культ идеи установления демократии. Установления любой ценой. Без оглядки и четкого осознания последствий. К этому типу «субъектов», возможно, следует отнести основную массу советской интеллигенции, впавшей в состояние эйфории от «глотка свободы».

Для «*разрушителей*» перестройка явилась долгожданным актом завершения «холодной войны», исполнения давно намеченных планов Даллеса. И не слу-

---

¹ Лепский В. Субъекты перестройки и перестройка субъектов / Перестройка: Двадцать лет спустя / Сост. В.И. Толстых. – М.: Русский путь, 2005. С.81-88. (www.reflexion.ru)

² Кара-Мурза С.Г. Подрыв рационального мышления и рефлексивное управление // Рефлексивные процессы и управление. Том 3, № 2, 2003. С.16-34. (www.reflexion.ru)

чайно З.Бжезинский, комментируя факт поражения СССР в «холодной войне» и «смутное время», переживаемое Россией, довольно точно охарактеризовал их как следствие разрушения «концепции бытия» русского народа. Сегодня, впрочем, можно утверждать, что «разрушители» не предусмотрели в полной мере последствий своих деяний и потому не совсем удовлетворены полученными результатами. Появились новые мировые угрозы, для преодоления которых хорошо бы использовать Россию как сильную региональную державу. В этом плане перестройка — урок для всего мира. Партнерство, искреннее и деятельное, должно быть доминантой отношений между странами в раздираемом противоречиями современном мире. Иначе бед не миновать.

Для *транснациональных корпораций* («ТНК») интерес к перестройке связан, прежде всего, с интересом к ослаблению государства, контролирующего территории с гигантскими запасами энергетических и других ресурсов, а также с ослаблением конкурента в области высоких технологий. Интересы этого субъекта также были достигнуты.

К внешним субъектам «разрушителям» и «ТНК» примкнул наш внутренний подвид «субъектов» — *«мародеры-мифологи»*, которые стали продвигать систему разрушительных мифов: рынок сам себя регулирует; начальный капитал всегда образуется преступным путем; административная система управления — это наш враг; все западные товары лучше отечественных и т.п. Они же при этом не упустили случая обогатиться в процессе разрушения страны.

Были ли другие субъекты перестройки? Возможно, и были, но их влияния не заметно. Вывод: среди участников перестройки не было субъектов российского развития.

В итоге Россия оказалась жертвой очередного культа — культа светлой идеи «демократии». Естественно, демократия тут ни при чем. Она сама стала жертвой процесса, по сути своей разрушительного, прикрываемого красивыми лозунгами.

А сегодня мы получили новый культ: культ денег, культ обогащения и наживы. Этот культ, похоже, будет самым тяжелым испытанием для России.

Диагноз: «Бессубъектность российского развития»

В начале века удалось добиться относительной социальной стабильности, укреплению «властной вертикали», сравнительно скромного и весьма неустойчивого экономического роста. Однако из системного кризиса страна не вышла. Нарастающий поток угроз безопасности России при наличии богатейших запасов природных ресурсов, относительно высокого уровня технологий и высочайшего интеллектуального потенциала обусловлен «системной дезорганизацией» государства и общества в целом. Отметим отдельные ее признаки:

- *государство не является четко выраженным субъектом управления и развития*, не сформировало стратегию развития (понимаемую и принимаемую большей частью населения), не обеспечило нормальных условий жизни своим гражданам и соблюдения основных конституционных прав;

- *существенную роль* в управлении всеми сферами общественной жизни играют коррумпированные чиновники, криминал и другие *асоциальные элементы*;
- *«средний класс» и элиты атрофированы*, дезорганизованы, не включены в реальные механизмы управления и развития;
- *политические партии и движения* в основной своей массе *имеют бутафорский характер*;
- *общественные* (не политические) *образования слабо организованы* и практически не влияют на социальные процессы;
- *граждане* в подавляющем большинстве *социально пассивны*, имеют трудно разрешимые проблемы с самоидентификацией (государственной, этнической, семейной и др.).

Необходимы экстренные меры по повышению степени организованности государства и одновременно становлению гражданского общества в России. Такого рода процессы надо планировать и организовывать, а не надеяться на естественное их развертывание, как это было с рыночной экономикой.

Самый трудный и драматический вопрос — о *субъектах* исторического действия, готовых взять на себя бремя и ответственность за осуществление намечаемых целей и задач. Имеется в виду наличие и реальное состояние тех общественных и политических субъектов (или претендентов на статус таковых), которые выражают не только желание, но и обладают *волей*, чтобы осуществить проект на практике.

Надо лечить главную болезнь России — *бессубъектность*³. Эта болезнь, поразила в той или иной степени всех основных участников реформационного процесса (государство, общественные и политические сообщества, институты). Главные симптомы этой болезни: блокировка рефлексии, неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться над нею, самоопределиться и самоидентифицироваться, отсутствие смелых, хорошо обдуманных «прорывных» идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать. Эти симптомы «грубо и зримо» проглядывают в образе мышления и действий всех основных субъектов современной России, в том числе и власти, что достаточно точно фиксируется аналитиками.

Уже исследованы и обозначены механизмы появления этой болезни и разрушения государственности. Это — внешний перехват инициатив в реформировании отечественной экономики путем некритического использования западных моделей (неадекватных российским условиям); затягивание страны в кредитную зависимость; доминирование сырьевой ориентации; создание режима благоприятствования для бурного роста коррупции в системе государственного управления, проникновения в него финансово-промышленных группировок и криминальных структур; ангажирование отдельных лидеров россий-

---

³ Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, №1, 2002. С.5-23. (www.reflexion.ru)

ской системы управления и их использование для управления страной «извне»; навязывание либерального императива «невмешательства» государства в социальное строительство в качестве гаранта неотвратимости подлинно демократических преобразований, и другие. Приходится констатировать, что после развала КПСС и разрушения, хоть не самых эффективных, но работавших механизмов принятия и реализации государственных решений, новых действенных механизмов управления страной, сложным общественным хозяйством создано не было.

Бессубъектность многолика и по-своему отражается на деятельности всех акторов процесса российской трансформации⁴.

Несмотря на огромные полномочия, весьма ограничены управленческие возможности у Президента Российской Федерации. В своей активности и инициативности он явно стеснен высочайшим уровнем коррупции во всех ветвях власти, а также очевидной неопределенностью поддержки его реформаторских усилий со стороны властных элит. Сформировано устойчивое мнение, что у В.В.Путина нет управленческой команды единомышленников, поэтому он вынужден часто идти за ходом событий, а не формировать и менять ситуацию в соответствии со своим видением и пониманием происходящего в стране. По этой же причине Президент вынужден большую часть своих сил тратить не на управление страной, а на урегулирование отношений группировок во властной элите, конфликтующих за различные виды ресурсов. «Политическая вертикаль», созданная при «вертикали власти», в большей степени является инструментом чиновников, а не президента. Основным его властным ресурсом остается пока еще относительно высокий рейтинг среди населения – ресурс важный и мощный, но, увы, переменчивый. Сейчас это позволяет сохранять режим личной власти и ограничивать действия в определенной степени управляемой со стороны «вертикали власти» оппозиции, где «правые» бдительно следят за тем, чтобы политический курс был достаточно «либерален», а «левые» – чтобы он был более «социален». Но отношение населения к первому лицу государства уже иное, чем при Ельцине, которому долго верили, не требуя серьезных аргументов и практических подтверждений. Это отношение стало более рациональным: если обещаешь – выполни, иначе доверие может иссякнуть. Для судьбы российских реформ это обнадеживающий признак.

Администрация Президента, по сути, не представляет собой единой команды. Ни одна из сталкивающихся в ней группировок не имеет собственного «проекта будущего», и потому борьба между ними воспринимается в первую очередь как схватка за властные ресурсы. Отсутствие публичной дискуссии подменяется «сливом» информации и «пиар-акциями» через доверенных журналистов, чтобы поддержать интерес общественности к борьбе за влияние в ок-

---

⁴ Ипполитов К.Х., Ленский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. Том 3. №1. 2003. С.5-27. (www.reflexion.ru)

ружении главы государства. Поэтому вряд ли можно рассматривать эти группировки в качестве полноценных субъектов государственного управления и развития.

Российская бюрократия, бесспорно, могущественна и почти бесконтрольна. В этих условиях чиновничий аппарат, осознав свою автономность и независимость от общества, присвоил себе права и функции господствующего класса и правящей партии. Фактически снова сформирована новая несменяемая «номенклатура». Она более защищена от первого лица государства и общества, чем при Сталине, Хрущеве и Брежневе. О такой райской жизни советские чиновники только мечтали. Любой из них, самый некомпетентный и проваливший порученные дела, остается в «номенклатуре». Примеров очень много, они у всех на слуху.

Ротация кадров из общества блокирована, что приводит к возрастающей некомпетентности чиновников. Но такое положение не может длиться вечно. Оно опасно не только для общества, но и для самого государства, так как в силу бесконтрольности чиновничий аппарат стремительно криминализируется и подвержен широкой и глубокой коррупции. Это в сочетании с организованной преступностью и мощной «теневогой» экономикой создает угрозу окончательной криминализации и государственных, и общественных ключевых структур.

Многие чиновники, используя административный ресурс, попали в клан «новых богатых»; они охотно поддерживают союз крупного бизнеса и власти — как в центре, так и на местах. Отсюда утрата чувства социальной ответственности за судьбу реформ и страны.

Бюрократия и сотрудничающие с нею властные элиты не заинтересованы в сколько-нибудь серьезных изменениях и переменах в стране. Для них, выросших в условиях полузакрытой экономики режима «мутной воды», любые изменения «вправо» или «влево» — угроза нынешнему привилегированному положению. Это хорошо чувствуют и выражают в своей деятельности так называемые «партии власти», вчера цепко державшиеся за Ельцина, сегодня — за Путина. Пагубность их имитации «бурной деятельности» — по сути на пустом месте (никакой стратегии развития они предложить не могут) — заключается, в частности, в дискредитации и без того малопопулярного понятия «центризм», которому в данном случае придается явно негативный смысл.

В полной мере признаками бессубъектности в контексте российского развития обладают и другие акторы социально-политической сферы трансформационных изменений в России. К ним относятся: политические партии, финансово-промышленные группировки, малый и средний бизнес, представители среднего класса, научные, деловые, культурные и другие элиты.

Так, научные и культурные элиты, ранее обозначаемые понятием «интеллигенция», ныне разобщены, расколоты и подавлены своей невостребованностью. Даже в науке, которая всегда задавала эталонные механизмы формирования разного рода сообществ, серьезно подорваны силы консолидации и кооперативный эффект сложения сил. К тому же интеллектуальная, творчес-

кая элита поражена сегодня бациллами конформизма и своекорыстия, а большинство интеллигентов (ученых, учителей, врачей, «технарей», музейных и библиотечных работников) унижены своей неустроенностью. Если предпринимаемые ныне, пока очень робкие, шаги и меры по исправлению этой стратегической ошибки реформаторов-неолибералов получат более интенсивное развитие, субъектный потенциал и ресурс российского развития заметно и качественно повысятся.

Отдельно остановимся на населении, на поддержку которого опирается В.В.Путин. Бессубъектность населения в значительной степени сформировалась под воздействием государства в лице коррумпированных чиновников, а в конечном счете — под воздействием той самой «вертикали власти».

Во-первых, наблюдается последовательное принципиальное расхождение реальных действий исполнительной власти с целевыми стратегическими ориентирами, выдвигаемыми Президентом Российской Федерации. Причем именно с теми, которые ожидает и которые одобряет большая часть населения страны: забота о наименее защищенных слоях населения, стимулирование и поддержка становления гражданского общества, возрождение российской науки, перевод России с сырьевого на инновационный путь развития и др.

Во-вторых, государство убедительно доказало населению, что последовательно действует в интересах узкой группы лиц, оно решает свои задачи в основном за счет населения. Эта политика проводилась и проводится планомерно, начиная с первых акций по фактической ликвидации личных накоплений и до сегодняшних дней: государство постепенно перекладывает на плечи населения плату за основные виды социальных услуг, при этом крайне бережно относясь к присвоенным узким кругом лиц национальным богатствам. Обществу вызывающе демонстрируется неприкосновенность лиц, совершивших преступления перед народом, и беззащитность населения перед государством.

В-третьих, в государственной машине доминирует официально отвергнутая населением идеология неолиберализма, чуждая традиционным российским ценностям, которая проповедует насаждение индивидуализма и культ денег.

В-четвертых, через манипулятивные механизмы политического PR и СМИ планомерно осуществляется оболванивание населения, превращение избирателей в бездумные «голосовальные автоматы» за кандидатов и партии, как правило, не имеющих обоснованных программ и стратегий.

В-пятых, спорадически происходит организация разовых (для галочки) мероприятий по стимулированию механизмов построения гражданского общества, которые приносят намного больше вреда, чем пользы, формируя у населения адекватные представления об истинных целях организаторов этих мероприятий.

Сегодня у большей части населения наблюдаются серьезные сдвиги и изменения субъектного характера. Они образуют сложный и весьма противоречивый сплав качеств и черт «среднестатистического» индивида. Так называе-

мое «протестное движение», в том числе забастовочное, носит спорадический и плохо организованный характер, оно идейно и политически слабо структурировано и пока не способно оказать серьезное воздействие на ход развития, выдвинуть собственную альтернативу нынешнему почти «застойному» курсу.

Для преодоления болезни бессубъектности необходима организация всех созидательных сил общества, готовых принять активное и конструктивное участие в осуществлении Проекта создания процветающей России.

Готова ли интеллигенция стать субъектом российского развития?

Почему сегодня интеллигенция находится не на переднем плане социальных преобразований России? Ответ на этот вопрос можно найти, анализируя наиболее распространенные точки зрения на роль интеллигенции в жизни современного общества.

1. *Интеллигенция в роли «транслятора западных шаблонов».* Наиболее распространенная версия этой позиции связана с попытками внедрения в России западных образцов жизни. «Интеллигенты-прозападники», в частности к ним могут быть отнесены идеологи осуществленных форм перевода страны в рыночную экономику и приватизации, пытаются затянуть Россию в общество потребления. Идеалы подобного общества сомнительны и прогнозы такого образа жизни весьма плачевны. Последствия воздействий «черной культуры» общества потребления на российскую культуру уже сегодня ужасающие. И эти воздействия через культурную матрицу передаются на психику россиян. Сегодня у России, возможно, еще есть шанс пойти другим путем, и хотелось бы этот шанс не упустить.

2. *Интеллигенция в роли формирователя «образа врага».* Казалось бы, этот прием мобилизации общества канул в Лету, как противоречащий духу построения гражданского общества. Но нет! Эта позиция отвлекает общество от истинных причин кризисных явлений, от постановки актуальных проблем социальных преобразований. Обидно, что эту позицию порой разделяют выдающиеся ученые, сами пострадавшие ранее от такого рода манипуляций.

3. *Интеллигенция в роли постоянной оппозиции к власти.* Перед обществом остро встала проблема консолидации всех сил и ресурсов для выживания России. В этих условиях стремление к «оппозиции ради оппозиции» может возникнуть только у людей, безразличных к судьбе России, тех, кто пытается любой ценой найти личный «плацдарм» для самовыражения.

4. *Интеллигенция в роли «судьи и пророка».* В этой позиции интеллигенция берет на себя ответственность отвечать на классические вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» Такая позиция предполагает возложение на интеллигенцию роли ведущего субъекта социального проектирования. Все было бы неплохо, но при этом народ лишается права быть субъектом и, как в советский период, предстает в роли объекта по отношению к обществу и социальным преобразованиям в России. Роль субъекта отводится какой-то части общества (группе, классу и др.); в данном случае подразумевается, что это интеллиген-

ция. Такая позиция противоречит идеям построения гражданского общества, не без оснований оппоненты отождествляют ее с коммунистической.

5. *Интеллигенция в роли «диагноста»*. Эта позиция опирается на взгляды В.О.Ключевского, который высказал мысль о том, что интеллигенция не лекарь народа, а диагност. Народ сам вылечит свою рану, если только вовремя ему указать на нее. Эта позиция вызывает симпатию, ориентацией на народ как на субъекта социальных преобразований, она созвучна с идеями построения гражданского общества. Однако проведенные в последние годы психологические и социологические исследования показали, что значительная часть населения России не воспринимает себя в роли субъекта по отношению к обществу. Сегодня «интеллекта-диагноста» народ едва ли услышит.

В целом же российская интеллигенция сегодня не готова, да и не имеет возможности, самостоятельно стать субъектом российского развития. Однако, набирают темпы процессы ее самоорганизации, интеграции и самоопределения в качестве такого субъекта. При этом важно отметить чрезвычайную важность междисциплинарного характера интеграции, в которой носителями проектной культуры выступают в первую очередь специалисты естественно-научного профиля.

Готова ли «вертикаль власти» стать субъектом российского развития?

В последние годы властная элита внушает обществу, что она занята решением задачи, самой актуальной для России — построением «вертикали власти». Задумка хорошая, «никто не против», все за то, чтобы государственная машина была хорошо управляема, чтобы были сильными государство и общество. Поступают рапорты об успехах укрепления «вертикали власти», но настроение отнюдь не оптимистическое. Почему?

Нет реальных изменений в лучшую сторону! Ни во внешней политике: Югославия, Ирак, Грузия, Украина и далее. Ни во внутренней политике: наблюдаются продолжающееся вымирание россиян, снижение обороноспособности, дальнейший развал образования и науки, отсутствуют инновационные проекты, продолжается последовательный курс на превращение России в сырьевой придаток развитых стран. Как следствие — нарастающая социальная нестабильность, проявляющаяся в высочайших темпах роста забастовочного движения, в протестном голосовании и др. Дистанцирование власти и общества увеличивается, что таит в себе угрозу для ее комфортного существования. Похоже, у власти проблемы с инстинктом самосохранения. Вместо того, чтобы разобраться в причинах складывающейся ситуации и найти адекватные решения, она, как всегда, использует политтехнологов.

Одни политтехнологи все чаще утверждают, что именно они вернули политическую систему к привычной однопартийной, превратили Государственную думу в послушную пристройку «вертикали власти», создали «политическую вертикаль». Другие пытаются успокоить общество «каплями демократии», сдувая пыль с реквизитов спектакля под названием «Общественная палата». Но в итоге

создается «общественная вертикаль» как очередная пристройка к «вертикали власти».

Третьи, пройдя стажировку на Украине, успокаивая российское общество новыми способами, готовятся к контрреволюционной борьбе. Возможно, они планируют создание новых пристроек к «вертикали власти». Эта группа самых прозорливых готовится к «пиру во время чумы», предвкушая компенсацию ожидаемых потерь от отмены губернаторских выборов.

Четвертые ..., и т.п.

А глубинные причины лежат в том, что сегодня Россия стоит перед необходимостью преодолеть тяжелый комплексный кризис, глубоко проникший в политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны.

Выход из этого кризиса возможен, если Россия, несмотря на все трудности, препятствия и риски, найдет модель своего развития, специфичную ровно в той мере, в какой специфичной является она сама. Чтобы это произошло, требуется разработать «концепцию бытия» и стратегию развития, понятную и приемлемую для большинства граждан современной России.

Способна ли создаваемая «вертикаль власти» решить эту проблему: разработать стратегию российского развития, обеспечивающую достойную жизнь населению и могущество государства Российского? Способна ли она мобилизовать общество на ее реализацию?

К сожалению, ответ на эти вопросы пока отрицательный. Создаваемая «вертикаль власти» задумывалась для решения тактических задач и поэтому не способна решать стратегические проблемы. Причины таковы:

Во-первых, созданная «вертикаль власти» в значительной своей части — это вертикаль не власти, а преклонение перед «силой» денег. И пока этот культ не будет преодолен, «вертикаль власти» будет действовать в его интересах.

Зачем что-то менять коррумпированному чиновнику? Зачем, лишаться сложившихся персональных финансовых потоков от нефти, газа, металла, леса и других источников «доходов»? Ведь развитие потребует высококвалифицированных управленцев, а подавляющую часть действующих некомпетентных чиновников сдует ветром перемен с насиженных мест. И неизбежно встанет вопрос, кто незаконно обогатился на развале могущественной страны, обнищания и вымирания народа.

Во-вторых, созданная «вертикаль власти» в принципе не способна к разработке стратегии российского развития. В ней просто отсутствуют стратегические субъекты. Они в ней и не предусмотрены, так как неминуемо порождают ту «прозрачность», которая совсем не нужна коррумпированным чиновникам. Поэтому не должны удивляться радеющие за интересы России идеалисты тому, что наука полностью отстранена от реальных механизмов управления. Прикормленные же политехнологи — это тактики, а не стратеги, они нужны для ситуационного манипулирования общественным сознанием.

В-третьих, «вертикаль власти» только кажется управляемой по вертикали. Это иллюзии: в принципе высокая управляемость при высоком уровне кор-

рупции чиновников невозможна, ибо в этом случае финансовые интересы отдельных групп и ведомств доминируют над интересами государства и общества. То же самое распространяется и на координацию по горизонтали, что мы наблюдаем, например, в никак не выходящей из «тени» экономике.

В.В. Путину пора понять, как бы он ни старался, у него с такой «вертикалью власти» ничего хорошего не получится.

Есть ли в России стратегические центры развития?

Сегодня в России существует множество разнообразных по форме и ориентации интеллектуальных центров, но их влияние на жизнь страны близко к нулю. Почему?

Во-первых, государство, в лице коррумпированных чиновников, не заинтересовано в разработке стратегии развития России, а, следовательно, - в создании стратегических центров. Между тем в мировой практике государственного управления негосударственные (общественные, некоммерческие и коммерческие) структуры активно привлекаются к разработке стратегических проблем. Так, в США существуют многочисленные «фабрики мысли» (включая RAND), допущенные к решению самых важных государственных стратегических проблем; в некоторых европейских странах привлечение негосударственных организаций к экспертизе и проработке стратегических проектов обусловлено законодательно.

Во-вторых, отсутствие государственной идеологии и стратегии развития России затрудняет процессы формирования и самоопределения стратегических центров, координацию их работы, а также адекватную оценку их деятельности, провоцирует создание в стране альтернативных центров, финансируемых из-за рубежа и действующих в интересах стратегий других государств и международных групп.

В-третьих, скрыто насаждается неолиберальная идеология, противоречащая базовым российским цивилизационным ценностям, что способствует появлению «придворных» стратегических центров, нацеленных на манипулирование общественным сознанием в интересах коррумпированных чиновников и финансовых группировок. Такого рода «стратегические центры», руководствующиеся стремлением к наживе, легко переключаются на решение любых проблем – лишь бы платили.

В-четвертых, так называемая «советская интеллигенция» оказалась неспособной к самоопределению и самоорганизации. Одна ее часть организовала перестройку и приватизацию. Эти люди купаются в роскоши, в то время как население страны вымирает. Другую ее часть, не обогатившуюся, но мечтающую что-нибудь получить с «господского стола», также мало волнует судьба страны. Ее основная забота – приобщение к перераспределению национальных богатств. Только патриоты, мечтающие о процветании России, об усилении государства, о социальной справедливости и сохранении базовых национальных ценностей, способны создать пророссийски ориентированные стратегические центры.

В-пятых, развал науки и образования обусловил дефицит кадров для стратегических центров.

Прежде чем объединять и для того чтобы объединить усилия стратегических центров необходимо осуществить их мониторинг. Один из первых шагов на этом пути - выявление основных типов стратегических центров России. Нами была осуществлена экспертная оценка ряда центров.⁵ Анализ полученных данных позволяет выделить три основных типа центров:

- целеустремленные стратегические центры;
- проектно-технологические стратегические центры;
- интеллектуальные стратегические клубы.

Целеустремленные стратегические центры постоянно ищут общие устойчивые стратегические цели, наличие которых позволяет успешно защищаться от внешних влияний и попыток перехвата управления. Они стремятся к достижению поставленных целей через организацию проектной деятельности, выступая в качестве инициаторов и стимуляторов проектов, претендуют на роль центров социального развития. Среди рассмотренных центров данному определению в наибольшей степени соответствуют Интеллектуальный клуб «Стратегическая матрица» и Независимый научный фонд «Институт проблем безопасности и устойчивого развития», имеющие ярко выраженную социальную и проектную направленность.

Проектно-технологические стратегические центры напоминают западные «фабрики мысли». Отсутствие четко осознанных стратегических целей не позволяет им строго придерживаться пророссийской позиции. Они главным образом занимаются выполнением заказных работ в соответствии с принципом «Кто платит, тот и заказывает музыку!». Цель, сформулированная заказчиком, оправдывает используемые для ее достижения средства. Выражаясь в терминологии этических систем (предложенной В.А.Лефевром⁶) эти центры обладают второй этической системой. Совмещение добра и зла оценивается как добро. В современной России такой стиль обеспечивает портфель заказов и широкие возможности для лоббирования интересов. Как следствие, такие центры крайне слабо защищены от внешних манипулятивных воздействий. Их позитивная черта – концентрация сил на технологии решения разнообразных социальных задач, более широкая ресурсная база, чем у центров других типов. Яркий пример проектно-технологического стратегического центра – Фонд эффективной политики.

Интеллектуальные стратегические клубы концентрируются на рассмотрении наиболее сложных проблем, в том числе и стратегических проблем общества и государства. Как правило, они не занимаются проектной деятельностью. Основная цель их работы – стимулировать рефлексивные процессы в об-

⁵ Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление, т. 2, № 1, 2002, С. 5-23 (www.reflexion.ru)

⁶ Лефевр В.А. Алгебра совести / Пер. с англ. – М., «Когито-Центр», 2003. – 426 с.

щественном сознании и способствовать становлению консолидированной позиции новой российской элиты. Их позитивная черта - коллегиальное рассмотрение проблем с разных точек зрения. Пример клуба такого типа – Клуб «Свободное слово», в работе которого на протяжении 17 лет принимают участие более ста высококвалифицированных специалистов, представляющих различные области знания.

При таком разнообразии стратегических центров в России для них нужна сетевая организация. Целеустремленные стратегические центры могут рассматриваться как системообразующие в ней; это разработчики стратегических ориентиров и проектов, главные функциональные единицы сетевой организации. Проектно-технологические стратегические центры могли бы выступить в качестве ведущих интеграторов социальных технологий, а интеллектуальные стратегические клубы – в качестве независимых аналитических структур, генераторов нестандартных идей, а также проводниками воздействия на общественное сознание.

Пока неясно, кто займется координацией, стимулированием и поддержкой механизмов сетевой самоорганизации. Видимо, для решения этих проблем нужны стратегические центры нового типа.

Предварительный анализ стратегических центров России позволяет сделать следующие выводы:

- Для выработки стратегических ориентиров и стратегических проектов в России формируются негосударственные целеустремленные стратегические центры, влияние которых на реальные социальные процессы пока невелико.
- Наиболее развитыми и влиятельными в настоящее время являются проектно-технологические стратегические центры, однако без должного контроля и поддержки они могут стать источником угрозы национальной безопасности России.
- Все большее влияние на общественное сознание начинают оказывать интеллектуальные стратегические клубы.
- Каждый из упомянутых типов стратегических центров имеет свои сильные стороны; в случае адекватной сетевой организации их деятельности можно ожидать синергетического эффекта, результатом которого станет надежное обоснование перехода России от эволюционного к инновационному развитию.
- Для координации, стимулирования и поддержки механизмов сетевой самоорганизации стратегических центров должны быть сформированы стратегические центры нового типа.

На пути к становлению субъектности российского развития

Сегодня Россия стоит перед необходимостью преодолеть тяжелый комплексный кризис, глубоко проникший в политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны. Но, увы, у России нет стратегического пла-

на и долгосрочной программы развития, которые были бы известны обществу и им разделялись, нет субъектов, готовых и способных разработать и взять на себя ответственность за реализацию таких планов. Если же мы сами не определим путь своего дальнейшего существования и развития, то его определяют за нас другие.

Выход из состояния духовного и социального кризиса не только необходим, но и возможен, если Россия, несмотря на все трудности, препятствия и риски, найдет модель развития, специфичную ровно в той мере, в какой специфична она сама. Чтобы это произошло, потребуется выработать стратегию и предложить политику развития, понятную и приемлемую для большинства граждан современной России.

Особая ответственность падает на интеллектуалов, которые проиграли в прошлом и явно проигрывают сегодня государственной бюрократии. Все более актуальной становится задача формирования и консолидации новой элиты, ядро которой могли бы составить те, кто не оторвался от народа, не утратил государственной, гражданской, культурной и этнической идентичности. Это представители научных сообществ, сферы культуры, образования и здравоохранения, малого и среднего бизнеса, работники ВПК, военные и др. Именно они призваны сформировать идеологию новой России, наметить ориентиры ее развития с учетом лучших традиций прошлого. Такая интеллектуальная работа уже сегодня ведется. Залогом ее успешности является создание негосударственной стратегической сетевой структуры, основу которой составили бы стратегические центры (площадки, клубы, лаборатории, журналы, институты, «фабрики мысли» и др.).

Для морального возрождения нации нужен великий лидер, ибо оно начинается с безупречной нравственности руководства. Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем первом Послании Федеральному собранию (июнь 2000 года) отметил: «Развитие общества немислимо без согласия по общим целям. И эти цели не только материальные. Не менее важны духовные и нравственные цели... *Главное — понять, в какую Россию мы верим и какой хотим мы эту Россию видеть*». Со времени постановки этой задачи прошло более шести лет, однако в происходящих и в настоящее время изменениях тактические задачи и цели явно доминируют над стратегическими.

Несмотря на тяжелый диагноз бессубъектности российского общества и государства, в стране имеется пока плохо организованный, но высоко интеллектуальный и духовный потенциал, который нуждается в поддержке и задействовании со стороны *государства и власти*, отвечающих «персонально» за определение целевых ориентиров и принятие стратегических решений.

Главная задача в сложившихся кризисных условиях, должна быть связана с построением такой власти», которая способна перейти от стихийных действий по развалу страны к стратегической проектной работе по ее развитию. Необходимо объединить усилия государства и общества, прекратить их противостояние и дальнейшее дистанцирование. Для этого нужны специальные техноло-

гии и проекты формирования и соорганизации стратегических субъектов российского развития. Эти сложные проблемы бросают вызов и интеллектуальным силам России, требуя от них научного обеспечения адекватных технологий социального управления и развития.

Российская наука имеет опыт успешной мобилизации для решения стратегических проблем в трудные для страны времена. Однако тогда наука и государство были союзниками, а сегодня имеет место планомерное разрушение отечественной науки и в первую очередь Российской академии наук. Тем не менее, не уместны ссылки на объективные и субъективные трудности, надо брать на себя ответственность, разрабатывать и внедрять научно обоснованные технологии консолидации всех сил общества для возрождения России.

Страна располагает относительно небольшим ресурсом времени для продолжения поисков выхода из кризисного состояния. В этой связи нельзя рассчитывать на стихийное формирование механизмов развития. Необходимо срочно найти или сформировать субъекты, которые взяли бы на себя эти функции и смогли бы продуктивно их реализовать.

Нами была выдвинута идея создания сетевой структуры стратегической элиты России, которая могла бы взять на себя функцию консолидации государства и общества в решении проблем российского развития⁷. Такой подход позволит осуществить консолидацию всех структур общества, решить проблему, которая сегодня в России кажется неразрешимой. Президент Российской Федерации получит мощнейший механизм стратегического управления, при соответствующем использовании которого в качестве параллельного контура управления страной возможно в короткие сроки решить проблему борьбы с коррупцией, обеспечить подготовку национального кадрового резерва, ротацию кадров в государственном управлении и многие другие задачи.

В последние годы предпринималась попытка создания в регионах (а по большому счету и в стране в целом) параллельных контуров управления на основе создания федеральных округов. Однако конструктивная с позиций управления идея не была в достаточной степени эффективно реализована, поскольку «второй субъект» оказался так же, как и «первый», элементом государственной машины. К сожалению, не были использованы благоприятные условия для «выращивания» в рамках федеральных округов нового типа субъектов управления, что позволило бы сделать шаг к построению гражданского общества в России.

Для того чтобы стартовали мощные процессы консолидации российского общества, в интересах развития страны Президенту РФ предстоит провозгла-

---

⁷ Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление, т. 2, № 1, 2002, С. 5-23 (www.reflexion.ru)

Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. Том 3. № 1. 2003. С. 5-27 (www.reflexion.ru)

Манифест российского развития (www.reflexion.ru)

силь приоритет прав и интересов общества и, взяв на себя ответственность за развитие страны, наконец приступить к созданию условий для достойной жизни ее граждан. В противном случае Президент РФ останется один в противостоянии с коррумпированными группировками чиновников и «вертикаль безвластия», которую сметёт какая-нибудь «оранжево-берёзовая» или феодальная революция.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В XXI ВЕКЕ: ВЫБОР РОССИЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Авксентьев В.А.

(Южный научный центр РАН)

Несмотря на характерные для начала 1990-х утверждения о конце эпохи национальных государств, развитие событий на рубеже столетий и в XXI веке свидетельствует, что национальные государства актуальны и в современном мире, в его многих регионах осуществляется нацстроительство, которому уделяется приоритетное внимание. Для современной России нацстроительство — одна из насущных задач современных трансформаций, это обретение страной и народом новой идентичности в глобализирующемся мире. Отсутствие новой устойчивой российской идентичности, которая отражала бы реалии XXI века и способствовала обретению человеком гражданской самости в поликультурном мире, является одним из основных негативных результатов реформирования российского общества в 1990-е годы. Формирование макрополитических идентичностей в современном мире — политический проект, и в случае отсутствия внимания к этой сфере появляются альтернативные идентичности, имеющие конфликтогенный характер.

Динамика социально-политических предпочтений российских граждан свидетельствует о заметной реставрации характерных для советской эпохи имперских макросоциальных идентификаций и эклектичном характере формирующейся российской идентичности. Последняя может успешно сложиться только на *позитивной основе*, в рамках позитивно окрашенной социальной картины мира. Для этого необходим воспринятый большинством общества и обращённый в будущее социальный проект новой России, которого нет и контуры которого современная российская политическая элита лишь начала формировать.

Предложенные в 2005 г. программы развития социальной сферы и обозначенные «национальными проектами» могут претендовать не более, чем на статус программы создания социального государства и вряд ли способны обеспечить становление позитивных автостереотипов россиян. Обозначение этих программ национальными проектами существенно девальвирует саму идею национального проекта и представляет собой «понижающую идентификацию», результатом которой будет укрепление негативной идентичности. На-

циональные проекты должны определить место России в глобализирующемся мире на период жизни двух поколений.

Представляется, что новая российская идентичность должна, во-первых, отражать геополитические реалии современного мира и фиксировать желаемое место России в геополитическом устройстве мира через 15–20 лет; во-вторых, иметь чёткие цивилизационные ориентиры; в-третьих, быть обращённой в будущее, а не в прошлое и, как следствие, в-четвёртых, иметь светский характер; в-пятых, быть основанной на нескольких прорывных проектах, в которых Россия теоретически может стать мировым лидером.

Лишь в 2006 г. появились явные признаки готовности политической элиты к выработке таких идентификационных проектов.

Ещё одна сложность в формировании новой российской идентичности – конкурирующие представления о желаемом национально-этническом устройстве страны, о механизмах, способных обеспечить неконфликтное существование различных этнокультурных общностей в едином правовом и социокультурном пространстве. В этом аспекте особенно важными представляются определение целей государственной национальной политики и разработка терминологии, которая бы: а) соответствовала поставленной цели; б) согласовывалась с отечественной политической философией и политической культурой; в) имела непротиворечивый характер; г) не была конфликтогенной. Современная политическая философия предлагает три основных модели организации этносферы: национальное государство, мультикультурное общество и поликультурное (полиэтническое) общество. Корректное различение этих подходов и осознанный выбор между ними особо актуален с учётом доработки проекта Закона Российской Федерации «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации».

Следующая концептуальная проблема, связанная с формированием образа будущего России, – наличие в современной политической философии и политическом лексиконе различных трактовок понятия «нация». В последние годы предприняты новые усилия по внедрению в российское общественное сознание концепта «российской нации». В научном плане две трактовки нации (этатистская и этническая) равноправны, однако в политико-правовом дискурсе необходимо использовать одно из них, так как выбор одного из этих концептов – это выбор оснований национальной политики.

Различия в использовании понятия «нация» являются историко-культурологическими, а не научными. В восточноевропейской политической традиции, к которой относится и русская политическая философия и политическая культура, понятие «нация» наполнено этническим содержанием («нация как современный тип этноса»), в отличие от западноевропейской (англо-романской), для которой характерно этатистское понимание нации. В традиционной для российской политической культуры терминологии написана действующая Конституция Российской Федерации. Настойчивое внедрение в российский общественно-политический лексикон понятия «российская нация» соответ-

ствуется западной, но не российской политической культуре, в которой общая российская идентичность может быть столь же успешно выработана на основе более привычной конструкции «многонациональный народ», т.е. того вербального образа, которому в Конституции РФ предпослано слово «Мы...».

Разумеется, средствами современного медийного комплекса можно постепенно «внедрить» в общественное сознание идею «русской нации», однако политическая целесообразность этих усилий неочевидна. В отечественной политической культуре имеются работающие позитивные образы, принятые большинством населения и не имеющие конфликтогенных следствий. В то же время настойчивая пропаганда образа русской нации может вызвать критику со стороны части региональных этнополитических элит и интеллигенции государственной национальной политики как ассимиляционно ориентированной.

В этой связи целесообразно сохранить отечественную политическую и культурную традицию, закреплённую в действующей Конституции. При этом главной задачей формирования социокультурной идентичности россиян является выявление или формирование идентификационных образов, направленных на консолидацию людей и их ориентированность в будущем, поиск адекватных идентификационных маркеров и символов.

«СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» КАК ГЛАВНЫЙ ВЫЗОВ БУДУЩЕГО

Б.В. Аксюмов

(Ставропольский государственный университет, г. Ставрополь)

Социокультурное пространство современного мира вновь становится разделённым на два противоборствующих лагеря, которые чаще всего обозначают как современную западную цивилизацию, с одной стороны, и традиционный восточный мир – с другой (с определёнными оговорками к последнему можно отнести и Россию). Выделение ведущих противоречий и чёткое определение их субъектов-носителей становится важным этапом теоретического осмысления действительности. Исходное противоречие возникает между традиционализмом и современностью, между реальным технико-технологическим состоянием традиционного общества и необходимостью его модернизации в условиях глобализирующегося по западной модели мира. При такой интерпретации соотношения современности и традиционности современность ассоциируется с техническим и организационным могуществом, с истинными ценностями, которые считаются исключительно принадлежностью западного мира, идентифицируется с единственно правильно выбранной стратегией развития. Современность в данном случае являет собою идеал, своеобразное средоточие добра и красоты, истины и совершенства. Весь остальной мир, в том числе Россия, должен в своем развитии ориентироваться на этот, уже достигнутый, идеал.

На сегодняшнем этапе развития мира проблема модернизации тесно смыкается с тенденциями к унификации и глобализации мирового целого. Цель и теоретические основания обоих процессов — модернизации и глобализации — тождественны: унифицировать мир по образцу современной западной цивилизации. Однако практика мирового развития показывает, что данные процессы проходят болезненно: феномен этнического возрождения, усиление традиционализма как теории и практики, усиленное подчеркивание многими странами своей самобытности и специфичности — только некоторые знаковые препятствия и контртенденции на пути глобализации. Именно в этой точке, где сталкиваются противоположные интересы и тенденции, в пункте пересечения противоречий между современной западной цивилизацией и остальным миром, зарождается современный конфликт ценностей, лежащий в основе «столкновения цивилизаций».

Если современности соответствует возвышенный идеал, то традиционность предстает как несовершенное, примитивное. Самими же носителями традиционности и идеологами незападного общества ситуация воспринимается наоборот: традиционность отождествляется с самобытностью и специфичностью восточной цивилизации, а понятие современности в их мировоззрении полностью утрачивает пафосный и позитивно-этический оттенок, который оно имеет в западоцентристской трактовке проблемы. Достижения западной цивилизации признаются неприемлемыми для восточной цивилизации, вредными для нее и опасными, т.к. перенимание западного опыта может привести к потере самобытности, к утрате той специфики, которая составляет основу восточной цивилизации и из которой она черпает энергию для дальнейшего развития.

Современная западная цивилизация во главе с США воспринимается как сила, стремящаяся разрушить самоидентификацию восточного мира, лишит его тех оригинальных черт, которые составляют его самое дорогое достояние. В этом фундаментальном противоречии между современностью и традиционностью, между антагонизирующими идентичностями, ценностями, ментальными установками, мировоззрениями и заключается главное основание «столкновения цивилизаций» и главный вызов будущего для всего мирового сообщества вообще и для России, в частности. Именно в этих условиях, когда сталкиваются друг с другом самые разнонаправленные тенденции, когда невозможно оставаться в стороне, России придется делать свой цивилизационный выбор, который определит вектор развития нашего государства в XXI веке.

СУБЪЕКТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И ВЫСОКИЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

О.С. Анисимов

*(Российская академия государственной службы
при Президенте РФ, Москва)*

Когда мы говорим о «субъекте стратегического управления», то имеем в виду «субъекта», помещенного в функциональное место стратегического управленца. Следовательно, подчеркивается функциональное пространство управленческой деятельности в целостности универсума деятельности и локализация в стратегическом типе управления. Но тогда появляется необходимость раскрытия самого процесса помещения человека, как особого типа ресурса, в функциональное место стратегического управленца. Человек помещается как «субъект» и, следовательно, как носитель субъектных качеств, в отличие от иных субъективных качеств. В психологии остается большая неопределенность в определении собственно субъектных качеств, отличающихся от индивидуальных и личностных. Если относительно оппозиции «индивидуальные-неиндивидуальные» качества все согласны, относя к «неиндивидуальным» качествам результаты субъективных трансформаций в социализации и окультуривании, то в этих результатах усматривают как субъектные, так и личностные качества. Одни предпочитают пользоваться термином «субъект», другие «личность». При этом дело не только во вкусовом выборе, сколько в том, какое значение закрепляется за термином.

В социокультурном и деятельностном типе бытия специфическим и основополагающим является соотношение носителя субъективности с нормами, требующими содержания мысли. У человека возникает выбор между соответствием норме и несоответствием и между двумя типами несоответствия. Если несоответствие предопределяется стихийностью самовыражением, то человек возвращается к начальному уровню своей развитости, к индивидуальным качествам. Если же он несоответствие связывает с «совершенствованием» норм, то предполагается также будущее соответствие, но новой норме, более совершенной. В психологии давно осознано, что при соответствии норме необходима одна самоорганизация, а при совершенствовании норм — другая. Именно во втором случае максимально привлекается рефлексивная способность, механизм, теснейшим образом связанный с развитием, самоизменением. Мы считаем, что «субъектные» качества присущи самоорганизации в ходе соответствия норме, а «личностные» при совершенствовании норм. Часто смешиваются эти две группы качеств и называют их синтез «субъектными» качествами.

В стратегическом управлении имеется своя специфика нормативных требований, и они позволяют выявлять субъектные и личностные качества стратегического управленца. Более конкретные нормы являются основой стратегической рутинности, задачной формы самоорганизации, тогда как более абстрактные нормы вносят момент рутинности, задачности, не позволяют ставить и решать проблемы. Но вместе с постановкой проблем вводится режим коррек-

ции и совершенствования норм, проявления личностных качеств. Особым типом реагирования на новую ситуацию выступает не стихийная, не задачная и не проблемная формы и способы самоорганизации, в которой совмещаются все моменты, не зависящие от установки. При сохранении значимости вписанности в деятельностный мир, в управленческий тип деятельности, в стратегический сектор управленческого пространства, установка конкретизируется либо как самоопределенческая, с поиском своего отношения к тому, на что строится реакция, либо как инновационная, с поиском новизны в деятельностном пространстве, в своей деятельности.

С конца 70-х годов в СССР быстро стала складываться та форма игрового моделирования, которая основывалась на результатах развития методологического движения, сложившегося в СССР в середине 50-х годов. На основе рефлексивной составляющей мыследеятельности и применения фундаментальных языковых средств «теории деятельности» появились те изощренные интеллектуальные технологии, в рамках которых стали возникать предпосылки к профессиональной стратегической деятельности и появлению «стратегических субъектов».

К настоящему времени достаточно быстро оформляется управленческая деятельность «микромасштаба», в управлении фирмами, предприятиями, подразделениями и т.п. Основной акцент уделяется рутинной составляющей, задачной форме, не осознается значимость творчества, инноватики. Проблемная форма развита крайне слабо, так же как и прогностика. Однако в стратегической форме управления не достигнуты и эти успехи. Основным остается стихийный тип самоорганизации, т.е. дилетантский, с многими включениями из иных типов деятельности и из системы знаний, норм, нормативных установок и т.п. Часто говорится о таинстве стратегического мышления и рефлексивной самоорганизации, и это дополнительно консервирует сложившийся дилетантизм. В результате общество не имеет профессиональных стратегов и вынуждено быть заложником случайного характера стратегического управления. В этом случае не может быть ни субъектов, ни личностей в стратегической элите страны.

РУССКАЯ ИДЕЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Г.А. Антипов

(Сибирская академия государственной службы, г. Новосибирск)

Тема русской идеи стала фактом нашей актуальной политической культуры. Исходный политический запрос на неё выглядел как констатация потребности в российской национальной идеологии, «некоей универсальной формулы, касающейся общепринятых ценностей и объединяющей всех людей». Этим был задан импульс дискуссии, протекающей сейчас на разных уровнях философской, научной и политической публицистики. Как правило, обращение к данной теме увязывается с диагнозом общего духовно-идейного кризиса, утратой чувства общенациональной перспективы, резким снижением самооценки

нации и т.п. Характерны суждения вроде: «Сегодня и Запад, и Восток, и мировой Юг обладают идеологическими построениями, обеспечивающими их развитие, самоидентификацию, даже само выживание...Россия сейчас – единственное идеологическое «белое пятно» на карте мира». Встречаются, однако, и суждения, отрицающие какую-либо значимость темы: «всякая общенациональная идеология изначально порочна», власти надо больше заботиться не о национальной идее, а об обеспечении права зарабатывать и тратить деньги, избирать себе правительства и менять их и т.д.

В широкий общекультурный обиход тема русской идеи была введена русской философской традицией, прежде всего, В.Соловьёвым. Им она была осознана как национальная идея: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». Решение вопроса о национальной идее, считал он, следует искать не в общественном мнении сегодняшнего дня, а в «вечных истинах религии». Существенно иная трактовка русской идеи представлена у Н.Бердяева. Она фигурирует в трёх ипостасях. Во-первых, как «формация русской души». Во-вторых, это некоторая концептуальная схема. Таковой выступает доктрина «Москва – третий Рим», то есть представление об особой исторической миссии России. В-третьих, русская идея рассматривается в качестве основного порождающего фактора для всей русской философской традиции.

Что собой представляет феномен русской национальной идеи сам по себе, по своей сути, безотносительно к возможным её содержательным трактовкам? Что такое национальная идея как социокультурная форма, каковы её функции? Это род научной доктрины, теории? Форма идеологии, идеологема? Род мифологического сознания, мифологема? Психологический склад нации, архетип? Национальная философия, философема? Формулировка долговременных политических приоритетов? Наконец, брэнд, вроде: «Америка превыше всего»?

Повод к такого рода вопросам дают и некоторые имеющие сейчас место суждения, например: «Национальная идея» начинается не с создания «мифа», а с понимания: с общего трезвого и научного понимания того, кто мы, чего достигли, куда хотим двигаться, какие пути и ресурсы для этого у нас существуют».

Обратим внимание на предлагаемую оппозицию мифа «научному пониманию того, кто мы». Попытку выработки подобного понимания, а, значит, национальной идеи, правда, применительно к современному американскому обществу, находим в недавно вышедшей работе Самюэля Хантингтона «Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности». В книге проведен анализ переживаемого американцами кризиса национальной идентичности и предлагаются пути её возрождения. В общий контекст «американской идеи» Хантингтоном явно включается и миф, мифологема - в виде «рая на земле», или «града на холме».

Мифологемы, очевидно, отличаются от идеологем. Но исторически известны прецеденты превращения, метаморфоза первых во вторые. Один из подобных прецедентов был зафиксирован Н.Бердяевым. Имеется в виду транс-

формация доктрины «Москва – Третий Рим» в идею Третьего Интернационала. Весьма коллизийными оказываются отношения мифологем и идеологем в контекстах философской рефлексии, которая выступает по отношению к ним в качестве порождающей структуры. Наглядный пример – творчество Вл. Соловьёва. Если с учётом сказанного взглянуть на философию всеединства, окажется достаточно понятен её парадоксальный характер. Он заключается в том, что философия всеединства по самой своей сути есть рефлексивная реконструкция структур мифологического сознания.

Итак, с социокультурной точки зрения русская идея, как и вообще всякая национальная идея, представлена четырьмя уровнями: мифологическим (мифологемы), идеологическим (идеологемы), архетипическим (архетипы), рефлексивным (философемы). Её вовсе нельзя уложить в какую-либо формулу или бренд. Последние могут играть лишь чисто символическую роль. Сам термин «идея» если и приложим для тематизации существа дела, то только в приближенной ретроспективе гегелевской философии, к которой он генетически и восходит.

Функционально русская идея – форма национальной идентификации. В этом её качестве следует отличать от государственных доктрин, программ, представляющих стратегические цели и задачи, или выражений общих приоритетов государства, как института, призванного обслуживать общество в его фундаментальных потребностях, каковым является, например, «сбережение народа российского». В известном смысле традиция обсуждения русской идеи совпадает со всей традицией русской философии. Показательно, что её историографический обзор у Н. Бердяева и был озаглавлен как «Русская идея».

Россия и через столетие после Петра I была ещё обществом во многом традиционным. Принципиально иные формы социальной эволюции складывались в Новое время в Западной Европе. Это была техногенная цивилизация. По мере своего упрочения техногенная цивилизация оказывает всё более усиливающееся воздействие на традиционные архаические структуры, разлагая и трансформируя их. Рано или поздно это выливается в кризис традиционного общества, проявляющийся в коллизиях его систем ценностей, в их распаде. Резюмируются подобные кризисные явления в кризисах идентичности.

Углубление такого типа кризиса и переживает Россия в XIX веке. В нём-то и заложены источники мощного импульса, породившего в российской культуре вспышку философской рефлексии, выпадающую именно на данный период. В конечном счёте, указанный кризис разразился революциями, последняя из которых привела к историческому откату, реанимации многих социокультурных и экономических структур, присущих классическому архаическому обществу: господству внеэкономического принуждения, почти как при рабовладении и феодализме, кастово-сословной организации господствующего класса, аналогам строительства пирамид («великие стройки коммунизма») и т.д.

Ситуацию исторического выбора, в значительной степени аналогичную проходившей в веке девятнадцатом, переживает и нынешняя Россия.

СУБЪЕКТ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРОЦЕСС ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ

В.И.Аршинов

(Институт философии РАН, Москва)

Проблема субъекта постнеклассической науки является примером того класса проблем, о которых принято говорить, что они являются комплексными, междисциплинарными, а потому и малоразработанными. Одна из главных особенностей названной проблемы состоит в том, что, говоря о субъекте постнеклассической науки, мы имеем дело с субъектом, *который становится*. Мы имеем дело с субъектом, который не дан нам в готовом виде, но, в зависимости от того или иного коммуникативного контекста и философской традиции, является нам в разных обликах.

Проблема становящегося субъекта сама по себе имеет много граней и все последующие рассуждения имеют своей основной целью эскизно обозначить особенности ее постнеклассического рассмотрения. Забегая вперед, сразу же отметим, что субъект постнеклассической науки – это, прежде всего, трансдисциплинарный *субъект*, осознающий себя в интертекстуальном метаконтексте многообразных междисциплинарных и кросскультурных коммуникативных практик, включающих в себя практики творческой познавательной деятельности, инновационного образования, а так же практики духовных упражнений. И это преодоление является своеобразным циклическим «гештальтоподобным процессом», осознания необходимости «повторного вхождения (возвращения) субъекта» во все контексты человеческой деятельности; процессом, настоятельно диктуемым, помимо всего прочего, так же и тем кризисным состоянием, в котором в настоящее время находится наше культурное и цивилизационное развитие.

Подчеркнем, что принцип повторного вхождения субъекта в петлю прямой и обратной связи, изначально связывающей субъект и объект коммуникативно-познавательной деятельности человека (предложенный французским философом Э. Морэном) является для нас одним из ведущих принципов рассмотрения всей проблемы становления субъекта постнеклассической науки

Мы будем говорить о постнеклассической науке в том ее виде как она трактуется В.С.Степиным, который и ввел в обиход этот философско- методологический концепт, все эвристические возможности которого пока еще не раскрыты. Как пишет известный американский философ Том Рокмор, «постнеклассическая концепция науки В.С.Степина опирается на его заслуживающую особого интереса концепцию исторического конструирования»¹. В контексте постнеклассической науки В.С.Степин вводит сопряженное с ним понятие «постнеклассической рациональности», содержание которого он раскрывает

---

¹ Рокмор Т. Постнеклассическая концепция науки В.С.Степина и эпистемологический конструктивизм. // Человек. Наука. Цивилизация. (К семидесятилетию академика В.С.Степина). М.: Канон. 2004, С.249

именно в историческом сопоставлении с рациональностью классического и неклассического образцов.

Рассматривая становление постнеклассической рациональности В.С.Степин фокусирует внимание на специфике исторического становления объектного полюса предлагаемой им философско- методологической реконструкции развития науки².

Мы обращаем внимание на субъектный полюс исторического процесса становления постнеклассической науки. (Операция в чем-то сходная с операцией переключения гештальта в рассмотрении конфигурации «фигура-фон»). По сути уже в этой операции «наблюдения наблюдателя» мы имеем дело с операцией «повторного вхождения в форму» Спенсера-Брауна-Морена.³

Итак, первое, что мы подчеркиваем и что становится фигурой на фоне объектного рассмотрения – это тот факт, что постнеклассическая наука имеет дело с субъектом, который становится в контексте исторического времени, в контексте открытого и порождающего новые смыслы диалога с культурой. Причем это становление имеет, как уже было выше отмечено Томом Рокмором, существенно конструктивный характер. С другой стороны этот процесс контингентен.⁴ Постнеклассика, становящаяся в контексте развития современной техногенной цивилизации, технонаучной культуры, фокусируется на антропологическом, темпоральном и сложностном измерениях конструируемой реальности. При этом она стремится зафиксировать свою становящуюся реальность в качестве реальности, создаваемой не только наукой, но и современными высокими информационными технологиями; зафиксировать становящуюся реальность в качестве реальности, создаваемой в процессе диалогического коммуникативного взаимодействия с культурой, в качестве реальности, порождаемой процессом соотнесения человека с самим собой, посредством его эволюционно-космологического измерения.

Траектория становления субъекта постнеклассической науки имеет своей отправной точкой классического субъекта научно-познавательной деятельности, как личностной проекции, объективирующей себя в страстном стремлении найти, обнаружить, открыть и познать реальность «как-она-есть - на-самом-деле», находящуюся «по ту сторону» изменчивого мира человеческих эмоций, ощущений, желаний и представлений. Следующая точка фиксации этой исторической траектории – неклассический субъект квантово-релятивистской физики, для которого познаваемая им реальность осознается не только как им открываемая, но и как им создаваемая в процессах экспериментирования как мысленного, так и «натурного», а так же рефлексии над этими процессами. Наконец, постнеклассический субъект порождается в рефлексивных практи-

---

² Степин В.С. Теоретическое знание – М., Прогресс-традиция, 2003 - сс. 635, 636.

³ См. Хиценко В.Е. Самоорганизация. Элементы теории и социальные приложения. Москва. КомКнига. 2005. с.84

⁴ Там же.

ках «второго порядка», создающих коммуникативную реальность «нового диалога человека и природы» (И. Пригожин), процесс объективации которой делает его субъектом-носителем ценностно-познавательного сознания.

Вводимое здесь нами понятие «коммуникативной реальности» имеет историко-культурную, междисциплинарную подоплеку, позволяя генетически (и исторически) связать всех трех субъектов научного познания, идентифицируя их посредством принадлежности к общему этосу науки. Коммуникативная реальность актуализировалась в науке уже в контексте неклассической, квантово-релятивистской фазы ее развития, когда в спорах по поводу статуса принципов наблюдаемости, неопределенности и дополнительности в квантовой механике стало постепенно осознаться, что научный эксперимент — это «круговой» кибернетический процесс, в котором исследователь, посредством органов чувств, инструментов, приборов, с использованием теоретических моделей оказывается вовлеченными в циклически воспроизводимый контакт с исследуемым им фрагментом «внешней реальности» и одновременно, в контакт «с самими собой», как необходимой предпосылки осмысленной коммуникации с «другим» по поводу того, что он сделал, наблюдал и осознанно зафиксировал, так, что бы «другой» в принципе мог его сообщение осознанно воспринять и воспроизвести сделанное им вместе с полученным им результатом как своим собственным. Заметим, что здесь ссылка на «Другого» в контексте философской традиции может быть понята так же и как указание на трансцендентное, на трансцендентную реальность, присутствие которой может в свою очередь восприниматься и как реальность виртуальная.

Итак, коммуникативная реальность — это прежде всего реальность интерсубъективных коммуникаций. Ее специфика определяется особенностями вовлекаемых в нее субъектов, структурной спецификой их внутреннего субъективного опыта. В этом смысле коммуникативная реальность вошла в неклассическую науку не только через онтологию квантовой механики, но и через сознание ее субъекта, образуя тем самым своеобразную кольцевую структуру.

Отметим, что в рамках традиции научного познания эту, по сути интерсубъективную, коммуникативную реальность, чаще всего и называют объективной, неявно предполагая при этом ее коммуникативную «замкнутость» на эксперимент, с одной стороны, и теоретическое знание, с другой. Однако «интерсубъективная объективность» сталкивается со сложностями в том «реальном» контексте междисциплинарности, в котором «находит себя» постнеклассическая наука и ее становящийся субъект. Эти сложности обнаруживаются в трудностях интерсубъективной междисциплинарной коммуникации, стратегия преодоления которых строилась на убежденности в существовании некоторой изначально единой объективной реальности (действительности), представленной (или сконструированной) в соответствующем языке. Указанные трудности в полной мере дали о себе знать уже в рамках неклассической квантово-релятивистской физики, в знаменитых дебатах А. Эйнштейна и Н. Бора. В еще большей степени они обнаруживаются в постнеклассической

науке, все более становящейся не только междисциплинарной, но и трансдисциплинарной.

По сути, те же междисциплинарные трудности, порождаемые отсутствием «единства мироздания» как основания на уровне трансцендентального опыта построения общей картины мира, не дают возможности использовать традиционно объективированную форму коммуникативного включения реальности трансцендентного в контекст той сложной саморазвивающейся системы, с которой, в качестве объекта «имеет дело» постнеклассическая наука. Напомним, что среди этих сложных саморазвивающихся систем В.С.Степин выделяет особый класс человекоразмерных систем; систем, в которые включен человек. Но человек, очевидно, не может быть непосредственно включен в эти системы в качестве объекта в классическом его понимании. Однако, по тем же причинам не может он быть непосредственно включен и в качестве субъекта. Не удастся его полностью включить и посредством неклассической квантово-релятивистской связки «наблюдатель—наблюдаемое», поскольку за скобками остается такой существенно человеческий фактор как процесс сознания (осознавания) субъектом самого себя.

Но главный вопрос здесь как быть с тем, что именуется субъективным опытом, индивидуальным сознанием, духовностью? Сферу наших рассуждений в этом контексте нужно расширить так, чтобы включить в нее коммуникацию трансцендентальных субъектов. Эта коммуникация выводит нас за жесткие рамки классических бинарных субъект-объектных различий, связывая эти различия посредством «логики включенного третьего» (V.Nicolescu)⁵ и порождая новое трансцендентное пространство, в котором, в принципе есть место и для собственно духовного измерения человека, для его ценностей.

Здесь мы не можем пройти мимо трансцендентального субъекта Гуссерля, пытавшегося восстановить единое информационно-коммуникативное пространство человеческого познания на основе данности трансцендентального опыта и особой науки о «конкретной трансцендентальной субъективности, данной в действительном и возможном трансцендентальном опыте»; науки, образующей «крайнюю противоположность по отношению к наукам в прежнем смысле слова, к объективным наукам». При этом, как отмечает Б.В.Марков, «вынося объективный мир, реальность за скобки, Гуссерль не собирался отбрасывать науку. Он только хотел показать, что ее основанием является не «действительность, как она существует сама по себе», выступающая критерием истинности любых сообщений, а данности трансцендентального опыта. Наукой об этом опыте и выступает феноменология». Таким образом, подчеркивает Б.В.Марков, «трансцендентальный субъект становится новым медиумом ком-

---

⁵ Nicolescu V. Toward a methodological foundation of the dialogue between the technscientific and spiritual cultures. //Международные чтения по теории, истории и философии культуры. №18 «Эйдос», Санкт-Петербург, с.139 — 152.

муникативной системы»⁶. Но эта коммуникативная система, пытающаяся (помимо прочего) решить проблему единства наук о природе и наук о духе посредством ориентации на субъектно-ориентированный опыт сознания, сама сталкивается с трудностями коммуникации в сферах науки, культуры, сферой «здесь—и—теперь» человеческого бытия.

Вернемся к проекту постнеклассической науки и ее субъекту. В.С.Степин, в отличие от Гуссерля, не выносит его за скобки, а, напротив, заключает в них. Тем самым символически подчеркивается преемственная историческая связь всех этапов становления субъекта научного познания постнеклассической науки, понимаемой прежде всего как науки естественной; науки, черпающей свои истины из самой природы. С другой стороны, субъект постнеклассической науки открыт для будущего развития. В том числе и развития в направлении его коммуникации с трансцендентальным субъектом Гуссерля. Стоит ли при этом специально говорить о том, что это развитие вовсе не есть одностороннее «восхождение» по пути все более полного и всеохватного постижения истины. Добавим: отказ от этого линейаризованного образа прогресса относится и к культурному, и к гуманитарному развитию, где по умолчанию он до сих пор часто имеется в виду. На нынешнем этапе цивилизационного развития к его собственному образу предъявляются уже иные требования. Их можно охарактеризовать как более жесткие, а можно — как более либеральные, но они — иные, и их исследование, на наш взгляд, ставит вопрос и о переориентации самой философии на исследование проблем трансцендентального эмпиризма как intersубъективной коммуникации, осуществляемой на уровне обмена смыслами, духовными ценностями, а так же, отвечающих этим смыслам и ценностям состояниям человеческого сознания. Все еще оставаясь заключенным в скобки, субъект постнеклассической науки начинает становиться трансдисциплинарным, нелокальным, коммуникативно сопряженным сразу со всей иерархией уровней реальности, включая реальность космологическую. Стоит подчеркнуть, что эта коммуникативная сопряженность только «начинает становиться» и может стать таковой лишь при наличии формирования коммуникации на уровне обмена высокими гуманистическими смыслами и духовными ценностями.

Становление постнеклассической науки, а в ее составе, синергетики, информатики, комплекса когнитивных наук с их «сетевыми» принципами открытости, неравновесности, самоорганизации, подчиненности параметру порядка, кольцевой причинности, обратной связи между уровнями, время от времени перестраивающей их иерархию, существенным образом проблематизирует статус тех «фундаменталистских» представлений, согласно которым «подлинно истинными», реально существующими, объективно истинными считаются лишь некие онтологически исходные константы, «порождающие начала», «идентичности»,

---

⁶ Марков Б.В. Трансцендентальная феноменология с телекоммуникативной точки зрения. // Я.А.Слинин) и МЫ: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. (Сер. «Мыслители». Вып. 10)

самобытности, а все остальное — вторичное и порожденное — это мир искусственного, сконструированного, субъективного, неподлинного, а потому неистинного, а в конечном счете, мнимого и иллюзорного. Сама по себе эта проблема столь же древняя, сколь и сама человеческая культура, но исключительную остроту ей придает именно современное стремительное развитие информационных технологий. Конечно, с чисто технологической точки зрения коммуникативная вовлеченность в трансдисциплинарный и транскультурный диалог субъекта постнеклассической науки представляется чем-то гораздо более реальным. Однако вопрос о том, насколько эта реальность станет реальностью подлинно человеческого бытия чисто технологически не решается. Здесь мы вплотную сталкиваемся с фундаментальной проблемой духовной свободы и ответственности человека, с проблемой его образования в этом качестве.

И здесь мы опять имеем дело с повторным (рекуррентным) вхождением субъекта в субъект-объектный контур постнеклассической науки в ее открытости диалогу с современной культурой, частью которой она одновременно и является. Имея дело с истиной, ее поиском в существенно нелинейном мире; с миром, который этой наукой открыт и, одновременно, с ее же помощью был создан развитием современной техногенной цивилизации, с миром фундаментальной нестабильности, миром взаимопереходов порядка и хаоса постнеклассическая наука в этом своем новом синергетическом качестве призвана формировать нового ответственного трансдисциплинарного субъекта. Ответственного перед истиной и открытого для диалога с трансцендентальным субъектом духовной культуры — как образа человека, несущего ответственность за истину человеческого бытия в развивающемся мире. Именно в такой, открытой будущему, перспективе высокой интересубъектной трансцендентальной коммуникации, тезис В.С.Степина об открытости постнеклассической рациональности социальным ценностям и целям обретает свой поистине гуманитарно-космический, эволюционно-креативный духовный смысл.

Итак, становление постнеклассического субъекта в его синергетическом измерении диктуется настоятельной необходимостью в создании инфраструктуры новых кросскультурных коммуникаций, новых реалий человеческого общения, в которые органично включаются трансдисциплинарные, транскультурные и трансцендентальные субъекты, причем такие реалии становятся, конструируются (или открываются заново) в современной постнеклассической науке, культуре и философии. Решение подобной задачи предполагает, помимо прочего, выработку особого целостного видения, особого подхода, объединенного прежде всего процессом общего индивидуально-коллективного осознания интересубъективного коммуникативного смысла принципа ответственности в его этическом, антропологическом и космологическом измерениях, как принципа синергетической онтологии истории человеческого бытия, заключающей в себе его прошлое, настоящее и будущее во всем многообразии его виртуальных альтернатив. Здесь уместно процитировать слова одного из основоположников синергетики, Германа Хакена:

«В жизни пред нами все время возникают разветвления дорог. Замыкаемся ли мы в растерянности перед их множеством или следуем по своему внутреннему компасу? Ввиду глобализации и возрастающего противостояния — даже в пространственном смысле — религий, также как и при их отсутствии, может быть трудно объективно обладать правильным компасом. Мне лично представляется, что в качестве общего знаменателя может быть взят как существенный принцип ответственности Ханса Йонаса в самом широком смысле. Достойное человека самоорганизующееся общество может продолжительно существовать только тогда, когда каждый поступает так, как если бы он в рамках своей собственной деятельности был ответственен за целое»⁷.

---

⁷ Хакен Г. Самоорганизующееся общество // Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления, т.3, часть 1 – М., Проспект, 2004 – С. 27.

ХАРАКТЕР СТАТИСТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОТНОШЕНИЙ К ЦЕННОСТЯМ И ЖИЗНЕННЫМ ТРУДНОСТЯМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ

М.М. Басимов

(Курганский государственный университет, г. Курган)

Социально-экономический и культурный уровень развития страны можно определить, изучив оценочные отношения людей к социально-психологическим явлениям действительности, среди которых отношения к ценностям/жизненным трудностям и проблемам представляются наиболее важным.

Нелинейность психических явлений по сравнению с многомерностью, для изучения которой разработан широкий спектр методов, представляет собой гораздо более глубокое свойство психического, которое в настоящее время изучено недостаточно. В последние десятилетия синергетика накопила большое число моделей нелинейных физических, химических, биологических систем. Нелинейные системы по своим свойствам радикально отличаются от линейных. Мир нелинейных систем настолько богаче мира линейных систем, что даже любое перечисление свойств нелинейных систем никогда не будет полным, исчерпывающим [5].

Объектом исследования А.Б.Хромова, данные которого мы используем при анализе заявленной проблемы, стали студенты университетов России, Индии и США. Сравнительный анализ отношений к ценностям и жизненным трудностям трех этносов рассмотрен нами в предыдущих статьях [3,4].

Для изучения статистической связи (нелинейной, линейной) в психологических исследованиях использован авторский подход [2], который базируется на применении обобщенного (или другого) варианта метода множественного сравнения [1,2] для квантильных разбиений данных (объектов) по каждому изучаемому параметру, отказываясь от предварительного выдвижения гипотезы

зы о форме зависимости (линейная или какой-то конкретный вид нелинейной зависимости), т.е. для изучаемой матрицы данных определяются как формы зависимостей, так и степени их выраженности на различных отрезках тестовых шкал.

В результате по общему соотношению количеств сильных линейных и нелинейных связей можно сказать, что для представителей России взаимосвязи между параметрами отношений к ценностям и жизненным трудностям по преимуществу нелинейные (7 линейных и 13 нелинейных связей). Для представителей США – преимущественно линейные (13 линейных и 4 нелинейные связи). А для представителей Индии наблюдается примерный паритет линейных (7) и нелинейных связей (9) между изучаемыми параметрами.

Для представителей США изучаемые параметры отношений к ценностям и жизненным трудностям более прогнозируемы в плане обычных линейных моделей, и даже 4 нелинейные зависимости – зависимости с минимумом говорят о том, что при прохождении некоторой критической точки (точки минимума) в дальнейшем повышение озабоченности проблемой (аргумент зависимости) повышает озабоченность и другой проблемой (зависимая переменная).

Для представителей России и Индии для которых характерно преобладание среди нелинейных зависимостей (при меньшем по сравнению с американцами количестве и линейных зависимостей) зависимостей с максимумом имеет место ситуация неопределенности: до определенного момента озабоченность рассматриваемыми двумя проблемами нарастает согласованно, но потом после некоторой критической точки незначительный рост озабоченности одной из двух анализируемых проблем приводит к резкому уменьшению озабоченности другой проблемой, вплоть до значений, меньших первоначальных – полный отказ от проблемы, раздражение при ее упоминании.

Система отношений к ценностям и жизненным трудностям для преимущественно нелинейных систем может формироваться через внешние воздействия только на определенных этапах и всегда есть риск получить результат противоположный прогнозируемому и формируемому, исходя из линейных представлений с необратимым характером. Развитие нелинейной системы отношений к ценностям и жизненным трудностям допускает возможность управления развитием, не имеющим аналога в случае управления линейными системами (системы отношений к ценностям и жизненным трудностям американских студентов).

«Под управлением нелинейной системой следует понимать перевод системы с одного возможного для нее пути развития на другой. Для этого нужно воздействовать на систему в момент, когда она находится в состоянии неустойчивости (вблизи точки бифуркации), причем организовать воздействие топологически очень точное, а именно такое, которое переведет систему на желаемый путь, возможный для нее. При этом такое воздействие может быть чрезвычайно слабым, но, будучи очень точным, приведет к радикальному изменению всей эволюции системы, т.е. после этого воздействия развитие системы

пойдет по другому пути, приводящему к качественно другому будущему состоянию системы» [5].

Анализ статистических зависимостей (коэффициентов связи) между параметрами отношений испытуемых к своим ценностям и жизненным трудностям, проблемам позволяет определить степень сложности переплетения этих параметров, что говорит о субъективных трудностях этноса в отображении своих ценностей и жизненных трудностей.

Сопоставление статистических характеристик зависимостей между параметрами и общих характеристик культур показывает, что характер зависимостей между параметрами отношений к жизненным ценностям и трудностям у студентов упрощается по мере расширения возможностей общества в удовлетворении их материальных, социальных и культурных потребностей, по мере удовлетворения потребностей в повышении уровня и качества жизни, по мере улучшения параметров социально-экономического развития общества, а также с повышением общей бытовой культуры общества.

Литература

1. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. / Под ред. Т.Н.Савченко и Г.М.Головиной. – М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.
2. Басимов М.М. Изучение психологической типологии школьников по фактору успеваемости (на примере школы-гимназии №57). – Москва-Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. – 432 с.
3. Басимов М. М., Хромов А. Б. Статистические коэффициенты измерения параметров отношений к социальным явлениям // Психологическое сопровождение личности в педагогическом процессе: Сб. научных трудов. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2002. – С. 95-105.
4. Басимов М. М., Хромов А. Б. Отношения к социальным явлениям молодежи различных этносов (сравнительный анализ на примере студентов России, Индии и США) / Вестник Курганского государственного университета. – 2005. - №3. – С. 52-58.
5. Крылов В.Ю. Методологические и теоретические проблемы математической психологии. – М.: Янус-К, 2000. – 376 с.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР РУССКОЙ ИДЕИ, ЕЕ РОЛЬ В ОБЪЕДИНЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В.Л. Бекренев

(ЗАО «Технологии, инструменты аналитической работы», Москва)

Человечество, находясь перед лицом открытого Космоса, по своему отношению к бытию, всегда разделялось на две части. Одна часть ассимилировала пространство передовыми мыслями, вырабатывала и указывала пути развития, жила по справедливости, хотела спасения и высвобождения духа и разума, хранила традиции. Другая часть - устремляла и продолжает устремлять свои дея-

ния на разграбление природных, материальных, информационных, энергетических и других ресурсов для эгоистического и несправедливого потребления с превалирующим желанием подчинить и поработить мир, уничтожить часть человечества и его исторические традиции.

Между двумя ортодоксальными позициями, добром и злом, по всей структуре аспектов бытия, личных, общественных государственных связей ведется противоборство, достижение то равновесного, то неравновесного, в том числе, критического состояния, которое мы наблюдаем в настоящее время с явным перевесом деструктивных сил.

Силе грабительской, антигуманной, маскируемой, узко групповой, клановой, сектантской, родовой, информационно-финансовой, «надтоварно-материальной», централизованной и хорошо структурированной сетевой идеологии противостоит слабо организованная в настоящее время сила общечеловеческой, культурной, духовной, интеллектуальной элиты общества, поддерживаемой природным генофондом и разумом социума.

Разделение общества на две противоположные части, что очень важно, происходило и происходит вне зависимости от места проживания, национальной принадлежности, профессии, занимаемого положения, отношения к религии, родовым связям.

Желание найти какую-то самобытно русскую национальную идею, сделать Россию для русских, и тем самым противопоставить страну мировому сообществу – это означает погубить культуру, самобытность, архетип народа, сыграть на руку деструктивным силам.

Духовность, вера и веротерпимость, православие, соборность, миролюбие и патриотизм, почитание этнокультурных истоков – все это является базисом российской, многонациональной культуры, духовной основой жизни ее народа, что может и должно послужить главным потенциалом выработки новой идеологии развития.

Наша страна всегда славилась интеллектом, интеллигентностью, разумом, природным богатством, готовностью к пожертвованию во имя общественных ценностей. Она всегда была и остается генератором духовных, философских и научных знаний мирового значения.

Миссия России заключена в том, чтобы выработать, сформулировать, провозгласить востребованную временем общечеловеческую идеологию и вооружить человечество новым мировоззренческим аппаратом, способным объединить прогрессивные общественные силы на переходном этапе рождения новой цивилизации.

Идея организационного объединения человечества во имя его спасения от сил зла на планете Земля и в Космосе – становится очевидной.

Во-первых – это реальная ситуация усиления угроз природного, техногенного и социального характера.

Во-вторых – это кризис технократического мышления, основанного на подчинении природы человеку.

В-третьих — это полученные научно-практические результаты, дающие основание считать, что задача выработки перспектив развития человечества в третьем тысячелетии может и должна быть решена в ближайшие десятилетия.

Все это предопределяет переход концептуальной мировой власти от клановой, скрытой группы к общечеловеческому, интеллектуальному и духовному центру мира, местом рождения которого должна стать Россия.

Средством решения задачи перехода концептуальной власти к силам развития станут:

- рожденные в России механизмы синтеза общечеловеческих знаний о происходящих процессах в природе и обществе;
- сформулированный российским интеллектом научно-обоснованный образ будущего человечества;
- разработанные российскими учеными и философами конструктивные проекты путей выживания человечества в третьем тысячелетии;
- российские технологии доведения общечеловеческих знаний до широкого общественного сознания, прорывающие созданную деструктивными силами блокаду информационной изоляции общества.

Эти средства послужат духовному возрождению российской цивилизации в третьем тысячелетии, превращению страны в духовный центр мира, который притянет к себе души и дух всех народов.

ЗА ЧТО ИМЕННО ОТВЕЧАЕТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПЕРЕД НАРОДОМ?

И.П. Беляев, В.М. Капустян, В.Н. Юрашко
(НИИ Информационных технологий, Москва)

Уважаемые интеллигенты, вопрос о конкретном содержании предмета ответственности интеллигенции перед народом, по нашему мнению, толком никогда не обсуждался. Обобщённая формула Некрасова *«поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»* - невнятна. А если точнее? Ответственность за что? Ведь кормит интеллигенцию именно наши российские народы, а не абстрактное «человечество». Ключевский писал, что издание Петром III в 1762 году манифеста о вольности дворянства было самым позорным актом в истории России. Военнообязанные дворяне, «став на кормление», мало-помалу превратились в класс паразитов и уклонистов.

Как же нам понимать предмет ответственности интеллигенции перед народом? Ещё сам Пушкин говорил, что поэт не подвластен суду черни, а отвечает лишь перед самим собой. В наше время часто говорят: «Я сам всего достиг, стал интеллигентом, я уже тем совершил большую общественно полезную работу. И я теперь ни за что и ни перед кем отвечать не обязан.

Однако устойчивое бытование интеллигенции у всех народов мира говорит о том, что должен быть и ясный смысл роли интеллигенции, и ясный предмет

её ответственности! Она несёт ответственность за что-то очень важное, - эта наиболее талантливая, образованная и знающая часть народа. Она не может существовать вне народа «только для себя».

У индусов интеллигенцией была и по сию пору остаётся каста брахманов. Она не управляет обществом, не участвует в войнах, торговле, услужении. Её дело – приложение законов Вед к реалиям жизни. Брахманы – хранители и толкователи культуры индийского народа, и в Махабхарате сказано: «Если в своём попечении о брахманах правящие, словно тупоумные, не будут обуздывать свою жадность, то для всех наступит гибель».

Академик В.М. Алексеев писал: «Образованный китаец является выразителем только своей культуры. Цель его в выработке стиля и навыка, которые позволяли бы ему на экзамене показать, что он постиг всю глубину древней китайской культуры и является её современным представителем». Только славшие государственные экзамены могли занимать должность.

И по истории других народов мы видим, что интеллигенция – хранитель культур. Это нас сразу подводит к вопросу о роли самой культуры. Зачем нужна культура и почему мы говорим о культуре народов, а не об «общечеловеческих ценностях»? Может быть, сначала надо обсудить нашу «общенародную ценность»?

На одной и той же земле, например, татары и немцы создают себе очень разные способы жизни. Но вот если какому-то народу нечем гордиться, его молодые поколения уходят в другие народы, и народ исчезает. Однако в России ещё ни один народ не исчез, ибо при создании России действия были не такие, как при завоевании Западом Нового Света. Нашим народам всегда было и есть чем гордиться. И у нас не учреждения определяют культуру, а культура сама определяет государственные учреждения. Жизнь – смена поколений, прогресс науки и техники, – постоянно ставит перед народом проблемы, которые он решает.

Немало народов рухнуло под тяжестью проблем. Римляне, древние египтяне, вавилоняне, инки, ацтеки создали чудесные культуры, но не сумели решить своих проблем. А кто, как не интеллигенция, только и может решить для народа его проблемы? Решать жизненные проблемы народа – основная функция интеллигенции!

Народы России пережили: ордынский погром, опричнину, смутное время, разрушительные петровские «изыски» и Гражданскую войну, спасли мир от фашизма в Великой Отечественной войне, перемолола «перестройку». Из ордынского погрома народ вышел с *Александром Невским*. Из смутного времени с *Мининым* и *Пожарским*. Хорошо известны действия *Сергия Радонежского*: он благословил *Дмитрия Донского* на Куликовскую битву и, «затворив» храмы в Твери, прекратил усобицу, поднятую тверскими князьями. Имена же тех, кто выводит нас из теперешнего кризиса, называть пока рано.

В Индии деятельность *Ганди* выставила англичан из страны. Он организовал кампанию гражданского неповиновения через «работу по правилам». Он сумел найти этот метод, против которого англичане оказались бессильны. А у

нас нет метода? Само существование народа зависит от того, как его интеллигенция справляется с обнаружением, изучением, обсуждением и решением конкретных проблем этого её народа. Суть метода в том, что интеллигенции нельзя укрываться только за своей профессиональной деятельностью (врача, педагога, учёного, артиста...).

Несравненно более высоко над минимально необходимой профессиональной добросовестностью интеллигента стоит его ответственность перед народом — за решение проблем.

Самое частое возражение против развиваемых положений, состоит в том, что интеллигентов не слушают ни низы, ни верхи, и относятся к ним пренебрежительно и даже враждебно. Что тут ответить? Права не дают — их берут.

Есть в этом упрёке и другая злая правда. Не будем ходить далеко за примерами. Сегодня вся Россия культивирует сорта овощей и плодовых деревьев, выведенных великим Грачёвым — директором Императорского Ботанического Сада, но кто знает его имя, отчество и его успехи во всём мире (он неизменно, в течение всей активной жизни, побеждал со своими сортами на всемирных сельскохозяйственных выставках!)? Зато мы живо окунулись в проблематику трансгенных пищевых продуктов; простота европейской культуры подкупила и завлекла. Нам снова требуется инвентаризовать наши **ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ** достижения. И не забывать о них, применять их деле.

Эта слабость нашей интеллигенции — себя не знать и о своей функции не подозревать, — лишь следствие: если бы ей был ясен указанный предмет и мера ответственности за судьбу народа, она взяла бы весь багаж проблем в свои руки.

Ведь официальный «Сборник (бюллетень) проблем народов России» был бы издан, если бы интеллигенция соорганизовалась. Но раз нет этого сборника, то и обсуждать нам нечего. Пошумят по поводу той или иной «жареной» проблемы и переходят на другую. А весь «баланс» проблем, которые держат население за горло, никогда не обсуждали в их полноте и взаимодействии. Ведь проблемы злокачественно взаимодействуют, переплетены в тугой клубок и влияют друг на друга. Но ещё не было случая, чтобы какая-то проблема вдруг подавила какую-то другую! Они только усугубляют друг друга. И клубок этих проблем, как укор, должен быть постоянно перед глазами «власть предержащих». Изображать этот клубок «во всей красе» и ставить его перед глазами исполнительной власти — главное дело интеллигенции.

Дело только в том, что российской интеллигенцией не осознан этот метод её работы, именно из-за его «прозрачности». Этот рефлексивный метод прост — добиваться регистрации проблем и «выбивать» средства на их решение! Нам нужна гласность только в отношении проблем России. Другая гласность не потребуется. И мы должны всенародно контролировать процессы решения проблем.

Какой путь выберет наша интеллигенция? Находить, официально регистрировать, исследовать наши проблемы и наши методы их решения? Или искать их в Западе? Добиваться официальной регистрации проблем? Или опустить руки? Искать наши собственные методы? Внедрять их в живую жизнь?

Интеллигенты должны идти в органы представительной власти только и лишь только для рефлексивного осознания проблем народа и для понуждения исполнительных органов к решению этих проблем. Тем самым наступает естественное разграничение функций интеллигенции и функций органов исполнительной власти.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ КРЕАТИВНЫХ ПРАКТИК И НАУКА

В.А. Буров

(Институт философии РАН, Москва)

У каждого человека и у всего общества есть свои миры, в которых они живут и действуют, ставя и решая свои актуальные задачи. В таких мирах, определяемых как субъектные, реализуются современные креативные практики постиндустриальной экономики и производства, социального управления, педагогики и медицины. Виртуальные объекты и события креативных практик наполнены энергией человеческой деятельности и поэтому являются объективной реальностью этой деятельности. Такие объекты и события действительно существуют независимо от их сторонних наблюдателей, но они виртуальны и исчезают, как только прекращается воссоздающая и стабилизирующая их деятельность. Креативные практики в каждое мгновение имеют дело с реальностью таких виртуальных объектов и событий — онтологиями деятельности и жизнедеятельностных субъектных миров. Именно в этих онтологиях ставятся и решаются актуальные задачи креативного постиндустриального производства. Здесь и формируется обеспечивающее креативные практики виртуальное практическое знание. Но сборка высоких технологий не может быть получена, когда коммуникация их субъектов в значительной степени заблокирована, не наблюдающим виртуальных онтологий, определяющим стандарты современного образования институционализированным классическим научным знанием. Наблюдаемость действительного мира оказывается ограничена, и его существование во множестве онтологий реальностей его субъектов не только не наблюдается, но и отрицается. Возникает разрыв между практическим и научным знанием, неустранимый из-за недостаточности средств их коммуникации.

Решить актуальные проблемы формирования развитого ресурса креативности глобального постиндустриального общества, его технологий и экономики можно только при значительном расширении наблюдаемой действительности мира. В реальных условиях креативного постиндустриального производства для этого необходимо с использованием достижений философии и науки построить развитую конструкцию используемого креативными практиками практического знания, которое имеет собственную онтологию и не может быть заменено знанием научным или философским. Измениться должно не просто знание, а наше представление о знании, о его современной развитой многокомпонентной конструкции и его способности к коммуникации.

Здесь необходимо увидеть еще одно фундаментальное изменение в основании общественного развития — переход от ценозного развития (сообщество слабо коммутирующих индивидов) к сообществу активных субъектов и их креативной коммуникации. На рубеже веков при переходе постиндустриального общества от социоценозов к его субъектно-активным реальностям происходит развитие идеала рациональности знания — переход от классического научного идеала бессубъектного знания об объектах к идеалу знания креативных субъектов об их деятельности, способного к широкой коммуникации деятельности. Соответственно этому развитию формируются и новые аналитические средства представления реальности.

С изменением автопоэзиса глобального мира, знание креативных практик и институциализированное знание науки из средства детерминации человека и мира превращаются в средство широкой поликультурной коммуникации и репрезентации человеком самого себя и творимого им мира. Практическое знание и наука становятся средством поддержки автопоэзиса субъектов глобального поликультурного общества. Такое изменение актуальности функций практического знания и науки выражается в структуре знания и соответствует актуализации ресурса креативности и возрастанию ценности человеческой индивидуальности в современном нам мире. Знание XXI века, в том числе и научное, более, чем это было до того, обращено к своему субъекту.

Важнейшим для становящейся коммуникативной рациональности является представление об автопоэзисе — постоянном самосоздании субъектов. Это напрямую связано с постиндустриальным развитием производства. Задействование современным производством общего ресурса креативности и потенциала креативной индивидуальности требует рассмотрения ее деятельностных и жизнедеятельностных реальностей и создания средств управления деятельностью и жизнедеятельностью именно в этих реальностях. Такой подход выделяет проблему осознанного автопоэзиса — постоянного самосоздания субъектом как самого себя, так и уникальных миров своей деятельности.

Реальность субъекта и его деятельности - это реальность, в которой есть порядок. Порядком определяется состояние такой реальности, и этими состояниями человек может управлять. Реальность как бы кристаллизуется субъектом, в ней формируются структурированные каналы активности и деятельности со своим пространством, временем и законами — собственные каналы реальности субъекта. Необходимо видеть и осознавать такую кристаллизацию - структурирование реальности мира человека и осознанно управлять этими процессами.

Для работы с собственными каналами реальности субъекта необходимы «технические» средства и их развитое производство.

И первым выделяемым нами таким операциональным средством являются собираемые в науке и культуре рефлексивные площадки (термин В.Е.Лепского). Рефлексивная площадка — это позиция индивидуального и группового субъекта, оснащенная необходимым внутренним психическим опытом и язы-

ковыми средствами для осознания и структурирования субъектом реальности самого себя и своей деятельности. Будем включать такие структурированные позиции в систему практического и научного знания, обращая его к реальности субъекта этого знания. Такие позиции являются пунктами входа субъекта в структурируемые им виртуальные каналы деятельностной реальности. В каждом таком канале детерминируется онтология и принимаемая субъектом рациональность и, соответственно так определенной онтологии и рациональности, развивается и ограничивается его деятельность. Рефлексивные площадки используются субъектом для соответствующей выбранным целям сборки самого себя, структурирования и переструктурирования своей деятельности и для коммуникации с другими субъектами. Задачи актуализируются, ставятся и решаются субъектом в структурированной им собственной онтологии его деятельностных и жизнедеятельностных каналов реальности.

Такое практическое и научное знание является сферой обеспечения субъекта необходимыми ему для решения его задач рефлексивными площадками. Производство и передача рефлексивных площадок включаются в общую систему производства и передачи современного знания, определяя постнеклассическое образование, науку и производство как работу с рефлексивными площадками и каналами реальности субъектов. Для развития общества его научное знание и экономика оказываются новой коммуникативной реальностью — наукой и экономикой рефлексивных площадок и каналов реальности постиндустриального общественного производства. Вложение средств и получение доходов оказывается отнесенным к каналам реальности и к их рефлексивным площадкам.

Коммуникация социальных субъектов несет на себе функцию передачи партнеру и согласование с ним средств структурирования реальности для построения совместной деятельности. Каждый из нас либо пытается перевести партнера в свой канал реальности, передавая ему свою рефлексивную площадку этого канала, либо пытается открыть для себя реальность, как ее видит и понимает его партнер, переходя на его рефлексивную площадку, либо происходит креативная коммуникация, в которой партнерами создается новая рефлексивная площадка и новый канал реальности совместной деятельности.

Мы все время оперируем с рефлексивными площадками для управления входами в каналы реальности.

Первоначальная проекция собираемой рефлексивной площадки на реальность нашей деятельности дает лишь самые общие наброски возможной структуры — интенции. Структурирование в интенциях представляется субъекту «малополезным» и уступающим ясности и конструктивности уже имеющихся у него структурирований. Но дальнейшее развитие деятельности, опирающееся на структурировавшиеся интенции начинает формировать новую онтологию собственного канала реальности субъекта, в которой уже выстраивается креативная практика. Структурирование в интенциях — необходимая фаза креативных практик.

Рефлексивные площадки оказываются «площадками» мира деятельности, на которых деятельность субъектов согласуется. Распространяясь как культурный феномен, основные рефлексивные площадки наблюдаются в проявлении порождаемых ими форм коллективного поведения. С позиций синергетики они являются организующими мир параметрами порядка.

Так, во многих случаях, конфликты субъектов деятельности определяются конфликтом действующих синергетических параметров порядка, определяющих входы в разные каналы деятельностной реальности. И тогда одни группы субъектов без всякой координации начинают действовать одинаково, согласно одному синергетическому параметру порядка, а другие — другому. Поведение индивидуального субъекта странно трансформируется при его попадании в зоны действия то одного, то другого параметра порядка. События становятся подобными бурям, их вихри закручивают виртуальные каналы деятельностной реальности и втягивают в них множество индивидуальных субъектов. Люди оказываются сорванными с обычных для них рефлексивных площадок, вырваны из своих привычных каналов реальности и заброшены в эти виртуальные потоки реальности.

Успех того или иного проекта креативной практики определяется тем, как открываемый им канал реальности расположен по отношению к зонам действия основных синергетических параметров порядка общества и производства и, в том числе, по отношению к зонам действия основных общих рефлексивных площадок. Соответствие этим параметрам позволяет опереться на определяемые ими мощные кооперативные эффекты согласованного действия многих социальных субъектов без каких-либо развитых специальных организационных форм. Стабильную эффективность каналов деятельностной реальности можно обеспечить, простраивая рефлексивные площадки их субъектов на основе знания этих параметров порядка.

В постсоветский период в России стали быстро развиваться креативные практики, использующие субъективные представления для организации деятельности и решения стоящих перед субъектом задач. Высокую эффективность показали практики креативной экономики, в значительной степени вытеснив провозглашенное в СССР научное управление экономикой. Развивалась креативная политология. Решая неразрешимые для научной медицины задачи без опоры на научные модели, креативная медицина стала завоевывать уже заметное место на рынке медицинских услуг. Были созданы альтернативные государственной системе квалификации научных кадров самодеятельные структуры, фиксирующие открытия и присваивающие ученые степени и звания. Было создано множество альтернативных академий со своими академиками и президентами. Практическая эффективность креативной экономики делает невозможным существование науки без признания реальности этих практик.

Мы уже отметили, что формирование практического знания креативных практик приводит к выделению деятельностных каналов реальности, в которых и осуществляется познание и деятельность этих практик. Одним из результатов такого канализированного познания и деятельности является выделение

объектов и событий, определяющих актуальную онтологию канала реальности. Субъект ставит и решает свои задачи как операции со структурированными им объектами и событиями такой актуальной онтологии его собственного канала реальности. Такими действиями он стабилизирует свой канал реальности и структурирующиеся в нем актуальные объекты и события.

Каждый человек в мире собственных объектов и событий его собственного канала реальности реагирует на них. Другим его поведение может показаться странным, иррациональным, но для него это вполне разумное реагирование на видимые им объективные ситуации (хотя и не видимые для других, не включенных в деятельность). Возникает кажущийся парадокс: ситуации объективно реальны, но имеют размерность деятельности и не могут наблюдаться субъектом меньшей размерности – без размерности деятельности. Такой маломерный наблюдатель отрицает действительность собственной онтологии субъекта креативной деятельности, так как в его собственной маломерной реальности этих объектов и событий действительно нет.

Здесь креативные субъекты рассматриваются не как замкнутые динамические системы, а как открытые в культуру автопоэтические системы, постоянно воссоздающие себя и создающие собственные онтологии и собственные пространство и время. Поэтому и каналы реальности автопоэтических субъектов не могут быть рассмотрены как динамические системы, развивающиеся в одной заданной для всех онтологии и пространственно-временной структуре. Их необходимо рассматривать как автопоэтические реальности, порождающие собственную онтологию и пространственно-временную структуру. И именно при актуализации этой структуры может быть осуществлена идентификация их собственных онтологий.

Структурирующиеся в деятельности объекты и события, как и канал реальности, в котором они находятся, виртуальны. При изменениях автопоэзиса могут прекращать существование как каналы реальности, так и структурировавшиеся в них актуальные объекты и события. С этих позиций любая социальная реальность может быть рассмотрена как результат коммуникации множества собственных виртуальных каналов реальности социальных субъектов. В.И.Аршинов выделяет то, что они стягиваются в некие «фигуры» - гештальты, которые стремятся к самодообраиванию.

Культура, экономика и наука, современной России являются такими, склонными самодообраиваться каналами коммуникации множества ее автопоэтических субъектов, в которых можно выделить гештальты отдельных автопоэзисов. В этом случае важнейшим качеством этих каналов коммуникации должна быть поддержка ими автопоэзиса участников коммуникации.

Однако во многих случаях в коммуникации автопоэтических субъектов одним из партнеров выдвигается неосознанное требование прекращения другим партнером по коммуникации его автопоэзиса и перехода в русло автопоэзиса первого субъекта или даже в некое никак не осуществляемое идеализированное русло.

Такие требования часто предъявляются со стороны субъектов рынка науке, культуре и другим субъектам общества, как не умеющим жить по правилам рынка, а со стороны науки - реальным креативным практикам экономики, политологии, управления, права, педагогики, психологии, медицины как требование научности их деятельности. Здесь то и оказывается нарушенной коммуникация и возникают конфликты. Предъявляемые науке требования рыночной эффективности и предъявляемые практикам требования научности во многих случаях являются требованием перехода в сконструированный на бумаге канал реальности и прекращения субъектом своего реального автопоэзиса.

С позиции точных определений, это означает, что наблюдаемость действительности для используемых моделей возможна только в детерминированном этими моделями канале деятельности социальных субъектов, тогда как актуальная действительность оказалась вне этого канала и стала ненаблюдаемой.

Однако требование к партнеру по социальной коммуникации перенести его автопоэзис в наблюдаемое модельное русло в данном случае эквивалентно требованию прекращения им своего автопоэзиса - самоуничтожения.

Ненаблюдаемость автопоэтических субъектов и их каналов реальности практическим знанием и системой научного знания приводит к полной непредсказуемости формирования, развития и действий таких субъектов, непрогнозируемости социального развития.

Необходимо понять, что онтологии каналов реальности субъекта не должны быть разрушены в коммуникации, если они обеспечивают его жизнедеятельность, являются важной реальностью автопоэзиса этого субъекта.

Это относится и к коммуникации науки с креативными практиками и традиционной культурой и к коммуникации в правовом поле.

Здесь мы приходим к концепции рефлексивной науки и, в том числе, рефлексивной социологии и рефлексивного права, имеющих доступ к внутреннему опыту своего субъекта и соотнесенных с его автопоэзисом. Средством такого доступа для субъекта автопоэзиса являются определяемые нами его рефлексивные площадки – собираемые для структурирования реальности трансдисциплинарные комплексы моделей.

Сегодня трансдисциплинарные рефлексивные площадки для управления деятельностью автопоэтических субъектов строятся в самых различных отраслях социальной практики.

Для науки пока еще не принято фиксировать внимание на глубине различий научной истины для разных людей, в зависимости от их внутренней организации, от их духовного становления. Такие различия научной истины проистекают из вполне естественного различия объективных деятельностных и жизнедеятельностных реальностей, в которых строится и осуществляется деятельность. Наука все еще тяготеет к представлению о том, что научное знание должно носить универсальный - одинаковый для всех людей характер. Этот предрассудок (действующий раньше рассудка) толкает к неприятию теоретических конструкций, противоречащих привычному для каждого конкретного

субъекта (но совершенно непривычному для многих других) видению мира. Как выйти из тупика классического научного редукционизма?

Выходом является соответствующий новой актуальной ценности нашего общества - ценности индивидуальности отказ от попыток сведения реального практического знания к одной универсальной «научной» позиции и использование «стратегий навигации» (термин предложен В.Е.Лепским) в мире знания.

Расширить возможности науки можно, если убрать претензии на монополию «своей братии» в мире реальностей знания, на что уже указал Е.А.Климов в своем фундаментальном исследовании субъектных миров профессионалов. Отношение «навигации» и позволяет науке изменить позицию монополиста на позицию навигатора.

С древнейших времен человек в обществе живет опытом других. Люди всегда создают свои «пространства доверия» (понятие предложено В.И.Аршиновым), где они просто присоединяются к действиям других. Поэтому для каждого очень важно разместить необходимый для ориентации опыт в своем пространстве доверия. Каждому важно знать, что в пространстве доверия кто-то вполне реальный уже смог преодолеть встающие перед ним проблемы, и теперь лишь надо повторить то, что делал тот.

Пространство доверия является средством нашей коммуникации с миром и с собой. Те реальности, которые в него не попадают, оказываются ненаблюдаемыми. Мы не можем их увидеть и использовать при построении своих действий.

Наиболее значимое для всех общецивилизационное пространство доверия создает образование. Однако, любые определяемые им редукции, в том числе существующие научные, неизбежно теряют часть полезного опыта.

Отказ от собирания феноменологии нередуцированного синергичного субъекта и размещения ее в пространстве доверия образованного человека блокирует пути эволюции человека как антропологического типа к все большим возможностям. Нужно помочь каждому конкретному человеку выйти из тупиков редукции его способности к действию, и открыть его сущностную нередуцированную возможность быть субъектом реальности - успешным, здоровым, счастливым, справляться с трагедиями, и катастрофами, еще вчера казавшимися ему несуществующими и далекими, и вдруг теперь каждодневно открывающимися бездну под его ногами.

Иногда для этого необходимо лишь слегка помочь человеку изменить свое самоощущение.

Сегодня знание переживает период качественного развития идеала научной рациональности - происходящей глобальной постнеклассической научной революции. И, хотя научные революции не так драматичны как социальные, они ломают сложившееся разделение на направления и порождают свои драмы в судьбах как их первопроходцев, так и сложившихся старых научных школ и институтов. Нам надо очень бережно относиться к ученым и преподавателям, затрагиваемым этим изменением оснований знания, но мы должны и открывать путь реал-

лизации основных целей и ценностей общества, вызвавших к жизни этот новый идеал научной рациональности - новую глобальную научную революцию.

Основной характеристикой формирующегося сегодня постнеклассического научного знания является работа с актуальным для постиндустриального развития цивилизации ресурсом креативности и его носителем - творящей свои миры креативной индивидуальностью. Именно актуализации ресурса креативности соответствует происходящее в науке качественное развитие идеала научной рациональности, вызвавшее либерализацию науки и создание новых сообществ исследователей и новых структур науки. Формирующиеся предметные области как креативных практик, так и научного знания невозможно рассматривать без человека - их активного творящего начала, формирующего, означающего и осмысливающего в них собственные каналы реальности и их собственные онтологии.

Понятие постнеклассической науки созвучно современным цивилизационным ценностям. Наука не может быть подчинена классическому идеалу бес- субъектного знания как зеркального отражения мира. Наука — это средство нашей автокоммуникации и коммуникации - понимания себя и других в контексте достигнутого цивилизацией культурного уровня. И эта ее способность к широкой коммуникации знания является ее новым идеалом рациональности — разумности исследования человеческой природы.

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Г.Д. Гриценко

(Ставропольский государственный университет, г. Ставрополь)

В условиях глобализации, как никогда ранее, актуальна мысль П. Чаадаева, что Россия призвана дать решение тех вопросов, которые Европа только поставила.

Глобализация современной культуры выражается в преобразованиях двух основных компонентов культуры: научно-техническом и цивилизационном. Взаимодействие этих компонентов осуществляется на современном этапе глобализации через экономику. Именно через экономическую сферу проявляется опережающее развитие научно-технического прогресса. Глобальной идеологией становится идеология «экономического процветания любой ценой». Материальные интересы вытесняют и обесценивают духовную сущность человека. Экономизация мышления неизбежна дальнейшим ожесточением общества. Ценности нравственного и эстетического характера отодвигаются на второй план. Однако мышление XXI века не может не основываться на общей картине мира, которая далеко не исчерпывается рационально-экономической сферой. Истина не может быть отделена от аксиологии, тем более — истина практического действия.

Известно, что капитализм корреспондирует с протестантизмом, но практика последних десятилетий XX в. свидетельствует, что он успешно соотносится также и с религиозными ценностями синтоизма, иудаизма, конфуцианства и др. Происходит процесс адаптации стандартов западной цивилизации к культурной матрице «азиатских ценностей» таких, как: духовность, самоотверженность, сострадание, приоритет гармоничного целого, почитание порядка в природе и социуме, трудолюбие. Модернизация жизни в странах Восточной Азии не разрушала базовые традиции и устои их обществ. Принятие элементов плюрализма прошло без особого сопротивления. Традиционные представления о необходимости уважения иных культурных обычаев облегчают взаимодействие «азиатских ценностей» с западными, которые часто находят своеобразное преломление в восточных культурах, приспосабливаясь к ним.

В этих условиях возрастает роль России как евразийско-русской цивилизации, основными ценностями которой являются духовно-нравственные. Так, формообразующим началом русской культуры выступала идея Матери-земле как идея единства духа и разума. Образ земли в смысловых уровнях материнства ориентирован на постижение нравственного бытия и извлечения человеческого смысла в контексте всеединства.

Другой значимой ценностью русской культуры стала идея правды как отражения включенности познания в процесс морального постижения бытия. В ней зафиксировано противопоставление таким истинам, которые безотносительны к нравственному пониманию. Определяющим значением такого понимания идеи правды является душевно-духовное проникновение в человека как такового и, следовательно, снисхождение к человеку иному.

Эти и тесно связанные с ними духовные ценности (милосердие, сострадание, самопожертвование и др.) могут быть положены в основу «соборного глобализма» как синергии цивилизаций и культур. Глобализация в данном контексте может восприниматься в качестве организации единства многообразия, обеспечиваемого взаимодействием разных культурных ценностей и традиций.

НЕТОКРАТИЯ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ

А.А. Денисов

(Институт конструкторско-технологической информатики РАН, Москва)

Новый стратегический субъект и Мировая социальная революция

Сразу оговоримся, что словосочетание «мировая социальная революция» рассматривается в данном случае не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле.

Целью новой мировой революции, как и у всякой иной революции, является отстранение от власти старого и приход нового правящего класса. Так вот, новый правящий класс и есть наш таинственный стратегический субъект. Именно он и является объектом нашего интереса.

Впервые, на сколько нам известно, новый приходящий правящий класс был назван в книге Барда и Зодерквиста «Netocracy» [1]. Важно обратить внимание, что эта работа была издана Стокгольмской школой экономики, что само по себе является знаком признания данной темы европейскими интеллектуалами. Из русских авторов нетократии много внимания уделяет Евгений Гильбо [2, 3]. Применительно к Гильбо стоит обратить особое внимание на то, где были размещены обе его статьи. Напомним, что над сайтом Stringer, как до сих пор шутят некоторые московские остроловы, до сих пор «витают тень» некогда все-сильного шефа охраны Президента Ельцина — генерала Коржакова, который сегодня работает под руководством Евгения Примакова, бывшего шефа СВР.

Разумеется, только этими тремя авторами дело не ограничивается. Однако в других публикациях нетократия как правило не звучит. Например, книга «Бизнес в стиле фанк» [4] детально рассматривает организацию и стратегию развития нетократического предприятия, хотя слово «нетократия» не произносится ни разу. «Стратегия голубых океанов» [5] полностью посвящена стратегии корпорации, направленной на захват лидерских позиций в обществе победившей нетократии, а вовсе не с современным обществе как может показаться на первый взгляд.

Джордж Сорос в книге «Кризис мирового капитализма» [6] описывает новый нетократический подход к управлению финансовыми рынками, хотя и он не говорит «нетократия». Появился даже журналистский китч на тему нетократии [7], впрочем в данном случае он, как и всякие первые образцы китча, пока еще довольно изящен.

Итак, название нашего таинственного стратегического субъекта прозвучало: нетократия. Это и есть новый мировой правящий класс, который является источником управляющий воздействия на старые российскую и мировые элиты.

Что же такое нетократия? Прочитируем Гильбо [2]:

«Сегодня наиболее прибыльными стали бизнесы, связанные не с производством, а с постиндустриальной деятельностью. Сегодня на смену борьбе за рынки сбыта и производственные ресурсы, контроль которых был основой власти в индустриальном обществе, пришла борьба за каналы информации, за построение социальных сетей, которые являются основой прибыльного постиндустриального бизнеса. Создатели и обладатели этих неустойчивых нематериальных активов — нетократы — становятся правящим классом в той мере, в какой общество все более и более становится постиндустриальным.

Власть постепенно утекает из рук обладателей материальных капиталов и переходит к кураторам социально-информационных сетей.

Далее Е. Гильбо делает серьезно обоснованный вывод, что в ряде стран и в частности в России новая социальная революция, скорее всего, приобретет характер короткой и жестокой политической революции, что заставляет подойти к рассмотрению темы нетократии уже с совершенно иных позиций. В свете подобной перспективы становится совершенно недостаточным неторопливое академическое исследование. Необходимо применить другие методы,

более четко ориентированные на выявление практически значимых признаков нетократии. К подобным признакам относятся следующие:

1. каков основной источник власти нетократии;
2. каков основной механизм или технология ее власти;
3. как формируются особенные персональные психические признаки члена нового правящего класса;
4. в чем именно заключается несовместимость старого и нового правящих классов между собой;
5. какова мотивация поведения членов нового правящего класса и в чем она отличается от мотивации членов старого правящего класса и так далее.

Основой для определения этих признаков послужила методология системного проектирования [8]. Ниже приводятся общие выводы этого исследования с поясняющими их обоснованиями.

Признак 1 **Основной источник власти нетократии**

Совершенно очевидно, что новый правящий класс появляется на исторической арене к тому времени, когда формируется новая технологическая основа его власти, а последняя жестко детерминирована появлением нового источника материального богатства, который он будет эксплуатировать. Поэтому первый признак нетократии — источник материального богатства. Под таким будет понимать объект управления, вокруг которого выстраивается вся система управления всеми остальными процессами, определяющими в конце концов возникновение прибавочного продукта.

В каждой идеологии управления существует ключевой процесс, технология управления которым предопределяет новую расстановку акцентов во всех других известных технологиях управления всеми другими ранее уже известными процессами. Индустриализм инвестиционной стадии имеет в качестве такого ключевого процесса управление жизненным циклом изделия.

Для индустриализма инновационной стадии ключевым процессом управления стало управление жизненным циклом конструкторско-технологического решения. Основополагающим приборным фактором этой стадии стало резкое сокращение времени переналадки основного и вспомогательного производственно-технологического оборудования. Иными словами, вследствие прогресса в области компьютеризации освоение выпуска нового изделия стало требовать не 5-7 и даже более итераций наладки оборудования производственно-технологической цепочки, как это было на инвестиционной стадии, а всего 2-3 итерации.

Разумеется, это резко сократило себестоимость перехода на выпуск новой продукции и позволило перейти к производству изделий с коротким жизненным циклом. Например, если на инвестиционной стадии для обеспечения прибыльности производственного комплекса, работающего в области потребительской электроники нужно было выпускать партию в 100.000.000 штук, то для современного производственного комплекса, основанного на высоко компь-

ютеризированном оборудовании, средняя рентабельность производства может быть получена на партии объемом уже в 10.000 штук или даже менее.

Развитие качества и управляемости технологических процессов и связанный с этим рост производительности оборудования и производственных систем привел к формированию экономики перепроизводства, в которой цена продаж стремится к цене производства. Это в свою очередь привело к тому, что в цене готового изделия преобладающую роль играет психологическая составляющая по сравнению с себестоимостью производства и продажи. Иными словами сегодня в области потребления сложилась такая ситуация, при которой абсолютное большинство покупаемых товаров и услуг объективно не нужны их потребителям. Их покупают только потому, что есть некий внешне навязанный искусственный мотив потребления. Например, нужно покупать новые виды вооружений, потому что есть угроза внешнего врага. При этом внешнего врага реально нет и его необходимо создавать искусственно.

Переход от индустриализма инновационной стадии к постиндустриализму связан с переходом от управления жизненным циклом конструкторско-технологического решения как ключевой технологии производства материального богатства к управлению жизненным циклом модели поведения. Причем в соответствии с философией современного технократического общества, подробно исследованной Эдмундом Гуссерлем [9], возникновение и распространение новой модели поведения находится в тесной связи с появлением новой материальной технологии и заменой ею предыдущей материальной технологии. В нашем примере речь шла о переходе от использования сотовых телефонов и использованию коммуникаторов. Оба типа приборов и есть воплощение старой и новой материальных технологий, смена которых вызывает смену моделей поведения.

Таблица 1

Первый признак нетократии: источник власти

Этап развития технологической цивилизации	Ключевой объект управления, создающий доступ к главному источнику материального богатства правящего класса
Индустриализм инвестиционной стадии (капитализм заводчиков и капиталистов)	Управление жизненным циклом изделия
Индустриализм инновационной стадии (капитализм менеджеров)	Управление жизненным циклом конструкторско-технологического решения
Постиндустриализм (эпоха власти нетократии)	Управление жизненным циклом модели поведения, порождаемой новой материальной технологией

Таким образом, мы можем сформулировать первый признак нетократии: ***источник власти нетократии – управление полным жизненным циклом модели поведения, порожденной новой материальной технологией.***

Признак 2 Технологическая основа нетократии

Управление полным жизненным циклом модели поведения выражается в наличии сквозной системы технологий управления жизненным циклом человеческих организаций, которая включает проектирование, создание, управление развитием, разрушение и утилизацию оставшихся от этой организации остатков в виде остатков материальных и нематериальных ресурсов а также факторов, определяющих ее функционирование, включая высвободившихся людей и их индивидуальные и коллективные знания. Утилизация коллективных знания разрушенной организации может предполагать и стирание коллективной памяти, содержащей эти знания.

Сокращение жизненного цикла неизбежно ведет к достижению некоторого теоретического предела равного 1. Применительно ко второму признаку нетократии это означает, что в предельном случае власть нетократии сохраняется и становится абсолютной и вне конкуренции по отношению к другим правящим классам, известным по истории развития цивилизации, при условии, что новая технология существует в течении лишь одного цикла. Говоря по-другому, при условии, что новая технология позволяет произвести и продать только одно новое изделие.

Рассмотрение данного предельного случая позволяет выявить самый главный признак базовой технологии, благодаря которой нетократия осуществляет свою власть. Если материальная технология, порождающая новую модель поведения, может существовать при условии производства и продвижения лишь одной единицы изделия, то:

1. производственно-технологический комплекс превращается в своего рода приборный кубик-конструктор для одного отдельного конструкторско-технологического решения;
2. ключевая технология производства оказывается не тиражируемой, поскольку в тиражировании может не оказаться никакой необходимости и поэтому, говоря языком современных компьютерщиков, эта ключевая технология оказывается «защитой» в создании человека;
3. посредование нового технологического знания приборами минимизировано по стоимостному выражению.

Три перечисленных вывода приводят к очень важной экономической характеристике, характеризующей развитую постиндустриальную технологию, к реализации которой нетократия будет рваться изо всех сил, чтобы обеспечить всю полноту своей власти:

суммарная рыночная стоимость материальных и нематериальных активов компании становится значительно ниже или пренебрежительно малой по сравнению с суммарной рыночной стоимостью сотрудников, обладающих ключевыми технологическими компетенциями.

Экономическая характеристика ключевой технологии, обеспечивающей достижение нетократией всей полноты и монопольности власти, является вторым ее признаком

Для общества в реализации второго признака нетократии заложена вся полнота той прогрессивной роли, которую сыграет новый правящий класс по отношению к другим людям и социуму в целом. Выявленный признак означает, что с приходом к власти нетократии начнется неумолимый дрейф к постоянному росту инвестирования в качество трудового капитала общества, к инвестированию к людям и в максимальное развитие их индивидуальных и коллективных способностей.

Признак 3

Доступ к специалистам есть доступ к технологиям

Живя в эпоху индустриализма мы все привыкли к тому, что доступ к технологиям непременно означает доступ к приборам, машинам, устройствам и т.п. Второй признак нетократии показывает, что в постиндустриальном обществе формируется принципиально иная идеология обеспечения технологического прогресса: *доступ к новым технологиям основывается исключительно на доступе к специалистам, обладающим ключевыми технологическими компетенциями.*

Это и есть третий признак нетократии и ее власти. Его реализация порождает огромное множество проблем, с частью из которых мы уже столкнулись а со многими из них еще только предстоит столкнуться во всех их полноте. Первой возникает проблема контроля над специалистами, обладающими ключевыми технологическими компетенциями – сегодня эта проблема многим печально известна, но будет намного хуже. Даже трудно описать насколько хуже.

Вторая проблема напрямую связана с задачами подготовки нетократией необходимых ей кадров, ее новых членов. Будет формироваться вертикаль профессионального роста, аналогичная той, какую имеют другие устойчивые профессионально-сословные группы, например, врачи. Ключевым образовательным признаком будущего нетократа будет интеграция в одном специалисте следующих 5 научно-технологических знаний:

1. системное проектирование производств и человеческих организаций;
2. управление поведением выбора;
3. управление стоимостью;
4. разведка, включая как деловую так и оперативную разведки;
5. безопасность, включая контрразведку, экономическую безопасность и т.п.

Менеджмент, скорее всего, не будет выделенным направлением профессиональной подготовки, а окажется как бы «размазанным» по всем 5 перечисленным направлениям образования.

Признак 4 Стоимость конкурентоспособности

Из второго признака нетократии органично следует еще один ее важнейший экономический признак. Основным источником и условием монополизации власти нетократии является практическая реализация указанного выше соотношения — суммарная рыночная стоимость материальных и нематериальных активов компании значительно ниже или пренебрежительно малой по сравнению с суммарной рыночной стоимости сотрудников, обладающих ключевыми технологическими компетенциями. В связи с этим можно достаточно точно определить количественные показатели эффективности управленческой деятельности нетократии, которыми она с неизбежностью будет пользоваться для планирования и управления конкурентными столкновениями как внутри так и вовне своего класса.

Интегральным количественным критерием, на основе которого нетократия будет выстраивать управление конкурентными столкновениями, будет стоимость конкурентоспособности (либо экономического субъекта, либо территориального образования — это все равно).

Стоимостное представление конкурентоспособности регионов и стран исторически берет свое начало в договорах купли-продажи предприятий и выражается экономической категорией «гудвил». В британской практике купли-продажи предприятий гудвил присутствует по крайней мере с 1417 г. А в качестве судебного прецедента в британскую юриспруденцию он вошел в 1620 г. Т.е. использование гудвила в качестве стоимостного показателя конкурентоспособности закреплено почти 400-летней историей прецедентного права [10], что делает его категорией почти абсолютно неопровержимой.

Распространено неверное толкование гудвила как репутации. На самом деле гудвил представляет собой совокупность неотделимых нематериальных преимуществ предприятия, способных приносить ему экстраординарную прибыль и выступать в качестве ресурсов, используемых в финансово-хозяйственной деятельности.

При этом необходимо обратить внимание на термин «неотделимые преимущества»: гудвил не является активом и возникает только в результате работы предприятия. Как, например, производственный или технологический опыт коллектива. Разрушьте коллектив, и у вас останутся только здания и склад станков, на которых уже некому больше производить высококачественную продукцию¹.

---

¹ На этом вопросе очень крепко погорели русские олигархи, которые в 90-ые годы для облегчения приватизации госимущества целенаправленно разрушали трудовые коллективы и захватывали активы предприятий, а сегодня никак не могут преодолеть недооцененности теперь уже своих собственных своих заводов. С экономической точки зрения это происходит потому, что они разрушили гудвил, т.е. те самые неотделимые преимущества, и инвесторы отказываются им платить за акции их заводов больше, чем стоим их материальные активы.

Таким образом, гудвил с самого своего появления выражал возможность получать на предприятии большую прибыль по сравнению с другими такими же предприятиями за счет того, что оно обладает в чем-то уникальным трудовым коллективом. Ведь именно работники создают более высокое качество продукции, или вообще уникальный товар.

В данном понимании гудвила кроется и понимание структуры стоимости конкурентных преимуществ предприятия. Ими, естественно, являются:

1. конструкторские решения выпускаемой продукции;
2. технологические знания процессов производства;
3. коллективная способность работников к высококачественному труду;
4. впечатление, которое производит коллектив и результаты его деятельности на потребителей его продукции;
5. впечатление, которое производит коллектив на общество в целом и на инвесторов, как часть этого общества.

Если в 1620 году все эти элементы гудвила были действительно неотделимыми от предприятия, то постепенный общественный прогресс привел к тому, что сегодня мы научились отторгать часть из них. Так возникли патенты, лицензии и прочее (см. табл. 2).

В современной экономике к неотторжимым конкурентным преимуществам относятся лишь два элемента рыночной стоимости: совокупная стоимость тру-

Таблица 2

*Изменения в структуре нематериальных факторов стоимости
бизнеса (гудвила)*

Первоначальный элемент гудвила (начало капитализма)	Механизм отторжения от предприятия	Сегодняшнее состояние
Конструкторские решения выпускаемой продукции	Патенты, авторские свидетельства и т.п.	Нематериальный актив
Технологические знания процессов производства	Лицензии на технологии производства и т.п.	Нематериальный актив
Коллективная способность работников к высококачественному труду		Не отторжима
Впечатление, которое производит коллектив и результаты его деятельности на потребителей продукции	Бренд товара, товарные знаки	Нематериальный актив компании
Впечатление, которое производит коллектив на общество в целом и на инвесторов как часть этого общества	Бренд компании	Частично отторжим, но по-прежнему не является нематериальным активом

дового капитала компании и совокупная стоимость бренда компании и всех его факторов. По всей видимости, это положение дел сохранится на обозримое будущее.

Признак 5 **Капитализация психических ресурсов**

Внимательное изучение четырех перечисленных выше признаков нетократии приводит к еще одному очень важному утверждению. Если для внешнего наблюдателя, не слишком посвященного в тонкости организации постиндустриализма и власти нетократии, может показаться, что источником прогресса общества является гонка в сфере материальных технологий, то реальные источники власти нового правящего класса, безусловно, будет являться новая система технологий управления поведением. Причем совершенно точно, что эта система технологий не имеет и не будет иметь ничего общего ни к одной из гуманитарных наук, ни к какой-либо их комбинации. Однако в отличие от уже существующих технологий управления поведением новая система технологий будет очень глубоко переплетена с управлением стоимостью. Точнее будет являть собою гибрид из управления поведением и управления стоимостью. Отсюда и гудвил как количественный интегральный критерий для управления конкурентным столкновениям.

Это означает, что в постиндустриальном обществе произойдет смена основного объекта инвестиционной деятельности, о чем уже шла речь при рассмотрении второго признака нетократии. Если индустриализм по существу основывался на капитализации активов (как материальных так и нематериальных), но постиндустриализм будет характеризоваться капитализацией психических ресурсов. Показателем капитализации психических ресурсов станет гудвил².

Признак 6 **Разделение власти, богатства и политического влияния**

Переход к прямой эксплуатации полного жизненного цикла модели поведения и связанного с ней эксплуатации полного жизненного цикла человеческой организации ведет к необходимости для нового правящего класса четкого разделения власти, влияния и богатства. Благодаря этому, по всей видимости, будет проведена непреодолимая межклассовая граница между нетократией и другими классами и сословиями общества.

Рассматривая три указанных категории в свете 4-х признаков нетократии, можно дать каждому из них однозначное определение.

1. Власть есть способность контролировать полный жизненный цикл модели поведения.

---

² Уже сегодня инвестирование в гудвил для российских компаний и банков позволяет получать от 500 до 2000 процента возврата на инвестиции.

2. Влияние есть способность использовать существующую модель поведения других людей для осознанного достижения своих целей, не изменяя при этом самой модели поведения.

3. Богатство есть способность потреблять товары и услуги, создаваемые другими людьми.

Данное разграничение помимо названной задачи будет обеспечивать решение целого ряда других частных подзадач власти нетократии, в первую очередь, задач селекции и инкорпорации новых членов правящего класса, а также задач корректировки коллективного и индивидуального поведения представителей иных классов и сословий постиндустриального общества. Например, путем выявления угроз монополии на власть нетократии.

Признак 7 Смена типа мотивации

Резкое сокращение длительности жизненного цикла изделия и переход к эксплуатации жизненного цикла человеческой организации неизбежно приводит к кардинальной смене типа мотивации поведения представителей нового правящего класса. Длительный цикл изделия породил долгоживущие сложные иерархические организации требующие от людей принятия в качестве ключевой психологической ценности присутствие в команде. Само присутствие и есть ценность, признак успешности. А успешность проявляется в карьерном росте. Переход менеджера из одной компании в другую не разрушает логики этого типа мотивации.

Однако освоение производства изделий с коротким жизненным циклом привел к необходимости перехода к выраженному осознанному телеологическому поведению. Инициатива в принятии и реализации управленческих решений переходит от менеджеров к исполнителям, что хорошо знакомо экспертам в области полупроводниковой промышленности или других высокотехнологических отраслях мировой экономики. Анализ показывает, что с завершением нетократической революции этот тип мотивации станет абсолютно доминирующим в обществе. Сегодня любой желающий может на себе попробовать осуществить смену типа мотивации. Для этого достаточным будет освоить так называемый тайм-менеджмент [11] – наиболее простую и эффективную технологию изменения типа личной мотивации.

Заключение

Описание семи признаков нетократии существенно облегчает формирование ясного понимания о новом стратегическом субъекте, проявляющем повышенную активность и уже сегодня оказывающем определяющее влияние на ход событий в самых разных областях мировой экономике и политике. Безусловно, этот новый класс будет оставаться доминирующим субъектом в 21-м веке. Не оставляет сомнений также и то, что влияние нетократии будет только возрастать до той поры, пока она не получит полную монополию на власть в но-

вом постиндустриальном обществе. Когда именно это случится сегодня, видимо, невозможно указать точно. Однако ясно, что это случится совершенно неизбежно.

Приход нового всегда воспринимается с крайним напряжением уже хотя бы только потому, что это – новое. Однако изучение признаков нетократии дает возможность составить более объективное представление о новом общественном устройстве, выявив его влияние на общество, поняв какие актуальные проблемы и как будут решаться в самое ближайшее время.

Литература

1. *Бард Александр, Зодерквист Ян.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. / Пер с англ. – Санкт-Петербург, «Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге», 2004. – 252 с.
2. *Гильбо Е.* Цикл «Нетократия». Часть I «Форма склоки». 13 января 2006. <http://www/stringer.ru/publication/mhtml?Part=46&PublID=5132>
3. *Гильбо Е.* Цикл «Нетократия». Часть II «Политическое подполье». 17 января 2006. <http://www/stringer.ru/publication/mhtml?Part=46&PublID=5142>
4. *Кьелл А. Нордстрем, Йонас Риддерстрале.* Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. / Пер с англ. – Санкт-Петербург. «Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге», 2002. – 371 с.
5. *Чан Ким У, Моборн Рене.* Стратегия голубого океана. Как создать свободную нишу и перестать бояться конкурентов. / Пер. с англ. – «Hippo Publishing Ltd.», 2005. 272 с.
6. *Сорос Джордж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. / Пер с англ. – Москва, «ИНФРА-М», 1999. – XXVI, 262 с.
7. *Чернов Вл.* Finita la comedia. / «Город женщин», 6 июня 2006. – С. 25-27
8. *ван Гиг Дж.* Прикладная общая теория систем. / Пер. с англ. В 2 т. – М., «Мир», 1980.
9. *Гуссерль Эдмунд.* Логические исследования. Картезианские размышления. / Минск, «Харвест», Москва, «Аст», 2000. – 752 с.
10. *Сметанин А.М.* Оценка гудвилла в принятии финансовых решений. http://www.smartcat.ru/p_finance/books/book_110/Page1.shtml
11. См. публикации на сайте www.improvement.ru

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ И ГЕТЕРОРХИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ БУДУЩЕГО

Б.В. Дроздов

(НИИ Информационных технологий, Москва)

Одна из главных проблем, осознанных сейчас человечеством, состоит в том, чтобы овладеть собственным развитием, перейти от общей ситуации стихийного складывания к целенаправленному проектированию будущего, сделать проективное начало ведущей и определяющей особенностью современной и будущей человеческой цивилизации. Надежды на торжество целесообразности и здравого смысла при стихийном формировании будущего рушатся под воздействием многочисленных фактов гибели ростков этого будущего под напором губительного бурьяна инфернальных явлений.

Для решения названной выше проблемы необходимо принятие эффективной концепции проектирования будущего и вытекающей отсюда модели и технологии проектирования.

Традиционная концепция проектирования основана на иерархических представлениях об организации проектировании и полностью укладывается в рамки технократических идеологии, когда объект проектирования считается пассивным, а само проектирование выполняется по схеме сверху — вниз. Это концепция «прямого» проектирования, где верхние эшелоны заняты макропроектированием, а нижние — детализацией поступивших сверху заданий. При этом по всем уровням удерживается одна предметная область проектирования. Меняется только уровень агрегирования (детализации) проектирования. Данная концепция исходит из представлений о пассивности объектов проектирования, их полной подвластности, т.е. готовности строго следовать принятым проектным решениям.

Концепция имеет право на существование и эффективна для естественно-технической области. Для социально-экономической области она в определенной степени может быть реализована при автократической организации социума. В этом случае она имеет существенные дефекты, к которым относится, в частности, принципиальная трудность обеспечения гарантий социальной ответственности центрального органа власти и высшего эшелона проектирования. Другой проблемой здесь является необходимость высочайшего уровня интеллектуальных способностей центрального органа и полное принятие объектом всех проектных установок, т.е. абсолютную подвластность объекта, что практически невозможно реализовать.

Вторая концепция отражает схему проектирования, ориентированную на активность и самоорганизацию социума. Самоорганизация проектирования разрешается принятием другой модели проектирования, которую мы называем гетерорхической, поскольку она исходит из генетических представлений о существе связей между слоями (уровнями) проектирования. Каждый слой здесь имеет свою предметную область проектирования. Отношения между слоями процессов проектирования в данной модели выражается аналогией между проектом процесса и самим процессом, реализуемым в соответствии с проектом. Гетерорхическая модель задает структуру самоуправления при проектировании будущего. Геометрическим образом этой модели является многослойная матрица. Отношения между генетическими слоями данной модели аналогичны отношениям между уровнями деятельности при рефлексивных «возгонках».

Принципиальным для системы проектирования будущего является в рамках настоящей концепции третий слой модели, где формируется проект взаимодействия различных сообществ методологов организации проектирования.

Гетерорхическая модель организации проектирования будущего предполагает, что сами активно действующие стороны принимают непосредственное участие в разработке и последующей реализации проектов собственного развития. В этой ситуации определяющими являются способы многостороннего диалога, до-

стижения согласия в результате такого диалога. Такое согласие может быть достигнуто, если сам процесс достижения согласия станет предметом детального проектирования в итоге профессиональной методологической деятельности.

РОССИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ (размышления над книгами А. С. Панарина)

И. Е. Задорожник (*Современная гуманитарная академия, Москва*)

26 декабря 2005 г. Александру Сергеевичу Панарину исполнилось бы 65 лет. Это небольшой возраст для политического философа, работ которого постоянно ждали не только его коллеги и единомышленники, но также идеологические оппоненты. Теперь его книги постоянно переиздаются: сама жизнь, а не их автор будут корректировать отдельные их детали. Но главное направление его мысли конъюнктурной правке не поддается, о чем и свидетельствуют недавно вышедшие труды А. С. Панарина о России как носительнице начал православия и источнике стратегических инициатив, что представляется их автором крайне значимым в новом веке для всего мира.

Это в первую очередь книги «Православная цивилизация в глобальном мире» (М., Алгоритм, 2003. 541 с.), являющаяся переизданием вышедшего в 2001 году труда, и книга «Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке». (М.: Русский мир, М.: Московские учебники, 2005. 430 с.).

Вторая из них впервые вышла в 1998 г. и получила Ломоносовскую премию, данное дополненное издание содержит ряд последних работ А. Панарина, в частности его речь при вручении литературной премии А. Солженицына 18 апреля 2002 года. В этой книге дается идейное сражение концепции конца истории Ф. Фукуямы и ее парафраза – концепции борьбы цивилизаций С. Хантингтона. А. Панарин вопреки им утверждает, что если исходить из установки на гуманистическое жизнеустройство, подкрепленное ценностями религиозной (для него главным образом православной) цивилизации, то история ждет не конца, а нового рождения. В частности в форме реализации значимых для всего человечества стратегических инициатив со стороны России. Особенно примечательно ее заключение, сводящееся к тому, что «замечательный архаизм православия сегодня является шансом для всего человечества» (с. 389).

Более четко прописана эта тема в последней прижизненной книге А. Панарина. Здесь всесторонне обосновывается идея, что именно духовная практика православия может обеспечить новый формационный прорыв: через власть пространства – к власти над временем; главные опоры в данном плане это космический дар православия – и материнский его архетип (формулировки взяты из названия глав книги).

Конечно, А. Панарин – социальный реалист. Он вовсе не считает, что такая практика действует широко и автоматически. Более того, он констатирует, что

массы сегодня как раз «не сопротивляются наступлению новых экспроприаторов, хотя именно массам они грозят возвращением в состояние тотального бесправия и незащитного плебса» («Православная цивилизация», с. 459).

Слабость реакции масс – проявление бессубъектности, о которой говорит также в работе, изданной Институтом рефлексивных процессов и управления, «О стратегии российского развития. Аналитический доклад». (М.: Русский путь. 2003. 392 с.) Большинство ее авторов согласны с А. Панариным в том, что бессубъектность – это, в первую очередь, манифестация бездуховности.

А. Панарин не только выражает свои глубокие мысли, но и тревогу гражданина за судьбу страны. Когда-то А. И. Герцен писал об отношении к кризисному состоянию крепостнической России: мы не врачи, – мы боль. А. Панарин в данном отношении – и то, и другое.

Особенно важна проводимая этим видным философом и политологом конкретизация задачи, сводящейся к определению статуса России как *стратегического субъекта мировой политики*. Она сводится к решению вопроса о ключевых векторах ее развития и выработке контуров управления ими в широком мыслительном поле, на промежуточной стадии рекомендаций и – далее – на уровне конкретных социальных проектов. Ибо в новом веке все чаще приходится вести речь именно о *стратегии* – об овладении искусством управления совокупными усилиями многих политических акторов, что ныне по силам лишь эффективному стратегическому субъекту. А таковой принципиально не достигает своего статуса без ведущей духовной идеи.

Задачи осмысления путей общественного развития в современных условиях резко усложняются и требуют введения не только новых исследовательских процедур, но и подключения потенциала проектного мышления, вооруженного новейшими средствами познания. В этом смысле глубокий анализ должен работать на основах социальной конструктивности и культурной преемственности, а история свидетельствует, что то и другое для России обеспечивало, согласно А. Панарину, именно православие.

А. Панарин постоянно боролся с одной из основных бед России – болезнью *бессубъектности* и ее возможным исходом – разрушением государственности. Таким недугом в той или иной мере, отмечал он, заражены властные структуры и политические партии, финансово-промышленные группы и средний класс современной России. Нужны усилия по преодолению данной болезни через духовный подвиг «оправославливания», подводящий основу под истинно конструктивную политику, придающую динамизм стране для выхода из кризисных состояний. Конечно, оно не сводится к освящению новых заводов и спуска кораблей, хотя данные акты нелишни: они помещают материальные усилия в духовное поле. Не менее важно оправдание идеи служения России, в первую очередь в глазах молодых поколений. И здесь нелишне поучиться у других народов, даже тех, кто далек от идеала дружбы с Россией.

Можно вспомнить, к примеру, что немалый динамизм развитию США в 1960-е годы задал молодой президент Дж. Кеннеди, католик по вероисповеда-

нию, но приверженец гражданской религии как веры в высшую духовную миссию Америки. Кто «из наших» мог бы взять на себя смелость и иметь право сказать: Не спрашивайте, что Америка может сделать для вас, спросите, что вы сами можете сделать для Америки?! А главное — обеспечить делом «высокие» слова. Кеннеди это во многом удалось.

Конечно, перестроиться на соответствующий поведенческий регистр мыслей и действий современным россиянам крайне непросто — очень уж много и часто их обманывали, уменьшилась территория страны, промышленность в упадке, угрожающе сокращается население... Кто о таком мог подумать лет двадцать тому назад? Но рано или поздно надо «просыпаться», и роль работ А. Панарина в данном духовном отрезвлении очень важна.

Пафос всех работ А. Панарина заключается в том, что — несмотря на все вызовы и угрозы — Россия в XXI веке может и должна остаться одним из ведущих субъектов современной мировой политики, решая задачи, которые посильны только ей. Пафос, подкрепленный мощными аналитическими подходами и синтетическим научным дискурсом (с опорой на действенную эпистемологию и этически ответственную рефлексию).

Как бы ни идентифицировали (а чаще — просто обзывали) этого оригинального мыслителя его идеологические противники — он остается тем, кто оптимально и решительно выражал в своих трудах идею *государственничества* (не сводимую всего лишь к апологии государства, даже очень сильного). При этом он также обосновывал мощные аналитические подходы к исследованию духовных основ современности, характеризующихся глубокими кризисами. А. Панарин задал высокую планку дискурсу о России как стратегическом субъекте, ее приоритетах. То, что эту планку преодолевать крайне сложно, фактически отсекает от обсуждения этого серьезного дела когорты как новоявленных политологов (бывших научных коммунистов или ангажированных антикоммунистов), так и тех, кто превращает разговоры о духовности (или бездуховности) в профессиональное празднословие.

А. Панарин постоянно подчеркивал, что цивилизационный процесс в России (не говоря уже о других регионах мира) обладает особенностями, не сводимыми к линейности по западным образцам. Из его трудов можно сделать вывод: Россия такой стратегический субъект, без которого остальной мир не то что не полон, а практически немислим. Она способна ставить перед собой масштабные цели и рассчитывать на длительное историческое существование; об этом и говорит ее историческая идентичность как страны православной — даже в те периоды, когда Русская православная церковь подвергалась жестоким гонениям.

Ценность подхода А. Панарина заключается в том, что он помещает проблему стратегического субъекта в предельно широкий социально-экономический контекст и связывает ее перспективу с процессами глобализации, с одной стороны, но и с сохранением национальной идентичности России, глубинным образом связанным с православием, — с другой. Глобализация в этом плане не должна строиться по канонам глобализма как линии, по сути, на принудитель-

ную унификацию жизни по задаваемым извне образцам; особенно такая унификация неприемлема для России. Именно поэтому из идеологического обоснования стратегических целей России неустраним, по убеждению А. Панарина, компонент православия, проявлявшийся в прежние времена: и революционеры времен Гражданской, и воины Великой Отечественной войны отдавали (как написано на памятнике героям Плевны) «души за други своя» по внутренне присущим им православным нормам.

Важно не только выражение подобных тезисов, что может вызывать «рвотные рефлексы» у идеологических оппонентов А. Панарина, зараженных бациллой «непреодолимой отсталости» России. Еще более важно полнокровное обоснование релевантности этих истин. Убедителен его дискурс, в котором сочетаются глубинные аналитические подходы из самых различных областей знания: от методологии политического прогнозирования до психоанализа и структурной лингвистики. Данного автора в этом плане, образно выражаясь, «не ушучишь» — его аргументы обоснованны всесторонне.

При этом ученый страстно выступает против проповедей тотального отечественного «неудачничества» — причем, что особо важно — в строительстве и социализма, и капитализма (действительно, где же удачи вообще?! — всего-то первый спутник да человека в Космос запустили...). Все гораздо сложнее: Россию, по его мысли, конкуренты постоянно пытаются столкнуть на обочину цивилизационного пути. Несмотря на это, в ключевые периоды развития человечества она объективно выступала *спасителем цивилизации от продуктов ее самораспада* (достаточно вспомнить Вторую мировую войну).

Налицо — некая геополитическая константа, менялись лишь приемы ее применения, правомерно заключает Панарин. И все же страна постоянно отвечала на любые вызовы, а ее опыт в данном плане уникален. Кроме того, он востребован и на уровне глобализирующегося человечества — как урок общезначительности разных цивилизационных систем, и уже данный, и заданный на будущее именно православием.

А. Панарин писал: «Особенность российской судьбы и ее перспективы связаны с возможностью удержать вместе и аккумулировать потенциал всех трех континентальных идей: восточной, южной и индоевропейской» («Россия в циклах мировой истории». — М.: Изд-во МГУ, 1999. с. 219). В данном аспекте Россия выступает как «авангард гвардии», духовно сплавляемой ненасильственным путем с опорой на православие.

Что же касается чисто европейского будущего России, то она в стратегической перспективе может стать ядром стабильности — даже с учетом того, что православие на континенте доминирует и отбивается от ислама в основном в Балканском регионе. В остальных частях Центральной и всей Западной Европы доминируют католицизм и протестантство, испытывающие угрозы со стороны растущего исламского меньшинства, а главное — секуляризма.

Мобилизационным духовным потенциалом в Европе обладает, по мысли Панарина, лишь православие. Если развернуть его духовную силу, то сначала

образуется подлинная, по утверждению автора, триединая романско-германско-славянская Большая Европа, а затем переустроится и мир — и тогда евразийство перестанет быть экзотической идеей, разыгрываемой маргиналами от политологии и политики, превратившись в новый духовно воинственный политический проект по обеспечению сосуществования разнородных цивилизаций (там же). Поэтому, по его мнению, необходимы не только сохранение России в качестве стратегического субъекта, но и ее *прорыв* в таком качестве в XXI век.

Задачи России в связи с этим резко усложнились. Образно говоря, мирить народы и приобщать их к процессам глобального порядка надо уже не внутри одного дома — а в своем окружении, в том «ближнем зарубежье», лидеры и элиты которого все еще настроены насолить как можно острее бывшему «старшему брату». Но и оставлять этот регион, да и более отдаленные вне сферы своей активности — невозможно. Ибо это противоречит интересам глобального порядка, которые в эйфории рванулась решать Америка, но — скажем от себя так — поскользнулась... Особенно в Ираке.

И все же подчеркивает А. Панарин, старые союзники России в арабском мире, Индостане, в Тихоокеанском регионе по-прежнему больше уповают на ее возвращение в качестве сверхдержавы, с опаской глядя на возможности уже не только США и единой Европы, но и таких экономических гигантов, как Япония или быстро растущий Китай. Не говоря уже о США, все чаще громящих железом, и единой Европе. Для этого требуется не просто физическое могущество, но в первую очередь нравственная оснащенность, опирающаяся на тысячелетнюю православную традицию.

Сила — не за мощью, сила — за правдой, высокой духовностью, — таков лейтмотив последних трудов Панарина. Еще и еще раз вспоминаются в связи с этим вещи строки духовно близкого А. Панарину поэта, социального мыслителя и дипломата Ф. И. Тютчева:

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
А мы попробуем спаять его любовью, —
А там посмотрим, что прочней...».

Именно поэтому для России как стратегического субъекта столь важна глобальная мироустроительная концепция — великая идея. «Сегодня либерализм всюду — и на Западе, и в России, — кажется, утратил путеводную нить Просвещения и способен порождать только эффекты контрмодерна и контрпросвещения... Великий освободительный импульс Просвещения, если ему не суждено иссякнуть вовсе в нашу сумеречную эпоху, найдет иное идейное олицетворение, иное знамя» (Искушение глобализмом. — М.: Изд-во ЭКСМОПресс, 2002, с. 61).

По данной логике, нам опять предстоит спасти мир, включая уже и его либеральную составляющую, причем с опорой на православные духовные ценности... Вряд ли такой уважаемый эксперт, как Панарин, согласился бы с мыслью, что России — кроме всего прочего — придется *спасти* и *ценности* самого

либерализма в той части, в которой они составляют неустранимую часть политической культуры человечества. Но в этом нашем отдающем наивностью предположении все-таки что-то есть...

Действительно, сколь бы зла ни причинила своей стране эта циничная «фракция» элиты (например, «мальчики», наставниками своими провозглашавшие то чикагских экономистов-монетаристов, то диктаторов типа Пиночета) — ее не отодвинули за ненадобностью. Ее представители — работают (правда, некоторые в основном перед телекамерами). Однако ясно, что не им суждено безраздельно определять стратегические ориентиры России: не исключительно *им* — но именно *с ними*. Может быть, в этом разгадка надежд на православие, одна из особенностей которого, согласно Панарину, — утверждать высокий духовный идеал, в каком бы обличье он не проявлялся?...

Осуществляется ли данный его прогноз — трудно сказать с однозначностью. Но нельзя не согласиться с тем, что любой части элиты надо приобретать авторитет у народа. «Без опоры на народ как эффективно действующего коллективного субъекта нельзя создать сильное государство, а без сильного государства невозможно заблокировать механизмы глобального открытого общества, предопределяющие перераспределение собственности в глобальном масштабе. Без опоры на народ наибольшие шансы войти в международную финансовую элиту имеют инородцы, которые в этом кругу лучше принимаются, как не заподозренные в патриотизме и «имперских комплексах» (там же, с. 141).

Заметим, что в ряде работ Панарина особенно в его журнальных статьях, указанным инородцам достается изрядно. Даже чрезмерно, и здесь А. Панарина можно подвергнуть критике. На наш взгляд, сила России всегда заключалась в том, что в ней — как Царствию Божию — нет ни эллина, ни иудея (как, кстати говоря, не считались с национальной и даже государственной принадлежностью и при осуществлении великих деяний, например, строительстве Транссибирской магистрали в XIX или полете в Космос в XX веке). Да и сам А. Панарин часто писал, что Россия — школа оптимальной общежительности представителей всех религий и наций. Поэтому — да не посетуют его почитатели — излишнее возложение бремени на тех же инородцев вряд ли справедливо, особенно когда при этом доминирует малый спрос с себя самого.

Согласно обоснованным прогнозам российского мыслителя, именно народам, а не элитам только предстоит перерешение своей судьбы и новое осмысление своего статуса. Как раз народы должны превратиться в стратегических субъектов. Поэтому и в долгосрочных планах «хозяев мира» объектом воздействия становятся не аппетиты компрадорских элит, несмотря на всю их непредсказуемость, а духовный строй народов. Отсюда не только — и не столько — новые угрозы православию в качестве религии в «церковной ограде», сколько его духовным ценностям в российском социуме. Такие ценности признаются устаревшими и не сочетающимися с задачами глобализации. Крайние проявления этой тенденции — связываемый с православием миф о долготерпении и вечной отсталости России от «передового» Запада.

Поэтому и наблюдаются попытки с опорой на него разрушить национальный суверенитет, заменив его системой глобального протектората над непокорными, — поэтому уничтожается их деловая репутация. «Сегодня Россия стала той гигантской корпорацией, против которой направлены усилия игроков на понижение. Ее репутация чернится всеми способами. С одной стороны, здесь действует застарелый мазохизм отдельных групп российской интеллигенции, знающих, «как сладостно отчизну ненавидеть». С другой стороны, весь этот организованный экстаз самобичевания и самоуничтожения имеет место в присутствии стратегических наблюдателей со стороны, умеющих переводить все это в цифры, ибо, как мы помним, потерянная репутация страны означает понижение ее статуса, ужесточение условий кредита, уничтожение торговых предпочтений, наконец — потерю реальных и потенциальных союзников и международную изоляцию. Как видим, виртуальное (нефальсифицированное) знание может с успехом использоваться не только в финансовых, но и в геополитических играх» (там же, с. 342). Таким образом, экономически выгодно культивировать болезнь бездуховности, мифы об отсталости и некультурности, представление об отсутствии цивилизационных начал в России, считает А. Панарин.

Страшен сон, милостив ли Бог? Говоря точнее: Можно ли изменить ситуацию? Способна ли к этому Россия как стратегический субъект? С кем ей связывать свои надежды? — Такие вопросы задает А. Панарин в конце своей книги.

Его оптимистический прогноз связан с использованием потенциала духовности, которой обладает православие. Изложим его позицию: Лишь опирающаяся на его религиозных устоях власть может базироваться на принципе универсализма — спасения всех, а не избранных; лишь она будет открывать человечеству новые планетарные горизонты вследствие своей несклонности к консенсусу с теми, кто оспаривает духовные приоритеты, чтобы абсолютизировать материальные. Эта власть будет возрождать «демократию равенства» в противовес либеральной «демократии свободы»; она объединит силы, выступающие за высвобождение политической власти из-под опеки финансовой олигархии.

В качестве эпиграфа к одной из своих книг А. Панарин привел слова из переписки историков А. Тойнби и Н. И. Конрада. Первый писал второму — тогда еще в СССР: «Ваша страна состоит из такого множества народов, разговаривающих на столь разных языках и унаследовавших столь различные культуры, что она является моделью мира в целом» (Цит. по «Россия в циклах...», с. 4).

Так было. Но так и есть. И еще в большей мере — так будет. Ибо опыт России как стратегического субъекта мировой политики не просто уникален. Если принять во внимание его историческую пронизанность духовными ценностями православия, то надо признать, что он единственно возможен как средство мирного устройства жизни народов в глобальном масштабе. Поэтому столь важно, считает Панарин, не разменять его на ширпотреб, не пренебречь им как «уроком вечной отсталости».

В связи с этим на намеченные в его книгах выводы и рекомендации, которые носят мощно продуманный и глубоко тревожный характер, нужно отве-

чать серьезно. Пронизанными ценностями православия интеллектуальными инициативами и социально ориентированными проектами. Прочитанные в данном ракурсе книги заставляют думать. В этом их сила, служащая свидетельством того, что сообщество социальных философов и политологов России в состоянии не только рассуждать и горевать о ее судьбе, но и конструктивно мыслить о стратегии ее развития.

Таким образом, Россия – субъект с «долгим историческим дыханием». И, справедливо считает А. Панарин, всему миру у нее надо учиться двум вещам: как *преодолевать* острые и катастрофоподобные *кризисы*, ставящие народы на грань выживания, и как сосуществовать носителям разнородных национально-религиозных начал на основах общежительности. Последняя отличима от такого *артефакта* (искусственного образования), как «политкорректность». В реальном же историческом опыте указанная общежительность пронизана ценностями православия. Основная задача которого в современности – обоснование необходимости воссоединения слова и бытия, как отмечено в его последней прижизненной книге А. Панарина.

Следует подчеркнуть особо, что указанная общежительность и способность к преодолению кризисов находятся в реципрокных отношениях – они связаны сущностной взаимозависимостью. Поэтому стоит задача изучения под данным углом зрения как исторического прошлого России, так и анализа настоящего. А еще в большей мере – взвешенного и на духовных весах прогноза ее будущего. Доказательство столь существенных истин – завет, оставленный безвременно умершим А. Панариным сообществу отечественных политологов, и не только ему.

ФОРМИРОВАНИЕ МАКРОСОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК УСЛОВИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИСТЕМНОГО ДУХОВНОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.Ю. Иванова (Южный научный центр РАН, г. Ставрополь)

Кризис и распад советской идеологии и культуры вновь обнажил и предельно обострил проблему цивилизационной идентичности России, актуализировав разнообразные потенции ее трансформаций, каждая из которых имеет свой вектор. Проблема идентичности россиян наиболее часто поднимается в научных публикациях в связи с тем, что при анализе происходящих в современной России процессов констатируется кризис идентичности как важнейшее следствие распада прежней государственности и источник психологического дискомфорта значительной части населения. Именно кризис идентичности препятствует «вызреванию» и в обществе, и в недрах политической элиты общенациональной идеи и образованию субъектов национальных интересов. Исторически идентификационное единство обеспечивалось в России не через построение нации-государства, а через всеобщее подданство царю, православие и феномен советского народа.

Идентификационный кризис обладает мощными деструктивными потенциями, и наиболее значимой опасностью является примитивизация нового объекта тождества, которая выразилась в разрушении единого образа Отечества. Кризис идентичности нередко способен привести к выбору в качестве объекта идентичности существенно более узкого круга социальных общностей, более локальных, а порою и маргинальных. Человек, утративший чувство родины, заполняет образовавшийся вакуум иным содержанием, идентифицируя себя с религиозными, этническими, родоплеменными, профессиональными, а то и криминальными общностями.

Кризис макросоциальной идентичности в России сопровождается и другими психокультурными явлениями, такими как апокалиптические воззрения, этнонационализм, национальный мессианиззм, антисемитизм, безотчетная ксенофобия и гомофобия. К этому можно добавить широко распространенные ощущения потери, ностальгии, стыда, беспомощности, страха, горя и просто беспредметной ярости. С трансформацией советской социокультурной идентичности произошло понижение уровня процессов структурирования надэтнической идентификации, они снизились до уровня локальных сообществ. В настоящее время можно говорить об определенном возвращении локализма, хотя это более сложное явление, чем крестьянский локализм XIX века, и нередко оно сосуществует с националистическими или патриотическими настроениями, выраженными, например, в лозунге «Москва для москвичей, Россия для русских!».

Тем не менее, между всеми формирующимися группами в современной России есть «перекрестные идентичности», то есть нечто общее, что позволяет говорить о наличии некой интегративной, социокультурной, мировоззренческо-деятельностной рамки, которая может стать основой для консолидации российского общества.

В настоящее время перед российским обществом, перед российскими интеллектуалами стоит задача формирования нового позитивного образа, позитивного автостереотипа гражданского сообщества россиян. По сути, речь идет о формировании гражданской идентичности в условиях демократически ориентированного правового государства, идентичности, не отрицающей своей этнической составляющей, идентичности, разделяющей с другими гражданами полиэтнического государственного образования общенациональные ценности и символы, чувства и привязанности, установки и образцы поведения.

В связи с этим актуальным представляется становление представлений о конструктивной роли российской идентичности и патриотизма, рассматриваемых как механизм преодоления межэтнической напряженности. Для современного этапа, переходного к устойчивому, стабильному развитию, как никогда нужны идеи консолидационного, консенсусного содержания. А ими могут быть лишь общегосударственные идеи, когда граждане России, независимо от этнонациональной и конфессиональной принадлежности, считали бы себя россиянами не только по географической принадлежности, но и по чувству родства. Без формирования некоего этнически нейтрального «мы», имеющего

политическое, правовое, социально-экономическое значение, невозможны ни диалог, ни общенациональное примирение, ни политическая стабильность.

Понятие «россияне» в качестве идентификационного термина в целом получило общественное признание и перешло в разряд актуализированных, работающих понятий. Уверенность индивида в позитивности и ценности реалий окружающей его жизни, его патриотические убеждения способствуют формированию его позитивной идентичности. Применительно к современному российскому обществу можно говорить о наличии переходного типа социокультурной идентичности, с одной стороны, совмещающей черты современного типа и традиционалистские ценности и установки, а с другой – амбивалентную идентичность: «советский человек» и «россиянин».

Гражданская идентичность служит социальной интеграции на базе общих терминальных и инструментальных ценностей (в том числе через такие ценностные комплексы, как Родина, государство, страна), объективируется через отождествление индивидов с определенными позициями в социокультурном пространстве и фиксируется через социальные практики в конкретных полях идентификации. Базовыми полями для формирования гражданской идентичности выступают культурное, экономическое и политическое поля. Макросоциальная идентификация может быть рассмотрена в двух аспектах. С одной стороны, макросоциальная идентификация является имманентным процессом выстраивания универсального, надличностного образа мира. С другой стороны, макросоциальная идентификация представляет собой интенциональность, прямую направленность субъекта на себя. Однако из-за отсутствия точных формулировок целей социального развития, не сложившейся иерархии престижа новых ценностей и идеалов можно говорить о нечеткости, аморфности этой идентичности.

Кризисный характер макроидентичности предполагает, что наряду с негативными социальными процессами, характеризующими современное состояние российского идентификационного пространства, в обществе складываются тенденции, свидетельствующие об определенном развитии этого пространства, обогащении его новыми содержательными основаниями, то есть происходит не только трансформация общества, но и реконструкция социокультурной идентичности, являющая собой признак преодоления ценностного и духовного криза постперестроечных лет.

РОЛЬ ГОРОДОВ В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И РОССИИ

В.Б. Иглин (*Дума городского округа Тольятти*)

Резкий скачок урбанизации за последние полвека привел к тому, что среда обитания человека кардинально изменилась, и на Земле прочно воцарилась городская цивилизация. В городах, ставших основными центрами культуры, экономики, политики, проживает теперь большинство населения планеты. Они же

стали невольными виновниками острейших глобальных проблем. От того, какой будет общая стратегия развития городов в 21 веке, зависит судьба человечества.

Осмысление устойчивого развития городов в развитии человечества на современном этапе через призму ноосферного подхода позволяет сделать следующие основные выводы.

Во-первых, стратегическим направлением развития человечества являются такие процессы как переход биосферу в ноосферу, формирование ноосферного сознания и мышления, ноосферных технологий, которые являются основными причинами изменяющимися основные геополитические субъекты, которые и формируют основные модели развития человечества. Уже в начале XX в. В.И.Вернадский начал говорить о том, что воздействие человека на окружающую природу растет столь быстро, что не за горами время, когда он превратится в основную геологообразующую силу. И как следствие, он должен будет принять на себя ответственность за будущее развития природы. Развитие окружающей среды и общества сделаются неразрывными. Биосфера перейдет однажды в сферу разума – в ноосферу.

Во-вторых, в систему стратегического управления развитием человечества помимо государств, транснациональных корпораций (далее – ТНК), международных организаций, пришёл новый, достаточно независимый геополитический субъект – ноосферный каркас городов (далее НКГ), город, который существенно изменит понимание процессов стратегического управления, как развитием человечества, так и развитием государств, ТНК.

Практика стратегического управления развитием человечества на уровне государств и ТНК исчерпала себя. Она ведёт лишь к мировым войнам, глобальным, экономическим кризисам, к геноциду отдельных народов, что, в конечном счёте, ведёт к малому КПД использования традиционных природных, интеллектуальных, социальных, технологических ресурсов.

Ноосферный каркас городов – система городов, использующих такие принципы и законы самоорганизации, которые позволяют выступать разрозненным городам в качестве единого геополитического субъекта. Последний, наряду с другими геополитическими субъектами, может предложить и реализовать экологические, культурные, экономические, технологические и управленческие модели развития человечества с целью формирования ноосферы, решения глобальных проблем, дать достойный ответ вызовам современной эпохи.

В понятие устойчивого развития города входит новое содержание - города формируются в единый субъект – ноосферный каркас городов, что будет придавать им новые характеристики, истекающие из этого нового системного качества. Идеи городских сообществ будут распространяться и использоваться в практике всех городов планеты, минуя государственные рамки и рамки ТНК.

Причинами формирования ноосферного каркаса городов являются:

- Появление глобальных проблем.
- Исчерпание потенциала потребительской формы развития человечества.
- Невозможность государства и транснациональных корпораций решать

конкретные проблемы территорий исходя из общих принципов развития человечества.

- Необходимость выстраивания противовесов государству и ТНК при формировании и реализации моделей развития человечества и способов решения глобальных проблем.

Основными принципами формирования и существования ноосферного каркаса городов можно назвать следующие:

- Принцип опоры на естественные, природные территории.
- Принцип единства целей, которые формируются исходя из принципов формирования ноосферы.
- Принцип последовательной экологизации всех сфер жизнедеятельности территории.
- Принцип приоритета экологической ответственности над всеми видами собственности.

Экологические столицы НКГ — города или агломерации, которые могут организовать свою жизнедеятельность на основе таких социо — природных технологий, которые дают возможность для развития человека и сохранения природной среды на конкретной территории. Возможность порождать именно такие технологии и делает один или несколько населённых пунктов экологической столицей определённых природных территорий.

В-третьих, город — это способ самоорганизации различных форм жизнедеятельности людей и технологий в ограниченном пространстве, с целью развития, как каждого конкретного человека и природной среды данной местности, так и Человечества, Биосферы и Ноосферы.

Ноосферный подход к роли городов позволяет выделить следующие новые аспекты характерные для современных городов, позволяющих играть стратегическую роль в развитии человечества:

1. Уровень сложности и принципы управления крупным городом и агломерацией схожи с принципами управления государством, например, первичность объекта управления по отношению к субъекту управления, целостность и автономность объекта, адекватность объекта и субъекта управления, иерархичность и уникальность объекта, необходимость передачи полномочий на нижние управленческие уровни, зависимость механизмов управления от внешней среды и внутренних законов развития объекта, механизмы управления должны быть взаимоувязаны ресурсами, программно-проектной документацией, правовой основой, информационной базой.

2. В масштабах всего мира городам отводится ключевая роль в экономическом, социальном, культурном, духовном и научном развитии стран. Обеспечение интересов нынешнего и будущих поколений в области населённых пунктов является одной из основополагающих целей международного сообщества.

3. На планете интенсивно формируется глобальная культура стратегического планирования развития городов на основе международных и иных правовых актов, в которых закрепляются принципы, обязательства, планы действий

и опыт развития городов. Данная культура базируется на идее устойчивого развития населенных пунктов.

4. Разработаны следующие критерии для населённых пунктов развивающихся на справедливой основе. Все люди данных поселений без какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, вероисповедания, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения:

- Имеют равный доступ к жилью, инфраструктуре, здравоохранению, соответствующим продуктам питания и воде, образованию и открытым пространствам.
- Обеспечиваются равными возможностями: а) для продуктивного и свободно избранного образа жизни, для личного, духовного, религиозного, культурного и социального развития; б) для участия в общественном процессе принятия решений; в) для равных прав и обязанностей в деле сохранения и использования природных и культурных ресурсов, для равного доступа к механизмам и технологиям, обеспечивающим защиту этих прав.
- Имеют обязанности и права. Осуществление прав должно опираться на солидарность и ответственность граждан, означающее принятие на себя равных обязанностей.

5. Сохранение окружающей среды, развитие творческого, эстетического и этического потенциала человека необходимо признать детерминирующими факторами процесса развития городов. Город и его элементы могут рассматриваться как динамичные и комплексные экосистемы. Частью этих систем является деятельность человека, в связи с чем анализ ее воздействия на биотическую и абиотическую среду оказывается необходимым при планировании городских экосистем. Стратегия экологически безопасного развития города должна учитывать необходимость устойчивого развития всей глобальной системы. Необходимо научно обоснованное управление городскими экосистемами, и экосистемами пригородной зоны. В противном случае города, которые выпестовали человечество, могут стать инструментом самоуничтожения человечества - исходя из принципов теории систем, города должны прекратить свое существование, так как сложившиеся отношения не могут более выполнять функцию компенсации внешних воздействий.

7. Городским сообществам, органам местного самоуправления стратегически целесообразно культивировать в городах такие формы потребления и технологии, которые не разрушают природу и творческие способности человека, которые позволяют осуществлять управление рисками, т.е. уменьшать уязвимость городов от природных, техногенных и экологических катастроф.

8. Городская политика развития города влияет на городское общество в целом и отдельных жителей во многих аспектах их частной жизни. Это важный публичный акт, поэтому участие горожан в процессе стратегического планирования развития городов обязательно.

9. Градостроительное проектирование является важнейшим элементом стратегического проектирования развития городов. В настоящее время происходит интенсивное развитие представлений в сфере градостроительства и градостроительства, например, наряду с функциональным зонированием, в основу которого Афинской хартией были положены четыре основные функции жизнедеятельности человека в городе: жить, работать, отдыхать, передвигаться, проводится зонирование городского пространства по градостроительной ценности территорий, разнообразию, интенсивности, степени интеграции функций и другим характеристикам городской среды. Устанавливаются градостроительные регламенты, определяющие правила застройки, и режимы использования территории.

10. Функционирование рыночных процессов в условиях жизнедеятельности города как сложной самоорганизующейся системы зачастую создает проблемы и ведет к нарушению хрупкого баланса природных, культурных, экономических, технологических и управленческих сфер городской жизни. Рынок не позволяет контролировать такие факторы, как загрязнение, перенаселенность, социальное расслоение, монополизм. Он также не позволяет создавать в социально-разумном объеме такие жизненно важные компоненты и службы, как общественный транспорт, жилье для малоимущих, коммунальные службы и культурно-бытовые объекты.

11. Органы местного самоуправления должны обеспечить координацию действий муниципальных, частных, государственных общественных субъектов в городском пространстве. Разумное управление различными формами собственности при решении общегородских задач является основой стратегического планирования развития города.

12. Значение развития населенных пунктов для национальной экономики государств зачастую недооценивается. Государство должно создавать правовые, кадровые, финансовые, налоговые основы для стратегического планирования развития городов.

В-четвёртых, в процессе своего развития город подчиняется жёстким требованиям объективного характера, связанных с закономерностями развития города как самоорганизующейся системы и управляемого объекта.

Можно выделить следующие принципы развития города как самоорганизующейся системы:

1. Принцип развития за счёт окружающей среды - требует учёта закономерностей природного и социального характера в процессе развития города.

2. Принцип системной целостности – требует первоочередного развития системных качеств города, которые формируют город как целостное образование.

3. Принцип необходимого разнообразия и оптимальности – требует от процесса развития города необходимого разнообразия и полноту его системных качеств.

4. Принцип направленности и разновременности – требует направленности развития города и гармоничного соотношения прошлого, настоящего и бу-

душего составляющих процесса развития города.

5. Принцип последовательной цепочки доминант — определяет направленность цепочки доминант детерминирующей процесс развития города:

- экологическая доминанта — определяет готовность населения и управляющих структур к осознанию природных регламентов территории, на которой расположен город. Определяет культурную, экономическую, технологическую и управленческую доминанту;
- культурная доминанта — определяет готовность населения города к и управляющих структур к осознанию и освоению тех или иных форм жизнедеятельности. Определяет, экономическую, технологическую и управленческую доминанту;
- экономическая доминанта — определяет готовность населения и управляющих структур к осознанию и освоению тех или иных производственных отношений, существующих на планете. Определяет технологическую и управленческую доминанту;
- технологическая доминанта — определяет готовность населения и управляющих структур к осознанию и освоению тех или иных технологий. Определяет управленческую доминанту;
- управленческая доминанта — определяет готовность населения и управляющих структур к осознанию и принятию управленческих решений в сфере развития города, которые бы не противоречили выше изложенным принципам.

6. Принцип субъектности в ноосферном каркасе городов — требует осознания и применения на практике принципов и законов самоорганизации, которые позволяют выступать разрозненным городам в качестве единого геополитического субъекта, который наряду с другими геополитическими субъектами, может предложить и реализовать модели развития человечества, которые могут дать достойный ответ глобальным кризисам.

7. Принцип оптимальности воздействия в момент фуркационного состояния города — определяет, что наиболее оптимальным для изменения пути развития и функционирования города является момент фуркационного состояния города — периода неустойчивого равновесия, как состояния менталитета городского сообщества, так и его ресурсов.

В заключении хотелось бы сказать: формирование стратегической роли городов в развитии человечества и России является следствием глобального нарушения взаимодействия человека и природы. Кроме того, это ещё не достаточно изученное явление, оно требует дальнейшего анализа.

РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ КАК ПЕРСПЕКТИВА БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ РОССИИ (основы концептуального подхода)

К.Х. Ипполитов

(Институт проблем безопасности и устойчивого развития, Москва)

Социальные проблемы уверенно выходят на передний план в жизни России. Этот процесс соответствует одной из важнейших цивилизационных ценностей России – тяга народа страны к социальной справедливости. Игнорировать эту ценность опасно и нежелательно для любого политического режима в нашей стране.

Среди социальных проблем, решение которых объясняется жизненной необходимостью, на первый план вышли: жильё для широких масс населения; образование; медицинское обслуживание; демография.

Однако для решения этих проблем требуют комплексный подход. Как известно, Президент России, понимая необходимость срочного решения острых социальных проблем, как необходимого условия социальной стабильности общества, выдвинул четыре национальные проекта (жильё, образование, медицина, АПК) три из которых охватывают названные выше проблемы (ЖКХ, образование, медицина). Президент, как представляется, понял самое главное – затягивание с решением данных проблем может стать катализатором социального возмущения народа. Ошибка Президента состоит в том, что реализация национальных проектов вне ясной, целостной **социальной политики** бесперспективна. Если же затягивать решение острейших социальных проблем, то мы можем получить Кондопогу во всероссийском масштабе. Надо видеть, что основной причиной выступления этого города является не ксенофобия и, конечно, не криминальные разборки. Попытка этих объяснений происходивших событий – это «страусовая» политика прятать голову в песок и не видеть того, что события в Кондопоге носили характер классовой борьбы. Это было выступление против местных олигархов, предпринимателей, в основном, приезжих, но уже купивших себе поддержку в среде местной администрации и правоохранительных органов, нанявших этническую преступную группировку для защиты своих интересов.

Таким образом, при защите со стороны местных властей интересов местных олигархических кругов и игнорирование интересов местного населения, социальный взрыв становится неизбежен

Как же разрешить острые социальные противоречия?

Попробуем решить этот вопрос на примере строительной политики, прежде всего, дешёвого жилья.

Если государство, обязанное нести ответственность за социальное состояние общества, готово реализовать эту ответственность, то оно просто обязано взять на себя решение всего комплекса проблем, связанных с **обеспечением населения дешёвым и комфортабельным жильём**, т.е. нужна чёткая перспективная

политика в этом вопросе. На стратегическое поведение при решении этой проблемы способно только государство, так как другие субъекты экономических отношений, в основном частный предприниматель, способны осуществлять лишь тактические действия. В основе их политики лежит принцип получения прибыли, и, как следствие, на практике это будет вести и ведёт к повышению тарифов на жильё и на его обслуживание.

В случае принятия такой политики государству необходимо изучить имеющийся опыт и взять на его вооружение. Такой опыт был накоплен во времена Н.С.Хрущёва. Хрущёв, единственный из всех руководителей России, взял на себя ответственность за решение проблем жилья для населения страны. Это сегодня презрительно называют дома, построенные во времена Н.С.Хрущёва «хрущевками». Но тогда, в 50-е годы прошлого столетия, это было революционным решением большой проблемы. В короткий период жители подвалов и балконов получили приличное по тем временам жильё.

Необходимо видеть, что решение данной проблемы предусматривает деятельность властей — строительство и ввод в действие целой **сети домостроительных комбинатов** (ДСК), которые на основе имевшейся в то время передовой технологии, сумели поставить на поток строительство домов для населения страны. Т.е. строительство домов определялось имевшейся технологией. Сегодня технология выше и качественнее. Число и возможности таких домостроительных комбинатов должны быть выше. При этом не поддаётся никакой оценке стремление новых частных владельцев ликвидировать имеющуюся домостроительную базу.

Таким образом, если государство действительно озабочено положением с жильём для граждан страны, то оно должно:

Во-первых, взять официально на себя ответственность за обеспечение населения дешёвым жильём;

Во-вторых, создать необходимую мощную материально-техническую базу для последующих решений этой проблемы; надежды на ипотеку бесперспективны: процент кредита ипотеки будет всегда высоким, так как забота о прибыли любой ценой диктует банкам не опускать кредитные ставки на 3-4% выше планки инфляции; надеяться на помощь предпринимателей, озабоченных в первую очередь получением высокой прибыли нельзя, так как это означает получить рост цен на жильё и готовиться к очередному социальному взрыву.

При этом необходимо учитывать, что строительство жилья предполагает строительство гуманитарной инфраструктуры, параллельное строительство детских садов, школ, медицинских учреждений.

Есть ещё одна сторона строительной политики: необходимо развернуть строительство жилья не в последнюю очередь в **малых и средних городах**, т.е. создание «одноэтажной» России (как в своё время — «одноэтажной» Америки, при значительном сокращении строительства жилья в мегаполисах, где сконцентрированы все основные пороки современного общества — рост преступности, рост коррупции, рост бюрократического аппарата, невозможность формиро-

вания и деятельности демократической системы управления снизу, на уровне местной власти и т.д.

Кроме того, необходимо учитывать последствия этой политики, так как обеспечение населения жильём будет сопровождаться демографическим ростом, а это особенно будет заметно в малых и средних городах России.

Комплексный подход и решение жилищной проблемы предполагает необходимость решения по-новому инфраструктурную проблему новых городов и районов: дороги, места отдыха и обслуживания, развитие альтернативных источников энергии, тепла, горячей воды.

Дело заключается в том, что российские учёные и инженеры (в основном бывшие сотрудники ВПК) уже создали такие альтернативные источники, которые можно внедрить при строительстве новых домов. Тем самым можно обеспечить в значительной мере решение проблемы жилищного строительства и создания инфраструктуры городов и сельских населённых пунктов. Это удешевит на порядок и даже более, по сравнению с ныне существующими затратами их обслуживание и позволит иметь более низкие тарифы по сравнению с настоящими.

«Институт проблем безопасности и устойчивого развития» располагает разветвленной сетью «социальных площадок», является модератором в этой деятельности, в состоянии оказать помощь власти в осуществлении социальной ответственности государства перед обществом и его планах взятия на вооружение передовых технологий.

ДУХОВНОСТЬ И СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ

К.Х. Ипполитов

(Институт проблем безопасности и устойчивого развития, Москва)

В.Е. Лепский

(Институт философии РАН, Москва)

Культ денег и вера во всемогущую силу богатства определяет духовный мир представителя западной цивилизации, его мироощущение, отношение к обществу, взгляд на государство, право, мораль и нравственность. Оправдывается отсутствие моральной ответственности личности перед обществом, а такая категория, как справедливость, просто исчезает из отношений за ненадобностью.

И мы, находясь на стадии первоначального накопления капитала, когда совершается грандиозный передел собственности, в том числе и несправедливыми методами, неизбежно должны будем прийти (и во многом уже пришли) к утверждению в обществе **культы денег** — **этого западного символа веры**. Нас уже принуждают признать права сильного и богатого. Деньги при такой идеологии превращаются из необходимой составляющей материальной культуры любой нации в ее символ веры. Исключается вся иерархия духовных ценностей. Жажда наживы становится нормой для общества.

По-иному формировался духовный мир русских — **наибольшего народа России.**

Общинный уклад с давних пор был необходимым требованием для отпора захватчикам, взаимопомощи при выживании в трудных климатических и географических условиях. Наши предки осознавали, что сама возможность существования и личного благополучия зависит от защиты и реализации ими общих интересов. Личные интересы соотносились с интересами общества. Эта зависимость от общества наполняла **мировоззрение отдельного человека значительным общественным содержанием**, в определенных критических обстоятельствах ставила личность перед необходимостью жертвовать личным ради общего.

Если обратиться к истории России, мы обнаружим, что страна не один раз распалась, исчезала как единое государство (1237, 1611, 1918 гг.) или же стояла на краю гибели (1709, 1812, 1941 гг.), но всякий раз восставала и становилась могущественнее (1480, 1612, 1920, 1945 гг.). Во всех этих испытаниях удавалось выстоять благодаря чувству национального самосознания соотечественников, их патриотизму, их верности чувству общинности. И до тех пор, пока в народе сохраняется национальный дух, самоуважение, вера в свои ценности, чувство родины — страна жива.

Православная церковь в России естественно восприняла русскую общинность и выразила ее в форме соборности. Соборность стала религиозной канонизацией важнейшей духовной составляющей российской цивилизации. Это коллективное сознание объединило народы Руси, а затем и России в годы великих испытаний.

Сила и величие Русской Православной Церкви состоит в том, что она сумела при отсутствии какой-либо иной общественной силы с наибольшей полнотой, ясностью и доступностью для широких народных масс выразить те духовные ценности и позитивные традиции, которые приняли канонический характер.

Сила и величие Русской Православной Церкви состояли в том, что она сумела сделать социально-этические положения Нагорной проповеди Христа каноническими идеалами русского, а затем и российского общества. Выразив в своем учении эти общие для различных русских и российских общностей духовные ценности, она сама поднялась до уровня признанной организованной силы общенародного характера.

Именно коллективное согласие, поддержанное и развитое РПЦ в форме соборности, объединило народы Руси, а затем и России в годы великих испытаний.

Российский принцип соборности означает добровольную ненасильственную консолидацию людей, объединенных общей целью, совместно решающих наиболее сложные вопросы государственной жизни и духовного бытия народа. Соборность означает такое единение граждан, где каждый не теряет собственной индивидуальности, достоинства, чести и самостоятельности, и в то же время каждый осознает, что **спасение всех — это условие спасения каждого.** В этом суть народного самоуправления и социальной справедливости.

Соборная этика народа предполагает защиту слабых, бедных, увеченных, таких наименее защищенных слоев общества как женщины, дети, старики.

Общинность сохранилась и развивалась в годы Советской власти, приняв форму коллективизма. Сегодняшние организаторы «смены вех» и переориентации ценностных установок ведут наступление прежде всего на эти этические нормы российского населения, российской духовной жизни.

Российские духовные ценности способны воодушевлять людей на великие свершения. История России показала, что именно **общественные ценности, составляющие основу российской духовности, являются для нашего народа несравненно более значимыми по сравнению с индивидуалистическими.**

Российское общество при разрушении его собственной духовной среды утрачивает цель и смысл бытия, необратимо приближается к гибели. Русской душе трудно обустроить мир, в котором нет великих целей. Русский народ способен переносить лишения, выстоять в испытаниях и войнах, если объединен национальной идеей и сохраняет веру в свою судьбу.

Вера в социальную справедливость является мировоззренческим стержнем русской нации. **Социальная справедливость, благополучие большинства** должны быть главными целями любых государственных программ, государственной политики, если мы не хотим, чтобы их постигла участь тех «реформ», которые последние пятнадцать лет чередой проносятся по России.

Нужно сохранить и упрочить коллективные начала нашего бытия, вернуть им статус главного мерила ценности происходящих преобразований.

Лишь в этом социальном контексте может быть обретена перспектива достойного положения России в мире, может утвердиться реальная стратегия ее достойного развития. А нынешняя, на скорую руку строящаяся по западному образцу экономизированная модель общественного устройства, где “мотором” движения выбрана прибыль, может привести лишь к затяжному кризису.

Надежда на справедливый социальный порядок, благополучие и коллективную безопасность многое объясняет в поведении российского человека. Именно она дает силы и служит объяснением российской долготерпимости, пренебрежения к лишениям. Там, где никакой западный человек не выдерживает, российский человек терпит, так как живет не мечтой о деньгах, а верой в будущее благополучие и надеждой на то, что, если не он сам лично, то потомки, в том числе и его дети, будут жить лучше, спокойнее и безопаснее. Эту долготерпимость уже не один год используют для достижения своих целей различного рода реформаторы. Но, видимо, всем необходимо помнить: когда умирает надежда, наступает конец и долготерпению, а за этим следует такие крайности, как бунт, восстание или революция, которые несут насилие и бесчисленные жертвы. В основе всех социальных протестов российского населения всегда было стремление к восстановлению социальной справедливости, общинности, соборности при решении вопросов жизни общества.

Западный идеал свободы, т.е. юридически гарантированное государством право социального выбора, трактуется российской ментальностью как нечто абстрактно-формальное, не отвечающее полностью сущности и назначению гражданина. Не отвечает российскому идеалу свободы и социальной справед-

ливости широко распространенное в России правило экономической и иной жизни: «Разрешено все, что не запрещено законом». **С точки зрения российской духовности человек по настоящему свободен, если его вольный выбор освящен какой-то большой и осмысленной, правдивой целью, глубоко лично продуманной и прочувствованной.**

Только нравственная цель может придать смысл существованию личности, оправдать ее уход и приход из этого мира.

Благополучие российского человека осознается им не только как богатство, но и как возможность достижения высшей социальной справедливости, обеспеченной государством. Огромна значимость для народа России личности лидера страны, с именем которого традиционно связывается вера и надежда на лучшее. Российские граждане, в большинстве своем, — за сохранение важнейшей роли государства в обществе, верят в его могущество. Они также за развитие патриотизма, как необходимой составляющей общественного сознания, за поддержание ценности таких понятий, как родная земля, родной язык, отечественная культура.

Российская духовность, государственность, патриотизм — это та основа, на которой строилась и должно строиться идеологическое воспитание российского гражданина.

Исследования отечественных ученых в философии, истории, социологии выявили, что практически все стороны русского, российского и романо-германского, европейского народов характеризуются противоположно. Так, Н.Я. Данилевский, основываясь на исторических закономерностях, установил различия в характере народов. Отличительной чертой европейского народа является насильственность, а русского — терпимость. Европейская насильственность в своей основе имеет чрезвычайно развитое чувство личности, индивидуализм. Русская терпимость есть проявление развитого чувства общинности, стремления к дружеским, равноправным отношениям между людьми, где ради общего дела мира, согласия и успеха подавляются частные настроения.

У русского и европейских народов противоположны не только психологические характеристики, нравственность, национальные идеи, но и особенности исторического развития, последовательность этапов становления цивилизаций. Изменения общественного строя в России начинаются с духовной стороны жизнедеятельности народа, с его настроения и мировоззрения, а затем преобразуется и физическая сторона — экономика и правление. Общественное настроение, выраженное в многовековом лозунге «Один — за всех, все — за одного», сохраняется в массах до сих пор. Русская интеллигенция создала в XIX веке общественное мировоззрение, которое в XX веке было задавлено марксизмом, а затем и западными «общечеловеческими ценностями». И только в XXI веке мы приступаем к общественному правлению.

У европейских народов — наоборот. Парламенты появились еще в XVII веке, а в XIX — европейская буржуазия создала крупное промышленное производство, и только сейчас на Западе начинает развиваться общественное настроен-

ние, делаются попытки привить в обществе мир, дружелюбие, взаимопомощь, заботу о слабых. Вековая вражда среди европейских народов сменялась стремлением построить общее государство, появилось молодое поколение, в том числе и среди предпринимателей, враждебно относящееся к транснациональным компаниям, чьи интересы выражаются в стремлении к глобализации экономики; растет доля общественной и социализированной собственности.

Иначе говоря, и Европа, и Россия движутся к одному – расцвету общественной цивилизации, но движутся разными путями, каждый из которых имеет свои ценности. И в этом смысле копирование европейского пути, тем более двух–трехвековой давности, есть всегда подавление российской естественности, самобытности и, как следствие, – болезненное состояние общества.

Мы можем перенимать у Запада, как и он у нас, определенный опыт, технические новшества, информационные технологии и т. д. Это улучшает и нашу жизнь, и жизнь Запада. Но попытка перенести западные нравы, мировоззренческие принципы или созданные на этих принципах политические, экономические, культурные традиции неизбежно приведет к ухудшению состояния российского народа. Стоит ли удивляться в свете этого, что в России реформы плохо приживаются или принимают уродливую, нередко преступную форму воплощения?

Данилевский сформулировал это как закон:

«Всякое старание связать историческую жизнь России внутренне органической связью с жизнью Европы постоянно вело лишь к пожертвованию самими существенными интересами России».

Капитализация России в конце XX века не получила массовой поддержки народа потому, что по своей идеологии она противоречила духовным ценностям российской цивилизации, высшим запросам большинства российского населения.

И вполне естественно, возрастает значимость ответа на вопрос: что является ценностями российской цивилизации и какова их роль в жизни страны?

АЛЬТЕРНАТИВЫ НАУЧНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В.Ж. Келле

(Институт философии РАН, Москва)

Справедливо сказано, что будущее рождается сегодня. Сегодня закладывается и будущее российской науки. Она пережила тяжелый период и до сих пор ее будущее неясно. В условиях рыночной экономики она пережила несколько этапов. На первом этапе стояла проблема вообще сохранения российской науки: она должна *выжить* во что бы то ни стало. Проблема не только научная, но и социальная. Два главных начала действовали в сфере науки. Во-первых, это мощный фактор в виде спонтанной самоорганизации. Прежде целиком государственная наука оказалась в положении, когда ей надо было как-то самоопределяться.

Власть со своей стороны должна была определиться в своем отношении к науке. Перед ней встала альтернатива: либо создать механизмы, компенсирующие или хотя бы смягчающие удары, наносимые науке стихией рыночной экономики, разрывом сложившихся научных связей, резким сокращением финансирования, либо махнуть рукой на доставшуюся в наследство науку, но выделить самое ценное и создать «компактную науку». Был избран второй вариант, в результате чего появились научные фонды с адресным распределением ресурсов, ГНЦ как объекты приоритетного финансирования, была введена частная собственность на продукты интеллектуальной деятельности. И вместе с тем власть спокойно наблюдала сокращение численности научного персонала за счет эмиграции ученых или их перехода в другие сферы деятельности. Это спокойствие базировалось на идеологеме об «избыточности» российской науки, которую выдвинул Б.Салтыков и четко ей следовал, опираясь при этом и на соответствующие выводы западных экспертов.

В последние годы XX в. российская наука (или, точнее, то, что от нее осталось), оправилась от сильного шока и постепенно, адаптируясь к новым условиям, вступила в период относительной стабильности, который я бы назвал периодом *перетягивания каната* между властными структурами и научным сообществом. У государства был выбор — или по-прежнему держать науку на финансовой удавке, или помочь ей выбиться из кризиса. Но государство не решило, как поступать. Отсюда непоследовательная, колеблющаяся научная политика. С одной стороны, шедшие на пользу науке перемещения в ее руководстве, связанные с отставкой Салтыкова и назначением Фортובה, затем Кирпичникова были. С другой — понижение статуса этого руководства путем превращения Министерства науки и технологии в департамент другого. Реально отношение государства к науке определяли не эти организаторы науки, а совершенно другие силы, отнюдь к ней не расположенные. Поэтому страна имела подпись Президента под документом, определяющим научно-техническую политику, рассчитанную на движение России по инновационному пути (2002 г.) и отказ науке в создании льготных условий для ее развития, например, обложение научных учреждений налогами на их землю и имущество.

Какую-то поддержку науке оказывали иностранные фонды, хотя некоторые вели двойную игру. Сумела сохраниться, хотя и с потерями, академическая наука. У науки появились внебюджетные источники дохода. Произошла дифференциация научных учреждений на более успешные и те, которым трудно было приспособиться к новой реальности. Вузовская наука продолжала влачить жалкое существование. Правовая база научной деятельности оставалась плохо проработанной и ученые сталкивались с множеством нелепых препятствий в своей работе. В эти годы шло дальнейшее ослабление интеллектуального потенциала страны.

Очевидно, этот период был переходным, и он завершился в год последних президентских выборов. Главный вопрос, который поставлен ходом развития и науки и всего общества — **какая наука будет в России?**

Ответ на этот вопрос в решающей степени зависит от экономической, научной, инновационной политики государства.

К сожалению, с начала 90-х гг. НП государства за небольшим исключением не принимается научным сообществом, полагавшим, что она противоречит интересам сохранения и развития российской науки. Речь идет о бюджетном финансировании и формах организации науки, налоговой политике по отношению к науке, создании материальных, правовых, социальных условий для научной деятельности и т.д. Сложилось положение, при котором основные силы, определяющие НП государства, направляют ее в соответствии со своим пониманием возможностей и перспектив российской науки, мало считаясь (за некоторым исключением) или вообще не считаясь с мнением научного сообщества.

Две противоположные позиции в отношении к науке четко выражают высказывания бывших министров по науке и технологиям Салтыкова и Фортובה. Но академик Фортובה является крупным ученым, в министрах долго не удержался, т.к. выражал позицию, разделяемую большинством российского научного сообщества. А Салтыков — человек, к которому прислушиваются в высоких кабинетах власти и его можно назвать идеологом той модели реформирования науки, которая сейчас осуществляется. Вот что он говорит: «На постоянные уверения академической элиты, что РАН более, чем другим ведомствам удалось сохранить научный потенциал, можно ответить просто. Удалось сохранить старый административный скелет системы, а потенциал как способность системы производить знания, к большому сожалению «отъехал» за рубеж. По крайней мере, значительная его часть.... Многие молодые не хотят идти в нашу науку не только и не столько из-за низкой зарплаты, сколько из-за невозможности реализовать себя, построить научную карьеру в структуре, ценностях и порядках наших все еще советских НИИ». Они остаются универсальной организационной формой нашей науки. «Очевидно, что серьезная, а не косметическая структурная реформа неизбежно затронет личные интересы нынешней научной элиты. Именно поэтому реальным инициатором стратегии и программы возрождения российской науки может стать только **новая научная элита**». Она формируется из «вестернизированной» и либерально настроенной активной части научного сообщества. Она привлечет молодежь и бизнес в науку. Должна быть создана новая модель организации отечественной науки на подобие либерально-инновационной американской модели. Она «должна стать еще более компактной (ведь российская наука уже наполовину сократилась, но этого мало, по указанию западных экспертов от прежней совнауки должна остаться одна треть — В. К.), но гораздо более фондоемкой» (С. 24-26. Из статьи «Будет ли реформироваться российская наука?»// Наукоедение и организация научных исследований в России в переходный период. Материалы конференции. СПб. 2004).

«Либерально-инновационная» модель применительно к России почему-то предполагает, согласно Салтыкову, ликвидацию ее фундаментальной науки. Он прямо говорит, что если Япония и Финляндия достигли высокого уровня научно-технологического развития, не имея фундаментальной науки, то почему

этого же не может сделать Россия? Но американская модель, за которую он ратует, вовсе не предполагает отсутствия фундаментальной науки. Ведь американские ученые получают нобелевские премии за фундаментальные исследования. Что-то не стыкуется у г. Салтыкова.

В правительстве, включая министерство финансов, согласны с тем, что надо продолжить сокращение науки.

В июне 2001 г. Правительство послало Президенту доклад о НТ политике на средне- и долгосрочную перспективу, в котором предлагалось «реформировать РАН за счет сокращения числа научных учреждений и численности сотрудников». Несколько позже в том же году министр финансов заявил, что он за реформирование НТ сферы страны, причем важно для него именно «масштабное сокращение числа научных учреждений и численности работников науки» (Поиск. 2001. № 34-35; 41).

А теперь дадим слово чиновникам, которые в тиши министерских кабинетов формируют программу реформ.

О том как складывалась министерская концепция реформы, поведал заместитель министра Свинаренко: «Государственный сектор науки не оптимален по структуре и неэффективен. Цель Концепции – наметить пути исправления ситуации. Выход мы видим не только в увеличении финансирования науки, но и в повышении отдачи этих вложений за счет их концентрации в сохранившихся высоком научном уровне организациях... Расчеты показывают, что исходя из имеющихся ресурсов государство сможет поддерживать около 200 элитных... организаций». Дальше идет смутная фраза: «А примерно 300-500 организаций войдут в инфраструктуру госсектора науки» (Российская газета, 22.09.2004). Вообще более лукавого и неубедительного «обоснования» концепции реформы трудно себе представить: чтоб заработал «высокий потенциал» отечественной науки, надо ее на порядок сократить; слова об «увеличении финансирования науки» звучат просто издевательски, ибо в данном контексте это увеличение предполагается за счет не роста ассигнований, а радикального сокращения науки; в оценке качества институтов разработчики исходили не из содержания работы, сохранившегося потенциала и т.п., а из данных статистики и на основании этой арифметики определяли, какие институты надо поддерживать, а какие акционировать и т.п. Сначала нищенским финансированием сужали до предела возможности исследовательской деятельности институтов, а теперь их выбраковывают. Эта схема напоминает действия тех, кто искусственно банкротит хорошо работающее предприятие, а затем закрывает и распоряжается им по собственному усмотрению. Но для реформаторов важно, что таким образом они убивают сразу двух зайцев: «модернизируют» науку и повышают материальный уровень оставшегося персонала без увеличения бюджетных расходов. Зам. министра вообще «не согласен с тезисом о скудности выделяемых бюджетом средств на науку. Существует одобренный президентом график увеличения бюджетных ассигнований. ... Но даже имеющиеся деньги часто расходуются нерационально» (Российская га-

зета, 17.11.2004). Можно спросить господина Свинаренко: когда бюджетные средства покрывают лишь аренду помещений, коммунальные услуги и низкую зарплату, о каком рациональном и нерациональном их расходовании вообще может идти речь?!

Но с изложенной программой реформ, вызвавшей возмущение научного сообщества, не согласен и Фортов. На утверждение, что у нас слишком много ученых, и они даром едят свой хлеб», он ответил: «Что эти настроения очень сильны даже у «новых урравленцев», это так. Получается, наше общество относится к науке резко негативно. Она держится на плаву за счет самоотверженности ученых среднего и старшего поколения. А молодежь в науку не идет не потому, что ей неинтересно, а потому, что у нее нет возможности в ней биологически выжить. Но экономия на науке – крайне недальновидный подход» (Лит. Газета, 2000 г. № 42).

В последнее время движение России по инновационному пути опять вроде бы затормозилась. Динамика роста цен на энергетическое сырье и доходы, получаемые здесь и сейчас от его экспорта, открыли перед Россией новые возможности. Их осознание, а также наличие больших природных запасов этих ресурсов позволили поставить вопрос о мировом лидерстве России в сфере энергетики. Проблемы инновационного развития стали как бы отходить на второй план. Страна оказалась готовой к поставкам сырья и не готовой к развитию инновационной экономики.

В этих условиях возможны разные варианты дальнейшего развития: или средства от продажи сырья вкладываются в образование, науку и новые технологии, или они складываются в кубышку как накопления для «будущих поколений». Это разные стратегии развития. В случае реализации первой будущие поколения смогут жить и трудиться в интеллектуально и технологически развитом обществе, основанном на «экономике знания», где гармонично развиваются все нужные обществу отрасли производства; вторая готовит им совсем другую участь – жить в стране второго эшелона, где наука и образование не очень востребованы. Иначе говоря, или Россия использует необычайно благоприятные условия для своего научно-технологического развития, или она их потеряет. Пока, кажется, стрелка склоняется ко второму варианту. Его сторонники уверяют, что массы волнуют не высокие стратегии, а собственное материальное благополучие, возможность обеспеченной жизни. Но так ли это на самом деле? Стабфонд нужен, но у него есть пределы. Создается впечатление, что правительство растерялось от свалившегося на него богатства, ибо у него нет детально проработанных программ инновационного развития экономики, нет внятной промышленной политики и потому оно не знает, куда и как расходовать деньги, и под благовидными предложениями (отложить на черный день, спасти от инфляции), держит их мертвым грузом.

Эти процессы сказываются на науке, модель которой, конечно, будет зависеть от избранного пути. У научного сообщества не без основания выработалось стойкое недоверие к компетенции, замыслам и действиям чиновников от науки.

Ныне, несмотря на некоторые позитивные сдвиги, недоверие сохранилось, ибо все создаваемые чиновниками в последнее время в тайне от научного сообщества программы «реформирования» науки, сводятся, в конечном счете, к сокращению, урезанию численности научного персонала и количества научных институтов. Оправданию и обоснованию этого рода деяний служит ориентация на концепцию создания «эффективной компактной науки», избавляющей ее не только от кадрового балласта, но и иных возможных излишеств, например, фундаментальной науки. Сторонники этой точки зрения есть не только в государственном аппарате, но и в бизнесе, и в научном сообществе. Они могут ссылаться и на западных экспертов, которые давно определили, что в области науки и технологии от передовых стран Россия отстала навсегда. Ей нужно отказаться от претензий на «технологический авангардизм» и научиться быть скромной.

Другая точка зрения основывается на том, что Россия, становящаяся великой мировой державой, нуждается не в скромности и «компактной науке», а в мощной современной науке, способной генерировать и новые знания и технологии. В науке, несмотря на значительные потери, сохранились направления, где наши ученые, конструкторы, инженеры или работают на мировом уровне или могут на него подняться. Значит, критическая масса, необходимая для выхода российской науки на мировой уровень утеряна не полностью, страна может иметь такую науку. Нужна продуманная политика в сфере образования, науки и технологии, и усилия научного сообщества.

Таким образом, в настоящее время кардинальным является вопрос о том, *какова будет российская наука в ближайшей и среднесрочной перспективе*. На научном сообществе лежит историческая ответственность за выбор и реализацию оптимальной модели. Конечно, лучше, если у научного сообщества установятся с властными структурами отношения конструктивного сотрудничества. Но если власть навязывает неприемлемую ему политику, такое сотрудничество не получится. В любом случае его миссия – жестко отстаивать интересы науки. Вместе с тем, ясно, что развитие науки – часть общего процесса развития страны, и в ней будет такая наука, какой будет сама Россия.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Н.В. Куликова (Москва)

Россию (а также многие другие страны, например, Мексику или Южную Корею) нельзя даже приблизительно описать в вышеупомянутых «системно-интеграционных» или «холистских» терминах – как общество с единой социальной системой, включающей все население страны. Действительно, очень трудно обозначить нынешнее российское общество каким-то одним термином. Многие западные политики и эксперты, оперирующие дихотомическими понятиями (что заставляет их относить общества либо к авторитарным, либо де-

мократическим), склоняются к тому, чтобы считать Россию демократией. Например, в июне 1997 г. США и другие ведущие страны Запада признали Россию демократическим обществом и пригласили присоединиться к «Большой семерке» в качестве ее полноправного члена.

Вместе с тем, если не брать в расчет публичные заявления властей, мнение огромного большинства россиян резко расходится с западной версией. Они не называют свое общество ни демократическим, ни либерально-капиталистическим. Чаше других слов для обозначения политического режима в России звучит слово «олигархия». Невозможно оспаривать сегодня значительную (если не ведущую) роль олигархии в российском обществе. Однако, когда россияне говорят о своем обществе как об «олигархическом», они воспроизводят ту же самую «системную», «холистическую» ошибку западных политиков, которые определяют посткоммунистическую Россию как демократию.

Для того, чтобы понять российское общество, нужно видеть в нем не один срез (олигархический), но, по меньшей мере, четыре: авторитарный, олигархический, либеральный и криминальный. Назовем их слоями или укладами (можно использовать также термины «секторы» или «сегменты»). Каждый из этих «укладов» имеет свою собственную политическую и экономическую базы, позволяющие более или менее эффективно применять принуждение, экономическое и внеэкономическое, для реализации решений элиты. Два из этих слоев - либеральный и авторитарный — издают законы или постановления, реализацию которых они в какой-то степени могут обеспечивать с помощью правоохранительных органов.

Олигархический уклад обеспечивает достижение своих политических целей с помощью денег, которые позволяют полностью либо частично контролировать средства массовой информации и выборы, или даже с помощью частных вооруженных формирований или нанятых преступников. Криминальный сектор, естественно, основывается на применении грубого насилия и шантажа. Каждый из слоев имеет собственные социальные институты, партикуляристскую идеологию со своим отношением к социальной дифференциации и социальной справедливости, публичным благам (культура, образование, здравоохранение, армия и другие), свою мораль, свою систему рекрутирования кадров и соответствующие критерии эффективности.

Слабый авторитаризм в «центре», ведет, как мы это видим в современной России, к сильному, почти деспотическому авторитаризму в провинции. Однако в обоих случаях авторитарный слой обнаруживает себя в стремлении ее лидера и бюрократии управлять страной, минимизируя влияние демократических институтов и контролируя выборы в интересах тех, кто стоит у власти. Самое большое достижение посткоммунистической эпохи — появление либерального слоя. Он играет серьезную роль в российской жизни и тесно смыкается с теми, кто верит в триумф демократии и рыночной экономики. Демократические институты (парламент, суд и свободные средства массовой информации) наряду с рыночными (частная собственность, конкуренция, коммерческие бан-

ки, фонды, биржи) составляют ядро либерального слоя. В то же время либеральный сегмент в Российском обществе — самый слабый из четырех. Демократические институты — хилые и нестабильные, особенно в провинции и, хотя они не полностью лишены власти и влияния, противостоять исполнительной власти в конфликтных случаях часто неспособны.

Но, хотя российское общество и разделено на конфликтующие сегменты со специфической идеологией, можно сказать, что все же существует национальная культура с общими ценностями и традициями.

Однако значительная часть ценностей разделяется далеко не всеми, кроме того, ценности непосредственно не соотносятся с реальным поведением. Так, впрочем, обстоит дело и в других обществах. Некоторые из социальных ценностей являются парадными (например, бескорыстная помощь ближним или готовность приносить жертву во имя общего блага), которые оказывают ничтожное влияние на поведение большинства людей. Обычно парадные ценности адресуются не столько «себе», сколько «другим». Однако проблема заключается в другом — давлении специфической идеологии отдельных укладов на общую культуру, на ментальность всего населения.

Ценности, которые внедряются в общую идеологию из олигархического и криминального слоев, весьма эффективно влияют на реальное поведение населения. В отличие от парадных ценностей общенациональной культуры, они создают новые стандарты и моральные нормы, становящиеся частью обыденного сознания. Например, практический опыт и установки российских богачей, создавших свои состояния почти мгновенно, нанесли огромный урон этике труда молодого поколения, поскольку нелегальное происхождение этих состояний очевидно. Успехи преступного слоя и его идеологии размывали границы между законной и незаконной деятельностью в сознании населения, включая представителей высшей власти, которые, оправдывая свои незаконные доходы или действия, фактически используют уголовную логику.

Более того, в российских средствах массовой информации уголовники часто изображаются «хорошими парнями» и более эффективными предпринимателями, чем «законные» бюрократы. Это формирует и соответствующие стереотипы массового сознания. Другой индикатор влияния криминальной идеологии — массированное вторжение уголовного жаргона в повседневный лексикон «нормальных» людей, включая политиков самого высокого ранга. Подобного рода лексикой засорены ведущие каналы российского телевидения и радио. Криминальная идеология особенно пагубно воздействует на молодежь, которая рассматривает преступную профессию как «нормальную» и даже желательную. Она не безобидна и для высших чинов страны, так как криминальная лексика сама по себе оправдывает пренебрежительное отношение к нормам и морали.

Говоря о дальнейшем развитии России, исключительно важно понимать роль олигархического сегмента, этого сплава коррумпированной бюрократии, богачей и криминального слоя. Эти структуры, демонстрирующие удивительную живучесть во все времена и у всех народов, так же «нормальны» как и другие социальные

структуры. Рассматривать их только как «девиацию» или «социальную патологию» столь же малопродуктивно, как и считать «девиантами» людей малообразованных или чрезмерно жадных. Олигархи, коррумпированные чиновники и преступники считают ненормальными и придурковатыми тех, кто не пользуется нелегальными возможностями для обогащения, карьеры и не избегает тяжелого труда. Олигархический и криминальный уклады являются нормальными «социальными животными», находящимися в борьбе с единственно нормальным для многих укладом либеральным общественным строем или, в крайнем случае, просвещенным авторитаризмом.

Уникальность посткоммунистической России, как и любой другой страны, определяется специфической комбинацией четырех сегментов, которые в каждом обществе имеют разный вес, а также тем, какой сегмент (или союз сегментов) является доминирующим в данный период.

Автор полагает, что главная проблема России, как и некоторых других стран, состоит в огромном удельном весе двух «отрицательных» сегментов, в то время как в западных странах господствует либеральный сегмент при существенной роли олигархии.

Дальнейшее развитие российского общества будет, по преимуществу, определяться конфликтами между четырьмя слоями и, прежде всего, четырьмя представляющими их элитами.

В настоящее время основной конфликт разворачивается между «чистым» авторитаризмом, сторонниками сильного государства, независимого от богатей, и олигархией, стремящейся сделать государство, если использовать выражение классиков марксизма, своим «исполнительным комитетом», что, по мнению многих российских исследователей и журналистов, и происходит ныне. Немаловажное значение для судеб общества имеют и внутренние конфликты, и стремление к сговору внутри каждого слоя, прежде всего, внутри каждой элиты. Чем острее внутригрупповые конфликты, тем слабее позиции данного слоя в его борьбе за сохранение и расширение своих позиций в обществе. Для тех, кто стремится к господству либерального уклада и связанной с ним законности, внутренние конфликты среди олигархов и преступников являются, как правило, положительным явлением. Динамика межукладных и внутриукладных конфликтов будет в значительной степени детерминировать и судьбу российского общества, и, в частности, его экономики. Однако, в ближайшие десятилетия нельзя исключить (хотя это не очень вероятно) экономический рост, как это было в странах Латинской Америки или в Италии с их сильной олигархией и преступным миром.

Как ни парадоксально, **рядовые россияне смотрят на свое общество как состоящее из четырех автономных сегментов**. Они регулярно наблюдают и оценивают дела Кремля, хозяев банков, Государственной Думы и, конечно, преступного мира. И это в значительной степени объясняет их глубинный пессимизм, несмотря на то, что многие из них (по данным ВЦИОМа - до двух третей) приспособились к новой жизни. Россияне почти демонизируют силу олигархов и

чрезвычайно пессимистичны относительно их роли в обществе. Они считают, что те мало что делают (если вообще что-нибудь делают) для экономического процветания страны и ее населения. Население убеждено, что олигархи и коррумпированные чиновники всех уровней вывозят свои огромные капиталы за границу, предпочитая не инвестировать их в отечественное производство.

Между 1989 и 1993 годами наиболее молодые и образованные российские либералы рассматривали господство либерального уклада, то есть либеральный капитализм, как наилучшую альтернативу для страны. Сегодня большинство из них уже так не думает. Нельзя сказать, что все они разочаровались в западной модели. Скорее, они считают, что эта модель в России не работает. В политическом климате, где правят бал олигархи, коррумпированные чиновники и преступники, мало кто из россиян может поверить в идею «второй либеральной революции», которая началась, как пытались утверждать некоторые сторонники ельцинского режима, с появлением в правительстве Б. Немцова.

Из-за многочисленных почти непреодолимых трудностей, возникших в процессе осуществления либерального проекта, многие россияне вновь готовы обратить свои взоры к авторитарной альтернативе. Это не означает, что они согласны на любой авторитарный режим взамен теперешнего. Россияне хотят эффективного государства, играющего конструктивную регулирующую роль во всех сферах социальной жизни. Судя по опросам, 80% населения готовы отказаться от некоторых политических свобод ради сильного, эффективно действующего государства. Конечно, многие россияне знают, что даже «эффективный» авторитаризм в социалистических или агрессивно националистических формах еще хуже, чем демократия. Они также понимают, что регулируемая экономика не может конкурировать с рыночной, но, предполагают (как бы следуя Гоббсу), что для экономики и других сфер социальной жизни даже деспотический порядок лучше, чем анархия и преступность.

Однако многие сомневаются, что в России сегодня можно создать сильное и эффективное авторитарное государство. Даже те, кто регулярно голосует за коммунистов, не думают, что последние способны его построить. Они весьма скептически по отношению к умеренным националистам и считают, что те вряд ли смогут претворить свои обещания в жизнь. Из числа тех, кто уже находится у власти, кандидатов в сильные правители России тоже не предвидится.

Для российского сознания сегодня характерен глубинный экзистенциальный пессимизм, нередко не имеющий прямой связи с повседневной жизнью. Большинство российских граждан сумело на удивление хорошо приспособиться к жизни, даже не получая регулярно зарплаты и пенсии. Сегодня оптимистами можно назвать тех, кто верит, что нынешняя ситуация, к которой они уже приспособились, сохранится неопределенно долго, вплоть до начала ощутимого экономического роста, который может начаться чуть ли не завтра, хотя и они считают, что «нормальное» общество сформируется за два-три десятилетия. Пессимисты же убеждены в неминемости различного рода катастроф. И опять-таки эта вера в катастрофы не должна интерпретироваться буквально: вряд ли

большинство респондентов реально ожидают тех или иных ужасов, на которые они ссылаются в опросах. Скорее, это отражение глубинной тоски и уныния в обществе, которое лишено перспективы.

Сегодня россияне определились в своем убеждении, что нынешний баланс сил будет с теми или иными отклонениями сохраняться много лет. Однако они не исключают потенциальных возможностей захвата власти коммунистами и националистами и попытки восстановить деспотическое государство, используя среди прочего глубокий конфликт между армией и Кремлем. Другие предсказывают, что уже через несколько лет власть в стране будет принадлежать преступным бандам. Эти три альтернативы (сохранение нынешней расстановки сил с преобладанием олигархии, возникновение авторитаризма и полномасштабная криминализация страны) деморализующе действуют на население и порождают у него чувства глубокого упадка духа.

Однако, в России, без восстановления и дальнейшего развития ее духовного потенциала, невозможно реализовать ни один из предлагаемых сегодня многочисленными, но не соорганизованными и не скоординированными элитами, вариант стратегии развития.

Для этого необходимо концепцию устойчивого развития связать с теми духовными ценностями россиян, которые сформировались в гуще народа и отражают его понимание мира. Для реализации идей устойчивого развития необходимо изменение мировоззрения от простого осознания национальной самобытности до глобального и даже «вселенского» понимания идей этногенеза и ноосферогенеза не как западной, а подлинно российской и вместе с тем общечеловеческой идеи, как составной части российского менталитета.

Поэтому, (и автор считает, что это принципиально), все меры, принимаемые сейчас в нашей стране по улучшению социально-экономической ситуации, носят тактический, а не стратегический характер, именно потому, что они не касаются главного — истинных причин кризиса, имеющего глобальный характер.

Глобальная проблематика вообще универсальна и наднациональна. Однако в понимании и решении указанных проблем существует определенная специфика у разных народов, связанная с исторически сложившимся отношением к природе, земле, другим людям. Если когда-нибудь человеческое сообщество сможет эффективно решать глобальные проблемы, то не через отрицание культуры и традиций друг друга, а с учетом общенационального и общечеловеческого в мировосприятии людей. Никогда и никакая другая проблематика не соединяла так людей разной национальности, вероисповедания, уровня развития, как глобальные проблемы вообще и проблема выживания цивилизации в особенности. Однако человечество, будучи экологически, демографически тесно связанным и единым, не чувствует подобного единства в культурно-цивилизационном смысле. По крайней мере, призывы озбоченных глобальным кризисом мыслителей остаются не услышанными. Создается впечатление, что правы те, кто отрицает содержательность терми-

на «человечество», единство человеческой культуры. Так, уже Шпенглер доказывал, что «человечество — это зоологическое понятие или же пустое слово. Пусть исчезнет этот фантом из круга исторических проблем... Перед нами картина множества мощных культур, ... у каждой из которых своя собственная идея, свои собственные страсти, свои собственные жизнь, воля, чувствование, своя собственная смерть...».

Цивилизации находятся на разных уровнях развития, имеют неравные возможности ставить и решать свои стратегические проблемы. Это создает иллюзию возможности выживания поодиночке, особенно у промышленно развитых стран.

История до сих пор, к сожалению, подтверждала справедливость утверждения Тойнби о том, что «тезис о единстве человеческой культуры — ошибочная концепция». Между тем, по мнению П. Тейяра де Шардена, «народы и цивилизации достигли такой степени периферического контакта, или экономической взаимозависимости, или психической общности, что дальше они могут расти, лишь взаимопроникая друг в друга».

Поэтому в наши дни опасно пытаться решать национально-региональные проблемы одного региона за счет других, вне учета целостности человечества, абсолютной взаимосвязи человека и природы. Однако это обстоятельство еще не осознано. Сегодня многие промышленно развитые страны предпочитают решать свои локальные — в лучшем случае региональные — экологические проблемы, мало заботясь о передаче безотходных технологий менее развитым странам и подготовке соответствующих кадров для них. Более того, ряд передовых стран разрушают природную среду подобных стран, размещая на их территории хранилища ядерных отходов, вредные в экологическом плане предприятия и т. д.

С философско-мировоззренческой точки зрения важно понимать, что сегодняшняя борьба за выживание человечества тесно связана с новым мироощущением, с осознанием того, что будущего может и не быть, социальное время кончится, XXI век станет концом человеческой истории.

Поэтому борьба за выживание должна быть сопряжена с борьбой за Время, поскольку оно может оказаться принципиальным фактором в эколого-глобальном смысле — человек может и не успеть приспособиться к новым реалиям.

Отождествив надолго время с физическим временем, бесконечным и однонаправленным, мы не научились ценить время Человека и Человечества, не задумывались над тем, что не только индивид, но и человеческий род может иметь конец.

Мобилизует ли надвигающаяся опасность? К сожалению, пока ответ человечества на вызов глобальных проблем явно не достаточен.

Возможно, это связано с тем, что огромной части человечества — примерно «три четверти мира» — не до этого, ибо люди в первую очередь нацелены на решение более конкретных вопросов, связанных с непосредственным выживанием, и с удовлетворением растущих потребностей по «европейской» модели.

Автор предполагает, что в сложившейся ситуации мировое сообщество может выбирать лишь один из двух путей:

- 1) сплочение всех людей, народов, государств независимо от социальной системы, уровня образования, вероисповедания ради сохранения жизни на Земле;
- 2) борьба за природные ресурсы, использование материальных и финансовых возможностей; в попытке обеспечить для своей страны экологически чистые пространство, продукты, энергию и т. д.

От всего человеческого общества зависит, станет ли Земля аренной очередных, более мощных и разрушающих планету битв или люди покажут, что они действительно разумны и способны объединиться во имя жизни на Земле. Это понимает (или, по крайней мере, об этом задумывается) каждый человек, которого интересует будущее, и уж тем более те, кто из интереса к этому будущему, обзревают немного больше, чем ситуацию в своем ближайшем окружении. И сегодня таких людей (особенно в России) — подавляющее большинство.

А значит, как ни парадоксально может это звучать сейчас, когда наш народ (а это и есть Россия!) испытывает на себе все тяготы материальной нищеты и распада прежних духовных ценностей, именно **идея о великой объединительной и спасительной миссии России для всего мира способна мобилизовать его дух, показать ему эталонный путь развития и обретения благополучия.**

РОЛЬ РОССИИ В ДРАМЕ СОВРЕМЕННОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А.Е. Левинтов

(Академия народного хозяйства при правительстве РФ, Москва)

Важнейшими аспектами данной проблемы, по нашему мнению, являются: политический, культурный, духовный, этический. Следует сразу подчеркнуть трагическую контрастность этих четырех аспектов, их, казалось бы, несовместимость и невозможность совместного существования — и тем не менее, именно эти раздирающие противоречия и характеризуют Россию на мировой арене: в настоящее время, на протяжении истории страны и, очевидно, в будущем, навсегда.

Россия на политической арене Европы, Евразии и мира. Россия всю свою историю играла роль троянского коня — то по отношению к Востоку, то по отношению к Западу.

Вот некоторые вехи этого неславного пути. В тринадцатом веке Русь фактически добровольно входит в состав Золотой Орды на правах Русского улуса, одновременно ведется активное противостояние христианской (католической) Европе и сопротивление проникновению в страну европейской цивилизации.

В шестнадцатом веке Россия окончательно захлопывает контакты с Западом, унижая и разоряя Великий Новгород, провозглашая политическую докт-

рину «Москва – третий Рим, а четвертому не бывать». Одновременно идет быстрая экспансия русских на Восток, вплоть до Тихого океана, при этом колонизация изначально не имеет цивилизационного содержания.

В семнадцатом веке, в царствование Алексея Михайловича, наблюдается краткий период уравновешенного и более или менее дружественного отношения России к Востоку и Западу (именно тогда и возник в государственном гербе двухглавый орел).

Восемнадцатый век – век почти полного забвения восточной политики и многочисленные попытки слияния с Европой, превращение Крымского ханства в Новороссию и присоединение Закавказья.

Деятнадцатый век – попытки колонизации Северной (русская Америка), освоения рынка Китая и Японии, захват Центральной Азии, уничтожение двоеданства в Сибири и на Дальнем Востоке, борьба за проливы и бесславное «замирение» Кавказа.

Двадцатый век – формирование огромной коммунистической империи, угрожающей и Востоку и Западу мировой революцией, неблагоприятное участие во Второй мировой войне, участие и поражение в Третьей (холодной) мировой войне, поддержка наиболее экстремистских и откровенно террористических режимов на Востоке.

В двадцать первом веке Россия вновь пытается занять позицию сверхдержавы, прежде всего, силой оружия и играя на противостоянии Востока и Запада.

И главное: так называемая «вертикаль власти» несовместима с коммуникативным обществом, принципиально строящимся сетевым образом – это означает превращение «вертикали» в хрупкую иглу Кашея, увы, ракетно-ядерно оснащенную.

Россия в культурном авангарде. В последние два века Россия не только вышла из тени и ученичества европейской культуры, но и заняла в ней и в мировой культуре ведущую, авангардную роль. Чем напряженней положение России по другим фронтам, тем уверенней ее культурное лидерство.

Россия как духовный вакуум. Ортодоксальное православие все более удаляется от христианских ценностей и идей. Россия, и до того духовно немощная страна, превращается в духовный вакуум, куда затягиваются самые мрачные и сатанинские идеи.

Империя зла и зло империи. Важнейшим злом Российской империи испокон веков и по грядущее является явное и нескрываемое превалирование интересов государства над правами и свободами человека. Отсюда – неумирающий ГУЛАГ и прочие силы зла, владеющие несчастной страной и заставляющие соседей всегда быть настороже и начеку.

ПРОЦЕССЫ САМООРГАНИЗАЦИИ И ЭТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

В.А. Лефевр

(Калифорнийский университет, г. Ирвайн, США)

Существуют два подхода к субъекту. Первый связан с философским анализом, с семантической паутиной термина «субъект». Второй подход — теоретический, берущий начало в естественных науках. Ньютон был, пожалуй, первым, кто создал современную «теоретическую игрушку» Солнечной системы, некоторое автоматическое устройство, которое позволяет нам предсказывать состояние объектов Солнечной системы и объяснять целый ряд феноменов, количественных и качественных, протекающих в ней. Вот такой подход может быть использован и для того чтобы заниматься субъектом. Другими словами, мы можем пытаться строить формальные модели субъектов. Именно этим я занимаюсь уже много лет. Это такие игрушки, на самом деле. В этих игрушечных субъектах есть многократные образы себя, образы других, образы себя с точки зрения других и т.д. Вся эта конструкция сделана из функций, которые удалось отгадать, именно так, как это отгадывается в физике, для того чтобы объяснить, как вся эта система работает. С одной стороны, такой подход огрубляет нашу интуитивную картину, с другой — он хорош тем, что мы точно знаем, что мы закладываем в модель и что мы получаем.

Что умеет делать этот игрушечный субъект? Он умеет выбирать между двумя полюсами: добром и злом и он умеет выбирать отношения с другим субъектом: отношение конфликта или отношение сотрудничества.

Вот с этой моделью выяснилось, что есть два принципиально разных характера. Субъекты первого типа поднимаются в своих глазах, когда они выбирают отношение сотрудничества, субъекты второго типа падают в своих глазах, когда выбирают сотрудничество, но поднимаются, когда выбирают отношение конфликта. Сразу же возникла идея, что в человеческой культуре могут быть реализованы эти два типа, каждому из которых соответствует своя этическая система.

Я провел целый ряд экспериментов, был проанализирован огромный материал, и в 1982 году была опубликована книга «Алгебра совести». В ней я привел аргументы в пользу того, что первая этическая система реализована в странах Запада, а вторая этическая система — в Советском Союзе. Книга вызвала бурную реакцию, меня обвиняли и либералы и консерваторы. Либералы говорили, что США ничем не отличаются от СССР. Одновременно я получил полуугрожающее письмо от общества Берча, в котором сообщалось: я должен иметь в виду, что говорить о том, что в СССР есть какая-то этическая система — это красная пропаганда. В СССР нет никакой этической системы вообще.

Сейчас более менее прояснилось, что безусловно, советская культура основана на второй этической системе, а западная культура — на первой. В ней есть процедура разрешения конфликтов, поднимающая этический статус обеих сторон, а во второй этической системе нет процедуры разрешения конфликта, поднимающей этический статус субъекта в своих собственных глазах и в глазах

других людей. Конфликт во второй этической системе заканчивается либо победой одной из сторон, либо обращением к вышестоящим инстанциям.

Для меня до сих пор не совсем ясен вопрос, как этические системы формируются. Есть много данных, что они формируются очень рано, до пятилетнего возраста. Я получал много откликов на «Алгебру совести» в связи с тем, что эмигранты из России, прочтя куски из этой книги, выражали желание принадлежать первой этической системе. Я ничего толкового предложить им не мог. Я не знал, что предложить людям в случае, когда они, конфликтуя, поднимаются в собственных глазах.

Позже я увидел совершенно потрясающую вещь. Лос-Анжелес — это большой мегаполис, в котором есть несколько компаний извоза. Есть и большое число индивидуальных таксистов, которые объединены в союз. Во главе этого союза стоит Президент. Работа Президента в основном связана с установлением отношений с городскими властями, в частности, по вопросам парковки, о том, где можно забирать пассажиров и т.д. Все регламентируется городом и союз таксистов занимает различные позиции по разным вопросам и многие из них конфликтны.

Среди таксистов есть две партии. Первая партия за радикальные действия против властей города, подачу исков в суд и т.д. Члены второй партии за соглашательские отношения с властями. При этом таксисты состоят из людей разных национальностей.

Как вы думаете, кого больше всего среди таксистов? Больше всего русских, точнее, тех, для кого родной язык русский. Вторая по численности группа иранцев. Мне совершенно ясно, что это люди со второй этической системой.

Интересно, как они выбирают Президента? Оказалось, что используется совершенно потрясающая процедура, которая сложилась сама собой. Выработалось так, что происходит само собой чередование. Скажем, в этом году баллотируются два иранца — правый и левый, и идет страшная бескомпромиссная борьба за Президента, которая не затрагивает национальных аспектов. Следующий год — два русских. Опять правый и левый русские, а иранцы и русские блокируются по отношению к разным русским.

Таким образом, это сообщество автоматически убрало национальный конфликт и угрозы своему существованию. Хотя вопросы решаются в бескомпромиссной борьбе, однако из этой борьбы убрано национальное начало. И вот это естественное явление внушает мне большую надежду, что во второй этической системе могут происходить процессы самоорганизации, и в их результате Россия может быть спасена. Это произойдет само собой, потому что, дойдя до какой-то грани, люди начнут соглашаться, не произнося это слово «соглашение».

Может возникнуть вопрос: а нет ли в данном механизме чего-то биологического? И не проявляется ли таковое в процессах властвования в целом? На мой взгляд, биологическая метафора очень опасна, когда мы говорим о власти. Почему? Потому, что она заслоняет моральный аспект проблемы. Мир непри-

емлем для меня, если моя воля подавляется волей другого человека, или когда я подавляю своей волей волю другого человека. Биологические представления никак не отвечают на эти вопросы, которые связаны как с политикой, так и с философией власти и которые сейчас так остро стоят.

Биологическая метафора и общая теория систем только затрудняют понимание этих глубинных вещей, истинно волнующих нас.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРОЕКТАХ РОССИЙСКОГО БУДУЩЕГО

С.А. Магарил (РГГУ, Москва)

Демократия и свобода смогут выжить в России
лишь в том случае, если нация проявит решитель-
ную волю в своем нежелании быть стадом баранов.

Макс Вебер, 1906 г.

Коренной вопрос, который в решающей степени определит будущее России — борьба за правовое государство. Способна ли российская интеллигенция консолидироваться вокруг этой общественно-исторической задачи?

Обобщение многочисленных суждений о социокультурной природе интеллигенции, выделяет в качестве ее наиболее общих, исторически устойчивых признаков: образование, интеллект и профессиональные занятия умственным трудом, т.е. в тенденции — интеллигенция — это образованная часть российского общества. Вместе с тем, принятое определение приводит к тому, что социальные группы интеллигенции и бюрократии (в веберовском смысле), становятся неразличимы. В этом есть определенная социально-историческая логика. В условиях современной России, обе группы объединяет: характер профессиональной подготовки, специфика умственного труда, а также широкое распространение т.н. «низовой» коррупции. Анализируя роль бюрократии в современном сложно организованном обществе, классик социологии еще век назад утверждал: чиновничество трансформировалось «в совокупность... высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовишной коррупции...», а это ставило бы под угрозу.. «эффективность государственного аппарата» (Вебер М. *Избранные произведения. М., 1990. С.657*). К сожалению, в России подготовить такую высокопрофессиональную бюрократию, не удалось и до настоящего времени, за что ответственность, в значительной мере и неизбежно, ложится на отечественную высшую школу.

В результате постсоветских реформ страна двинулась по траектории глубоко неблагоприятия, порождая обширные массивы бедности и нищеты. Население России, в т.ч. его образованная часть, оказалось неспособно блокировать анти-

социальные реформы; предложить обществу убедительную программу национального развития; создать действенные механизмы уголовно-правовой и политической ответственности с целью защиты национальных интересов.

В связи с крайне неубедительными результатами постсоветских реформ, принципиально важно понять: почему Россия «провалилась» на траекторию деиндустриализации? Известно, общество программирует свое будущее через систему образования. Если этот тезис корректен, то наше сегодняшнее неблагополучие, во многом, результат «усилий» советской системы образования несмотря на то, что реальные достижения советской науки и техники, казалось бы, дают основание для самых высоких оценок отечественной высшей школы. При этом высшее специальное образование, по данным последней Всероссийской переписи населения, имеют 19 млн. человек. Не менее того было и в СССР.

Но тогда тем более важно понять, почему столь внушительная масса интеллекта оказалась неспособна остановить разрушительные постсоветские реформы и противопоставить им политику национального развития? В ходе одной из недавних дискуссий прозвучала выразительная формула: «Россией управляют корыстные троечники» (С.Комков). За этим просматриваются две равнозначимые проблемы:

- качество общественно-гуманитарной подготовки «управителей» - знание ими законов общественного развития и
- эффективность политических механизмов отбора «лучших» людей для выдвижения на высшие государственные посты.

Действительно, итоги постсоветских реформ свидетельствуют о предельно низком качестве национально-государственного управления, что напрямую связано с низкой социальной компетентностью (В.Гаврилюк) власть предержащих. **Однако те, кто сегодня управляют Россией, каких-нибудь 15 – 20 лет тому назад закончили отечественные университеты. И потому вполне правомерен вопрос: чему и как их учили?** Реалии современной России дают все основания усомниться в том, что для всех направлений советского образования были характерны системность, целостность, ориентация на формирование мировоззрения, стремление научить самостоятельно мыслить. К массовой общественно-гуманитарной подготовке, в т.ч. специалистов естественно-научного и технико-технологического профиля, это имеет весьма отдаленное отношение. Иначе результаты реформ были бы качественно иными.

В литературе широко обсуждаются причины распада СССР и все последовавшее за этим. На извечные вопросы: что случилось с Россией и почему это стало возможно, следуют типичные ответы: в стране произошла катастрофа, поскольку советская партийно-государственная элита предала национально-государственные интересы во имя своих своекорыстных групповых интересов. Однако нарастание социально-экономических проблем позднего СССР ни для кого не было тайной. Они широко обсуждались, так же как и безуспешные попытки советских лидеров вывести страну из застоя. Напрашиваются очевидные вопросы: каким образом во главе советской сверхдержавы оказались ко-

рыстные предатели? Разве в СССР больше некого было поставить во главе государства, не было масштабных личностей? Если были, то, **исходя из интересов сохранения государства, что не позволило осуществить крайне необходимую ротацию высшего звена государственного управления и заменить бездарных функционеров?** Ответы столь же очевидны: так «работали» советские механизмы отбора кадров. Монопольно-политические методы замещения высших государственных постов в СССР, в принципе не предполагали реальной конкуренции претендентов и программ.

Известно: социальные практики не могут выйти за пределы сформировавшихся культурных программ/форм. Аналогично «работают» социокультурные факторы и в области массового политического поведения. **Наличная политическая культура способна продуцировать только тех политических лидеров и только ту политическую «элигу», которых она продуцирует. И редко когда что-то большее (Петр I). В равной мере это относится и к вертикально ориентированным — традиционно на верховного правителя — структурам власти.**

«Народы и их элиты способны создать лишь то, к чему они подготовлены историей» (лишь то, что позволяет достигнутый ими социокультурный потенциал — С.М.). И потому демократически-правовая государственность может утвердиться только при наличии массовых личностных ресурсов адекватного социального качества. Если же подобный тип государственности отторгается, следовательно, необходимые для этого ценности в массовой культуре еще не возобладали и являются в ней маргинальными (*Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? — М. Новое издательство, 2005. С. 565*).

Причины, по которым в России: и при наследственных монархах, и при коммунистических правителях, и при демократических президентах — выстраиваются типологически-подобные социально-властные отношения, многообразны. Среди наиболее значимых — массовое воспроизводство социальной некомпетентности, и потому неспособность населения России, даже многомиллионного образованного сословия, в силу политико-правового невежества, неготовности к политической самоорганизации и солидарным действиям, принудить власть предрешающих существовать в рамках закона.

В силу указанных причин, нет никаких оснований идеализировать отечественное общественно-гуманитарное образование. В условиях диктатуры коммунистической бюрократии оно в принципе не могло обеспечить адекватное наращивание знаний о российском социуме, преодолеть традиционный **социокультурный раскол** и воспитать массовый тип Гражданина; общество не могло приблизиться и не приблизилось к правовому государству. Вместо характерного для исторической России размежевания: «немногие просвещенные — основная масса неграмотна», в советскую эпоху раскол воспроизводился по иным основаниям: рациональные естественно-научные и инженерно-технические знания совмещались с ортодоксией и догматизмом обществоведения. Закономерным результатом стало массовое воспроизводство доминирующего типа «подданного», что и обусловило итоги постсоветских реформ.

СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ: САМООРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ И ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ

И.В. Меньшиков, О.В. Санникова

(Удмуртский государственный университет, г. Ижевск)

Модели будущего, разработка и исследование условий реализации которых становится актуальной проблемой для различных областей научного знания, органов власти и управления, бизнес-сообщества, будут иметь актуальный статус, если станут достоянием массового сознания. Ведь управленческие решения, направленные на изменения социума, принятые на основе того или иного образа будущего, должны реализовываться в деятельности людей, осознающих смысл, ценность, индивидуальную для себя актуальность этих изменений. Общество— это, прежде всего люди, отношение которых к социальным изменениям определяет результативность этих изменений. На наш взгляд, актуальна не только задача поиска оптимальных путей развития той или иной социальной системы, но и оптимизация способов реализации этого оптимума, осуществляющихся деятельностью людей, поиск способов присвоения сознанием социализированных индивидов смыслов, ценностей стимулов инновационных действий. Общество, любая социальная система в этом смысле должна рассматриваться как «обучающаяся система». Естественно обратиться к таким социальным системам, которые заведомо ответственны за обучение, т.е. к системе образования. «Управление знаниями» в такой системе как управление образовательными инновациями моделирует динамику распространения нового знания и новых ценностей в социальной системе любого уровня.

Можно рассматривать образование со стороны создания интеллектуальной и социальной базы для инновационных процессов в обществе через изменение содержания образования, включающего идеи и концепты реализации проектов будущего, разработанные совместными усилиями представителей различных областей знания, естественных и гуманитарных наук. Само многообразие таких моделей задает ситуацию отбора для трансформации их в содержание образования. Для этого необходимо ценностное, смысловое позиционирование субъекта познания. Таким образом, содержание образования представляет собой единство знания и отношения субъекта к этому знанию.

Встает вопрос: насколько глубоко учащийся (студент или школьник) должен овладеть многообразием конкретнаучного знания, чтобы воспринять не только представления об основаниях проектирования будущих состояний социума, но и выработать отношение к этому знанию? Логично утверждать, что междисциплинарность научного знания должна быть адекватно выражена в содержании образования. Для этого не только само знание должно быть междисциплинарным, но и восприниматься субъектом как междисциплинарное. Иначе говоря, конструкт междисциплинарности смещается от самого знания в сторону субъективного отношения к нему. Междисциплинарность в содержании образования не задается, а конструируется познающим субъектом.

Необходимость смещения позиции междисциплинарности в образовательной ситуации диктуется тем, что:

1. Обучающийся заведомо не принадлежит профессионально ни к одной из сфер производства дисциплинарного научного знания, поэтому не в состоянии присвоить всю глубину его оснований.

2. Результат освоения междисциплинарного содержания оказывается отложенным. Иначе говоря, невозможно определенно по месту и времени указать ситуацию инструментального применения междисциплинарного знания при выполнении конкретных профессиональных действий. Междисциплинарное знание приобретает некий аспект неясности, неопределенности, определяющей себя неожиданно для субъекта, удивляющегося своим непроявленным ранее способностям к междисциплинарному мышлению.

3. Обучающийся ограничен предельными временными интервалами усвоения знаний, что заставляет производить некую «свертку» знаний, структурировать их в соответствии с теми или иными представлениями, намерениями, ценностями и т.д.

4. Междисциплинарное содержание может быть присвоено, если заведомо сознание обучающегося «подготовлено» для этого. Мы считаем, что дело не только и не столько в глубоком освоении тех или иных конкретнаучных знаний. Зачастую бывает и так, что профессиональное глубокое владение узкоспециализированным знанием препятствует выходу на уровень междисциплинарного сознания. Из своей профессиональной «глубины» специального знания, позволяющего успешно решать узкий круг задач, трудно выйти на «поверхность», соединяющую разные типы знания в междисциплинарную сеть.

«Подготовка» сознания к структурированию междисциплинарного содержания может быть связана с присутствием «неявного», по выражению М.Полани, знания (настроений, представлений, ожиданий, оценок) и т.д., которое может влиять на присвоение знания «явного». Присутствие этого фона «неявного» знания, варьирующегося от субъекта к субъекту, задает и вариативность структур содержания образования, задает его неопределенность, невозможность сведения к контролируемому набору сведений из различных учебных дисциплин.

В то же время общая для субъектов образовательная ситуация, определяемая едиными «граничными условиями» (требованиями образовательного стандарта, учебной программы, учебного графика, в общем, всех тех формальных требований, которые необходимо выполнить для приобретения обозначенного документом статуса), указывает на присутствие инвариантного компонента в содержании образования. Именно этот компонент может быть обозначен, нормирован, его присутствие в сознании субъектов может быть выявлено средствами образовательного мониторинга. Тогда как само «неявное» знание, результаты его влияния на «явное» знание не всегда поддаются контролю, отслеживанию, оценке. Поэтому «управление знаниями» в плане организации образовательной ситуации, способствующей возникновению структур содержания образования, требует специального обсуждения.

«Управление знаниями» может быть, как и в любой ситуации управления, «силовым» и «параметрическим», в зависимости от представлений о структуре содержания образования.

В «силовом» варианте содержание образования представлено как внешняя по отношению к обучающемуся структура, навязанная ему под угрозой применения насилия в виде неудовлетворительной оценки, исключения из учебного заведения, лишения диплома, аттестата и т.п. Граница этого применения жестко определена дисциплинарными границами содержания образования, как фиксированного набора сведений, воспроизводимых в ситуации нормативного контроля. «Силовое» управление, принимая как принудительную какую-либо внешнюю системе образования цель (экономическую, политическую, религиозную), административными мерами добивается однозначного выполнения каждым элементом предписанных ему функций. В качестве этой цели может быть озвучено, в том числе и превращение содержания образования в междисциплинарное или превращение самого образования в инновационное. Тогда административными мерами содержание образования меняется через включение дополнительных «междисциплинарных» дисциплин в учебные планы и программы. Увеличение количества учебных дисциплин, однако, не переведет состояние сознания обучающихся в другое качество, поскольку по-прежнему, отсутствует включенность субъекта в содержание образования, поскольку сам принцип дисциплинарной организации образовательного знания не изменился.

Поэтому ни обучающийся, ни обучаемый не представляют ценности перед «лицом» такого содержания образования, не учитывающего субъективные склонности, интересы, ценности, предпочтения и т.п. Неприсутствие субъекта в содержании образования создает ситуацию его (субъекта) отчуждения от этого содержания. В результате на выходе из образовательного учреждения имеется индивид, наполненный разномастными сведениями, но не считающий себя образованным и не воспринимаемый другими как таковой.

Это характерно для образовательной системы, представленной как «экономическая», по выражению Ф. Капры, организация, жестко структурированная, с детализированным функционалом каждого своего элемента, направленная к фиксированной цели, подлежащей однозначному мониторингу. В этом случае система не интересуется отношением к ней ее элементов. Подразумевается, что они заведомо разделяют ее цель и неукоснительно ее осуществляют.

Система образования, организованная по «экономическому» типу, например, с целью воспроизводства рынка труда в соответствии с его (рынка) потребностями, подчиненная внешним «экономическим» целям, обязана воспроизводить тем самым социальную профессиональную структуру общества. Можно с уверенностью заключить, что вышедший из такой образовательной системы с дисциплинарным содержанием образования выпускник оказывается маргиналом, не попадающим ни в одну профессиональную группу. И вместо воспроизводства профессиональной структуры общества такая система образования наоборот, разрушает ее (структуру). С этой точки зрения по-

няты претензии к системе отечественного профессионального образования со стороны государства и рыночных структур за инерционность, неспособность обеспечивать адаптивными, инициативными, способными осваивать изменяющиеся социальные ситуации кадрами рыночную экономику, развивающееся производство.

Другой вариант управления изменением содержания в направлении междисциплинарности относится к трактовке системы образования как «живой» системы (по терминологии Ф.Капры). С его точки зрения моделирование социальных систем по типу органических позволит предотвратить социально-экологический катаклизм: «Если мы хотим построить нашим детям и будущим поколениям устойчивое общество, необходимо коренным образом пересмотреть многие наши технологии и социальные институты, чтобы преодолеть зияющий разрыв между человеческими изобретениями и экологически устойчивыми природными системами».¹

Система образования будет обладать чертами «живой» системы, если вспомнить, что образование, во-первых, открыто своей среде – социуму не только со стороны целеполагания, обеспечения ресурсами, но и со стороны содержания образования. Если содержание образования рассматривать как единство объективированного знания и отношения к этому знанию, то именно субъективная компонента этого отношения обеспечивает открытость содержания образования. Образование давно перестало быть доминирующим источником сведений о мироздании и социуме. Массовая культура с ее развитой сетью коммуникаций оказывает на современного человека в плане формирования его представление о мире и самом себе влияние не меньшее, а может быть и значительно большее, чем образование в аспекте его содержания. Включенный в систему массовых коммуникаций субъект привносит в это содержание то, что связано с его собственными мотивами, смыслами, ценностями, а также интерпретациями сведений, образов, смыслов и ценностей, непрерывно транслируемых ему средствами массовой информации.

Эта ситуация размывает границы содержания образования, они приобретают черты субъективной произвольности. Возникают неконтролируемые изменения этого содержания, выводящие это содержание за пределы системы образования вообще. Система образования утрачивает свой эксклюзивный функционал, ее познавательные и мировоззренческие функции берет на себя сеть массовых коммуникаций. Системе образования остается прерогатива в реализации социоструктурной функции, соответственно и структурируется содержание образования как дисциплинарно организованное, направленное на формирование совокупности знаний, умений, навыков, необходимых для выполнения определенных социальных ролей, в том числе и в профессиональной сфере. Содержание образования вновь структурируется независимо от субъекта, структурируется потребностями социума.

---

¹ Капра Ф.Скрытые связи. - М.: София, 2004. - 336 с.

Чтобы сохранить полноту социального функционала системы образования, в том числе и в отношении становления индивида субъектом своей образовательной деятельности, надо рассматривать содержание образования как систему, открытую не только внешним социокультурным процессам, но и открытую самому субъекту, как обучающему, так и обучаемому, способную конструироваться этим субъектом и через конструирование быть субъективно присвоенной, стать достоянием субъективного сознания. Тогда управлять изменениями содержания образования «силовыми» методами невозможно. Как «живая» изнутри себя определяющая система, содержание образования обеспечивает свою автономию по отношению к запросам социума, а значит несводимость своих функции и самой себя к «экономической» системе, производящей для нужд рынка товар под названием «рабочая сила».

Тогда и междисциплинарность содержания образования не может быть внешним (со стороны науки, культуры, рыночных механизмов или глобальных проблем) предписанием, а только собственным самопорожденным конструктом, особым типом структурированного знания. Наличие специфического присущего только ей конструкта оправдывает автономию системы образования как социального института. Но искусственность этого конструкта, его осмысленная сконструированность отличает автономию образования как системы социальной от автономии биологических систем. Самопроизвольность структурирования содержания образования — это осознанно управляемый процесс, когда управляющий принадлежит при этом самой управляемой системе. Поэтому управление изменениями содержания образования не только возможно, но и необходимо для сохранения специфики системы образования как социального института, сохранения, в конечном счете, многообразия общества как источника его (общества) развития.

Концепция возникновения новых структур разрабатывается в рамках методологии синергетики, рассматривающей процессы самопроизвольного повышения сложности в системах, далеких от состояния равновесия, сходных с живыми организмами по своему стремлению к устойчивости развитию. Аналогия, распространенная на содержание образования позволяет выделить в нем компоненту, «ответственную» за «запуск» процесса самоорганизации образовательного знания в направлении междисциплинарности. Это субъективное отношение учащегося к приобретаемому знанию, прогнозировать которое чрезвычайно сложно. Эта трудноконтролируемая компонента вносит некую хаотичность в систему содержания образования, а значит, влияние на нее может перевести эту систему в другое структурное состояние, в частности, из состояния дисциплинарной разобщенности к состоянию междисциплинарного единства.

В то же время, присутствие такого субъективного стохастизирующего фактора лишает само управление изменениями содержания образования целевой определенности, а именно: образ конечного результата, на получение которого направлены действия по изменению содержания образования, становится неопределенным, субъективно окрашенным. Почему это допустимо?

Во-первых, само объективированное научное знание, стремясь к междисциплинарному синтезу, не выработало окончательного общепринятого понятия междисциплинарности, образ междисциплинарного единства знаний находится в стадии формирования, единая научная картина мира находится в стадии становления.

Если концепция единого знания отсутствует как объективированное, завершенное, окончательное, как «идеальный образ среды», к присвоению которого в образовательном процессе должен стремиться учащийся, то вся тяжесть ответственности за этот конструкт ложится на субъекта.

Во-вторых, субъект в данном случае не принадлежит к сфере профессионального производства научного знания, поэтому не может быть мотивирован к конструированию междисциплинарного знания проблематикой развития науки. Эта мотивация лежит не в объективированной, а в субъективированной сфере, которая связана с ситуацией получения образования и требует специального исследования. Необходимо избрать исследовательскую позицию, переносящую фокус проблематики междисциплинарности из области научного знания как такового в область ее (междисциплинарности) субъективного конструирования, а также установить соотношение этой позиции с современными исследованиями процессов возникновения новых структур, т.е. с синергетикой.

В контексте синергетического подхода процесс перехода к междисциплинарности в содержании образования разбит на несколько стадий. В первую очередь, содержание образования должно быть открыто состояниям и отношениям субъекта настолько, чтобы образовалась готовность этой системы выйти из состояния равновесия. Готовность к этому переходу обеспечивается иницирующим воздействием коммуникационных процессов, обеспеченных активной коммуникационной средой. Управляющее воздействие с целью изменения структуры содержания образования направлено именно на создание такой среды как условия самоорганизации системы содержания образования.

Эта среда включает в себя поддержанные или даже инициированные управлением коммуникационные отношения как в самом образовательном процессе (между студентом и преподавателем, между студентами в аудитории, между преподавателями и т.п.), так и за пределами этого процесса, например в неформальных объединениях, сообществах, инициативных групп и т.п., общающихся по поводу междисциплинарного содержания образования, и образующих в своем взаимодействии целую коммуникационную сеть. Появление «узлов» этой сети – следствие, с одной стороны, демократизации всей системы образования, признание и поддержка многообразия образовательного пространства, методов и форм образовательного взаимодействия и т.д., с другой – следствие внимания к образовательным интересам и потребностям субъектов, актуализирующихся вследствие неопределенности конечного результата конструирования содержания образования.

Другая задача управления – это определение границ этой среды, специфических «граничных условий» или управляющих параметров, задающих «кори-

дор» структурирования междисциплинарного содержания. Эти управляющие параметры могут быть связаны как с нормативными и ценностными границами той социальной системы, где происходит формирование новых структур знания, так и с особенностями самого субъекта структурирования.

Обратные связи, обеспеченные насыщенной коммуникационной средой переводят содержание образования в стадию неустойчивости, которая может восприниматься субъектом как «напряженность, хаос, неопределенность или кризис». Это (осознаваемое субъектом как проблематизирующее) отношение к массиву представлений, позиций, оценок, смыслов и т.д., которое образовалось в результате включения субъекта в коммуникационную сеть по поводу содержания образования.

Субъективно это некомфортное состояние не может быть продолжительным. Кризис разрешится тем, что случайное, неконтролируемое воздействие переведет субъекта от проблематизированного ощущения неопределенности к определенному отношению к образовательному знанию, которое может быть либо разрушающим структуру содержания образования, либо прорывом к ее «иному упорядоченному состоянию, характеризующегося новизной и влекущему за собой волшебное переживание момента творчества».¹

Задача управления изменениями содержания образования на данном этапе превращается в задачу контроля. Во-первых, это контроль за выполнением «границных условий», обеспечивающих стабильность системы содержания образования. Во-вторых, это контроль за функционированием обратных связей, регулирование коммуникационными процессами. В-третьих, это определение топологических характеристик управляющего воздействия, способного перевести систему из состояния неустойчивости к процессу образования новой структуры. И, наконец, мониторинг новой структуры на предмет ее способности функционировать как междисциплинарное знание.

Таким образом, только трактовка модели содержания образования как самоорганизующегося позволит структурировать его так, чтобы обеспечить восприимчивость всей системы образования к социальному инновационному знанию.

МЕТОДОЛОГИЯ ОТКРЫТОГО КОНТЕНТА КАК ЭКЗЕМПЛИФИКАЦИЯ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

В.С. Меськов (*Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям
в образовании, Москва*)

А.А. Мамченко (*РГГУ, Москва*)

Есть основания утверждать актуальность разработки новой, постнеклассической методологии, необходимой, по мнению авторов, для построения обществ знания. Постнеклассическая методология представляет собой совершенно иной подход к устройству общественных институтов, коммуникативных пространств и процессов деятельности. Этот подход, основанный на постнеклас-

сической науке и постнеклассической картине мира, продолжает и развивает идеи, заключенные в синергетике, теории самоорганизации, холистике, виртуалистике, неконсервативной логике и настаивает на принципе неустранимости субъекта из любого когнитивного процесса как краеугольном камне устройства обществ, основанных на знаниях. При этом, вне зависимости от теоретических изысканий научных мужей, новое общество, новая экономика и новый тип деятельности уже прорастают сквозь существующие системы и типы общественного устройства, методологически являющиеся порождением классического и неклассического подходов. Одной из экземплификаций постнеклассической методологии авторы считают методологию открытого контента, стихийно складывающуюся методом проб и ошибок в виртуальных самоорганизующихся сообществах нашего времени.

Сегодня не только постнеклассической науке, но и всему мировому сообществу (на что указывают результаты Всемирного Саммита ЮНЕСКО в Тунисе, 2005) становится ясно, что знания, информация, произведения искусства и научные результаты являются общественным достоянием и не должны принадлежать частному лицу или организации. Накопленное не только нынешними, но и всеми прошлыми поколениями, культурное и знаниевое наследие является достоянием всего человечества, и не только нынешнего, но и будущего.

То, что понимается под открытым контентом, составляет содержание культуры, культурный слой, накопленный человечеством, пространство смыслов, которое, если учесть скорость оцифровывания культурной информации, может быть в очень скором времени обнаружено как феномен в виртуальном пространстве — это так называемая «третья культура» (1-я — природная, 2-я — культура материальных вещей). Процесс оцифровывания сам по себе чрезвычайно важен, поскольку он заключает в себе по крайней мере две революционные вещи: культурные ценности отрываются, отцепляются от своих материальных носителей, а также переводятся в совершенно другой, открытый режим доступа. Пространство культуры, приобретя сетевое измерение, впервые оказывается не только общедоступным, свободно распространяемым и многосложно связанным смысловыми отражениями, ассоциациями и отсылками, но и надежно защищенным, неангажированным и устойчивым к идеологическим влияниям. Это пространство, соответствующее, по всей видимости, «миру идей» Платона, в силу своей идеальности наделяет всех, кто так или иначе взаимодействует с ним, чертами субъектности. Живя в культуре, субъект вынужден видеть Субъекта в себе, в Другом и воспринимать и себя, и Другого встроенным в Целое, с которым его связывают отношения принадлежности, сопричастности. В пространстве смыслов человек обнаруживает себя находящимся в неразрывных субъект-субъектных отношениях с Миром в целом.

Постнеклассическая методология как раз и основывается на принципе неэлиминируемости Субъекта (как носителя «внутренней причины», т.е. субъективного смысла) из любого процесса. Суть этой новой методологии заключа-

ется в признании неэлиминируемости Субъекта как из процесса описания, так и процессов объяснения и предсказания, отрицание чего было базисным принципом ранее сформулированных методологий (классической и неклассической), причем мы считаем, что эта неэлиминируемость относится к Субъекту во всех его ипостасях: божественной, человеческой и духовной. К характерным чертам постнеклассической методологии, по нашему мнению, относятся: *когнитивный характер представлений о видах реальности; свобода воли; вариативный характер соотношения «субъект-среда» с точностью до субъекта; единственным результатом деятельности субъекта является создание смыслов; «антибирочный закон» в отношении двух или более субъектов; невозможность создать среду, определяющую самоидентификацию субъекта внешним образом; целополагание неотличимо от целостной картины мира и может быть оценено лишь ситуативно.*

Открытый контент представляет собой целостную виртуальную среду, репрезентирующую: пространство виртуальной (третьей) культуры; людей как субъектов взаимодействия с этим пространством, людей как субъектов взаимодействия друг с другом в этом пространстве, а также продукты и процессы этого взаимодействия.

К характерным чертам методологии открытого контента следует отнести: *виртуальную среду «обитания» – пространство смыслов; принцип свободного участия; управление через общественный дискурс; невозможность выделить личный вклад каждого субъекта в общий результат; этот результат является не товаром, а общественным достоянием (commons); общественную информационную инфраструктуру (Сеть) в качестве поддерживающей технологической среды, а также планетарную этику ответственности как основание деятельности и субъект-субъектной коммуникации.*

Постнеклассические методологии, подобные методологии открытого контента, открывают перспективы трансформации гражданских институтов, создавая механизмы общественной деятельности, учитывающие и согласовывающие интересы всех участвующих субъектов. Эти новые способы и среды деятельности «от субъекта», основанные на возможностях информационных технологий, коммуникативной этике и сетевой инфраструктуре, и составляют, по нашему мнению, суть «обществ знания».

Однако на пути к подобному устройству общества как перед мировым сообществом в целом, так и перед отдельными странами встают барьеры, обусловленные неравномерностью мирового развития и распределения ресурсов, политической ситуацией, внутренними и внешними угрозами и вызовами. Эти барьеры усиливаются благодаря действию комплекса факторов, объединяемых понятием глобализации. Более того, появляются новые вызовы, с которыми общество ранее не сталкивалось. Возникла реальная угроза так называемого когнитивного разрыва, который впервые был определен на Санкт-Петербургской конференции ЮНЕСКО «Между Женовой и Тунисом» (июнь, 2005). Когнитивный разрыв, в отличие от цифрового неравенства, означающего сегрегацию по критерию доступности к цифровым возможностям, представляет со-

бой неравенство в сформировавшихся базовых компетенциях и навыках мышления, позволяющих (либо не позволяющих) индивиду на равных участвовать в информационной научно-творческой деятельности. А ведь именно массовый переход от производства материальных ценностей к научно-творческой, управляющей и информационной деятельности, прогнозируемый уже в самое ближайшее время, утверждается парадигмой обществ знания.

Ликвидация когнитивного разрыва потребует от мирового сообщества кардинальной перестройки, прежде всего, системы массового образования. Эта работа должна быть сделана (хотя бы начата!) сегодня, нынешними лидерами, поскольку система образования работает на будущее, а будущее – выбор нашего поколения.

КОСМОЦЕНТРИЗМ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В. Никитин
(РАЕН, Москва)

Принято считать, что космоцентризм — первый, досократовский этап развития античной философии, когда Пифагор и Фалес, Гераклит, Анаксагор и Анаксимандр, объясняя мир из единого начала (числа, воды, огня, воздуха, «апейрона» и т.д.), сделали решительный шаг от мифологии к философии и науке. После чего стало легче философствовать о человеке, затем о Боге. Антропологический поворот в философии Сократа был подготовлен космоцентризмом, и, в свою очередь, оказал влияние на Платона и Аристотеля, а через них — на христианское богословие, основанное на Библии.

Говоря о космоцентризме в библейском толковании, следует подразумевать теологический и телеологический аспект космоса. Этот космос несводим к материальной природе, к миру, лежащему во зле. Это сверхприродный, обоженный космос, — «иног бытия вечное начало».

В противоположность геоцентризму с его ограниченным горизонтом и мирозерцанием, «опустошающим небо ради земли», библейский космоцентризм, открывает, поистине, самые широкие перспективы учением о существовании в космосе особой сферы творения, исполненной добра и света.

Важно сказать (в общехристианском аспекте рассматриваемой проблемы) об условности и относительности в противопоставлении *космоцентризма*, *христоцентризма* и *антропоцентризма*. С учетом этого космоцентризм русской идеи, как идеи православной — в ее вселенскости, в ее всемирной отзывчивости, в ее устремленности к спасению всех и вся. В этом плане она универсальна и христоцентрична. Ее спасительный вектор направлен вслед за Христом-Спасителем, вознесшимся на Небеса, предуготовив, таким образом, путь для космической экспансии всего человечества. Этот путь открывается нам благодаря православной соборности, которая с помощью «информационной революции» нового поколения ставит все т.н. «новые технологии» на службу людям.

Космоцентризм русской идеи связан изначально с географической беспредельностью русского простора. Кроме того, русский космос интернационален, он объемлет множество евразийских народов, веками мирно живших и живущих вместе с русскими на наших бескрайних равнинах. Россия, по словам Александра Герцена — «караван-сарай цивилизации».

Георгий Гачев в «Национальных образах мира» подчеркивает, что русский человек — «сотворец беспредельности», что в России, подобно античной Греции, эстетика космоса — это «эстетика беспредельности, бесконечного простора и неупорядоченного бытия — как его вечного саморасширения».

Наиболее ярким и вдохновенным представителем, можно сказать, глашатаем и пророком русского космоцентризма, безусловно, является Н.Ф. Федоров.

В отличие от К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского, Федоров не только сформулировал идею космической регуляции природы как главную задачу православной цивилизации, но и соединил эту задачу с нравственным долгом живущих по отношению к умершим, с идеей «патрофикации» (или «отцетворения») и личного бессмертия. Н. А. Бердяев справедливо писал: «В сознании Федорова совмещаются совершенно несовместимые, непримиримые начала: позитивизм XIX века, вера в безграничную силу науки и знания, в чудеса техники, управляющей слепыми силами природы, и христианство, вера во Христа Воскресшего, в Святую Троицу как образец родственной общечеловечности. В нем живут две души — рационалистическая и мистическая, научная и религиозная, техническая и теургическая...». Эти, казалось бы, несоединимые начала совмещены в мировоззрении Федорова стройно и последовательно, являя собой синтез, в котором, на наш взгляд, органически соединены не только наука и религия, не только вера и знание. Федорову, вдохновленному идеалом Святой Троицы, удалось соединить в одном русле три созидательных творческих начала, три нераздельных и неслиянных принципа — космоцентризм, христороцентризм и антропоцентризм.

Еще в середине XIX в. он пророчески утверждал: человечеству необходим выход в иное, космическое измерение, вслед за вознесшимся Христом: «Отказавшись от обладания небесным пространством, мы должны будем отказаться и от нравственного существования человечества». Нынешние социально-экономические проблемы, по Федорову, являются проблемами изжившей себя цивилизации и не должны иметь места в будущей, космической цивилизации, где реализуется проект общего дела, овладения космосом, достижения физического бессмертия и воскрешения умерших. Космическое сознание всеединства должно стать, по мысли Федорова, новой моралью объединенного человечества, которое сумеет осуществить метеорическую регуляцию в масштабах планеты и управлять ее ходом. Более того, Федоров поставил вопрос не только о планетарном гомеостазе (то есть устойчивом равновесии в противоположность энтропии), но и о звездном, сидерическом», в масштабах вселенной!

Федоров был предельным оптимистом. Он верил не только в то, что научный прогресс, в развитии которого примут участие самые широкие народные

массы, будет служить благу всего человечества, станет духовно осмысленным и целенаправленным, одним словом — космоцентричным. Федоров утверждал, что сама эволюция человеческого рода станет управляемой, а в конечном итоге, говоря словами апостола Павла, «последний враг истребится — смерть» (1 кор.15,26). Эта вера в безграничные возможности творческого духа человека, в безграничную мощь одухотворенной высшими идеалами науки современникам мыслителя казалась (и поныне кажется) фантастикой и утопией.

Но оптимизм Федорова отнюдь не был наивным и радужным. Он ясно представлял те чудовищные опасности, которые грозят человечеству в условиях неправильно ориентированного, принявшего отрицательный знак научно-технического развития. Федоров был весьма далек от всякой фетишизации науки (что ему иногда несправедливо приписывают); он призывал, прежде всего, к нравственному обновлению объединенного человечества, к «торжеству нравственного закона над физической необходимостью», как определял сам сущность философии общего дела.

Пафос Федорова — в стремлении претворить мир, в котором много проявлений иррационального хаоса, в абсолютный космос, воплощающий в себе предельную гармонию.

Выступая пророком научно-технической революции и предтечей современной экологии, Федоров рассматривает земной шар как общее хозяйство человечества, призывает овладеть энергией Солнца, использовать ветры и дожди для вентиляции и ирригации земли, начать поиски принципиально новых источников энергии, овладеть орбитальным движением нашей планеты, то есть научиться управлять ее ходом. Вместе с тем Федоров предостерегает против хищнического отношения к природе, против неправильной ориентации науки. Ибо, подобно тому, как «вера без дел мертва», знание, оторванное от духовной основы, внутренне мертво, является блужданием вслепую.

Для характеристики проективных космоцентрических идей Федорова важное значение имеют статьи, помещенные во II томе «Философии Общего Дела»: 1. Небесные науки как факт и как проект. 2. Будущее астрономии. 3. Падающие миры и противодействующее падению существо. 4. Об единстве метеорического и космического процессов. 5. Каразин как метеороург, а не метеоролог.

Естественнонаучные и натурфилософские идеи Федорова неразрывно связаны с его метафизикой и богословием, с его пониманием сущности религии и смысла истории. Глубокое уважение, даже благоговение к историческому наследию прошлого отличало Федорова от целого ряда утопистов. Астрономическую обсерваторию Федоров не отделял от музея, а музей для него являлся олицетворением соборной памяти человечества. Федоров представлял музей будущего как часть единого комплекса, включающего, кроме обсерватории, также храм-библиотеку и школу. Обсерватория, считал Федоров, есть такая же необходимая принадлежность музея, как внешние чувства и органы восприятия, необходимые каждому человеку. Музей по отношению к обсерватории не просто архив. Соединение музея с обсерваторией — это соединение памяти с

разумом и, добавим, — с воображением; соединение столь тесное, что прошедшее, настоящее и предвосхищение будущего становятся нераздельны.

Успешное осуществление общего дела, геокосмический труд землян, по Федорову, должен будет разрешить все противоречия, в которых запуталось человечество и, прежде всего, противоречия оторванной от практики теории.

Итак, развитие цивилизации породило глобальные проблемы, решение которых не под силу ни отдельным государствам, даже сверхдержавам, ни отдельным религиям, даже мировым. Таящие угрозу для всего человечества, эти проблемы могут быть решены только общими и согласными усилиями всего рода человеческого, как единой семьи. Для этого людям надо осознать себя землянами, жителями одной планеты, одного дома. И это сейчас, как никогда, возможно. С выходом человечества в космос оно увидело свою планету со стороны, — отсюда и новое мировидение космической эры. Отсюда и вектор космоцентризма нашей общей, земной и родной цивилизации, христианской в своей основе, несмотря ни на что. А в лучших своих проявлениях — православной.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА: ОТ ИДЕОЛОГЕМ ПРОШЛОГО К ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА БУДУЩЕГО

О.Ф. Очин

(Министерство промышленности и науки Московской области, Москва)

Вместо введения

Формирование национальной инновационной системы должно быть направлено на создание в обществе и государстве правовой, экономической и, по возможности, мировоззренческой среды, которая была бы «дружественной» к восприятию инноваций самой жизнью.

В узком смысле (и он остается пока у нас доминирующим) эта проблема трактуется как внедрение научных разработок в производство, или еще уже, как включение нематериальных активов в хозяйственный оборот.

Следует заметить, что сам термин «внедрение» подразумевает некое насильственное действие, когда среда, в которую пытаются что-то внедрить, выталкивает это чужеродное что-то из себя (как пробка выталкивается из ртути). Тщетность подобных «внедрений» мы хорошо помним по прошлой жизни.

Рудиментами прошлого выглядят сегодня попытки вновь «внедрить» в сегодняшнюю жизнь линейную форму организации инновационного процесса: фундаментальная наука — прикладная наука (инновационная идея, опытный образец) — технологическая подготовка производства — производство — рынок. Эта форма организации инновационного процесса ранее если успешно и работала в условиях жесткой административно-командной системы, то уже давно разрушена и ее реанимация в новых экономических условиях бесперспективна.

Передовые в технологическом отношении страны мира три десятка лет назад отказались от этой линейной модели организации инновационного процесса и, пройдя путь смены двух промежуточных поколений, говорят сегодня (прежде всего в Японии) о четвертом поколении организации инновационного процесса.

В нем крупные национальные и транснациональные корпорации реализуют свои инновационные процессы, соизмеряя их со стратегиями инновационного развития национальных (наднациональных) экономик.

В России такой стратегии инновационного развития нет. Нет четких целевых установок на позиционирование России в системе мирового сообщества и нет ясности, за счет каких секторов экономики может быть задан вектор развития, обеспечивающий реализацию ее конкурентных преимуществ.

Замена отсутствующих целевых установок утверждением широкого спектра приоритетов и критических технологий проблемы не решает. В то же время идет поиск целевых установок и направлений формирования элементов инновационной системы и отдельных стратегий как на федеральном (Минобрнауки, Мининформсвязи, Минрегион, Минэкономразвития и др.), так и на региональном (Москва, Московская, Томская области, Татарстан, Чувашия и др.) уровнях.

Однако системности в этом процессе не наблюдается. Более того, попытки подмены проблемы форсированного построения национальной инновационной системы созданием только условий для повышения эффективности инновационной деятельности следовало бы трактовать как тупиковые инициативы.

Взгляд на формирование национальной инновационной системы с позиции региона

Инновационная деятельность многогранна и определяется логикой развития тех субъектов, в которых она проистекает. Это и федеральные, региональные и муниципальные органы власти, и все сектора экономики, и социальная сфера. Формируемый в России переход к инновационной экономике требует выработки новых, освоенных передовыми странами подходов к организации инновационных процессов. При этом инновационное развитие в отличие от роста экономики предполагает не столько количественные, сколько качественные изменения.

Инновационной идеологией должно быть пронизано развитие всех секторов экономики и социальной сферы: промышленности и сельского хозяйства, транспорта и связи, жилищно-коммунального хозяйства и строительного комплекса, здравоохранения и образования, культуры и сферы социального обслуживания.

У государства нет задач, да и возможности поддерживать всю эту многогранную сферу инновационной деятельности. Государство должно сконцентрировать внимание только на формировании осмысленно функционирующей инновационной системы, в сферу влияния которой и должны попасть все многочисленные субъекты инновационной деятельности.

Но чтобы форсированно создать (спроектировать) национального масштаба инновационную систему, к самому процессу ее создания надо подойти инновационно (используя организационные инновации, затрагивающие процедуры принятия решений в правовой и финансово-экономической сферах).

Сегодня процессы, связанные с формированием инновационной системы локализируются в сфере реформирования науки и, в лучшем случае, затрагивают сферу промышленного производства. Это ограниченное понимание масштаба инновационной системы, сферы ее влияния должно быть преодолено как на региональном, так и на федеральном уровне.

В этом контексте, субъект федерации следует рассматривать как системный хозяйствующий субъект, развивающий все сектора своей экономики и социальную сферу на базе инновационной идеологии, исторически сложившихся традиций и региональной специфики, выявленных конкурентных преимуществах, позволяющих осознать собственную роль в масштабе Российской Федерации.

Можно ожидать, что в ближайшем будущем у субъектов федерации появятся свои модели формирования региональных сегментов национальной инновационной системы. Остановимся на формируемых в настоящий момент подходах к построению инновационной системы Московской области.

В контур региональной инновационной системы должны быть включены все субъекты инновационной деятельности и их совокупности, реализующие свои интересы на территории Московской области, а также механизмы взаимодействия (связи) между ними.

Элементами инновационной системы, безусловно, являются научные учреждения (их в Московской области более 250, среди которых свыше 40 академических институтов). Такими элементами должны стать и тысячи промышленных предприятий и организаций, среди которых только крупных и средних в области насчитывается свыше 600.

К этому следует добавить инновационную инфраструктуру региональной инновационной системы, которую формируют технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, маркетинговые и консалтинговые структуры, организации венчурного финансирования, информационные системы, образовательные учреждения, готовящие специалистов для инновационной сферы и пр. Этим структурам, относящихся к категории малого предпринимательства, за последние годы создано свыше пятидесяти.

Таким образом, элементами инновационной системы выступают десятки тысяч юридических и сотни тысяч физических лиц, системно взаимодействующих в единой логике развития инновационной сферы деятельности.

Чтобы вся эта сфера работала в некоем согласованном правовом, информационном и управленческом поле, должны быть приняты организационно-управленческие решения, суть которых сводится к следующему: упорядоченность во взаимодействии множества компонентов системы может быть установлена на основе их содействия в получении системой строго определенного целевого результата.

В этой связи представляется необходимым сформулировать целевые установки для всей системы, а также для объединений отдельных субъектов инновационной деятельности, выступающих в качестве подсистем.

Множественность компонентов системы и их потенциально безграничное взаимодействие может породить проблему управляемости развития системы. Очевидным упрощением системы является ее деление на подсистемы трех типов - территориальные, функциональные и кластерные.

В первую очередь роль подсистем могут играть муниципальные образования, в том числе наукограды, и другие территориальные объединения (особые экономические зоны, территории научно-технического развития, промышленные округа и др.).

Другим типом подсистем могут выступать функционально объединенные субъекты инновационной инфраструктуры – технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, венчурные фонды, консалтинговые и маркетинговые структуры, сеть образовательных учреждений, готовящих специалистов для инновационной сферы и пр.

Примером подсистемы кластерного типа служит авиапромышленный комплекс. Формированию кластера, объединяющего интересы и потенциальные возможности разрозненных предприятий авиапромышленного комплекса страны уделяется большое внимание.

При участии региональных властей активно формируются системообразующие кластерные проекты, направленные на создание испытательно-демонстрационных полигонов военной и гражданской техники. Примеры тому - Международный авиакосмический салон в Жуковском, испытательный полигон наземной техники в Красноармейске, автомобильной техники в Дмитрове-7.

Осуществление проекта Российского центра программирования в Дубне предполагает строительство в черте города новой специализированной агломерации на 30 тысяч жителей. Это позволит организовать десятитысячный коллектив программистов, создать новый облик города, привлечь серьезные инвестиции из внебюджетной сферы и обеспечить увеличение объема выпускаемой продукции (программных продуктов и IT-технологий) на сумму свыше 15 млрд. рублей.

Как показывает опыт, наукограды Российской Федерации, отрабатывающие с учетом своей специфики модели инновационного развития, становятся центрами кристаллизации новых системообразующих инновационных проектов, масштаб которых затрагивает интересы национальной экономики. Так, в городе Пушкино, в котором сосредоточено девять академических институтов, сегодня рождается проект развертывания полномасштабного производства отечественного генноинженерного инсулина, на закупку которого бюджет государства затрачивает более 100 млн. долларов США в год.

Цель формирования инновационной системы заключается в том, чтобы на основе систематического анализа обеспечить выбор направлений развития инновационных процессов и принятие управленческих решений для реализа-

ции системообразующих инновационных проектов, обеспечивающих необходимый для развития региона и государства в целом результат.

При этом инновационный процесс является одновременно и ключевым фактором и механизмом развития конкурентоспособности региона.

Формирование подсистем территориального типа предполагает разработку каждым из муниципальных образований своей стратегии инновационного развития. Речь идет, по сути, о формировании долгосрочных целевых установок развития муниципальных образований, направленных на реализацию их конкурентных преимуществ в рыночной среде, базирующихся на использовании собственного инновационного потенциала и инновационного потенциала Московской области в целом.

В процессе разработки стратегий инновационного развития, образа будущего города, муниципальные образования актуализируют творческий потенциал саморазвития. Этим запускается механизм поиска для субъектов инновационной деятельности механизмов самореализации (самоорганизации) в новой системе возможностей.

С учетом стратегий инновационного развития муниципальных образований должна быть сформирована и стратегия инновационного развития субъекта федерации. Она, в свою очередь, предопределяет векторы формирования стратегий инновационного развития секторов экономики и социальной сферы, за развитие которых отвечают соответствующие органы государственной власти субъекта федерации (его образа будущего). Речь идет, таким образом о взаимосвязанной системе стратегий инновационного развития региона, муниципальных образований и секторов экономики.

Стратегия инновационного развития Московской области должна предусматривать инновационные аспекты пространственного развития региона и муниципальных образований (в настоящий момент в области разрабатывается генеральный план развития до 2020 года, кардинально определяющий формат развития региона на ближайшее пятнадцать лет), поиск системообразующих факторов развития муниципальных образований и, одновременно, системы ограничений недопустимых форм развития, выявление скрытых (потенциально существующих, но не актуализированных) конкурентных преимуществ и пр.

На пути формирования системы стратегий инновационного развития и их реализации, можно столкнуться с множеством «подводных камней».

Как обойти «подводные камни»?

В первую очередь это касается готовности государственных и муниципальных властей воспринять такую логику развития. Именно поэтому, включение существующих контуров управления в инновационную систему должно сопровождаться «настройкой» этих властных структур на восприимчивость к новациям. При этом система управления должна соответствовать сложности управляемого объекта.

В нашем случае, когда объект управления состоит из десятка тысяч элементов, связанных между собой множественностью отношений, естественным

представляется использование уже существующей двухконтурной системы управления: вертикальный контур, который представляет собой вертикально организованные органы государственной власти (курирующие промышленность и науку, транспорт и связь, сельское хозяйство и ЖКХ, строительный комплекс и социальную сферу), и горизонтальный контур – органы местного самоуправления с их межмуниципальными (горизонтальными) связями. Указанные контуры, однако, должны претерпеть процедуру функциональной настройки, обеспечивающую динамичность реакции в отношении быстро изменяющейся инновационной сферы деятельности.

Контуры управления естественным образом должны дополняться специализированными структурами (управляющими компаниями, инновационными центрами и пр.), координирующими в рамках предпринимательства инновационную сферу деятельности.

Согласование разноуровневых стратегий инновационного развития и множества генерируемых системообразующих инновационных проектов создает поле взаимодействия всех уровней власти, а также является полем согласования интересов в рамках частно-государственного партнерства.

Масштабные инновационные проекты в ряде случаев не могут появиться сами собой, что требует активного участия органов государственной власти и местного самоуправления, касается ли это проблем нового строительства с использованием энергосберегающих технологий, создания механизмов реформирования существующей системы ЖКХ, реализации предложений, связанных с формированием новых секторов экономики и др. Власти в этих случаях могут выступать или как жестко бюрократические системы, сдерживающие развитие, или как катализаторы инновационных процессов.

Для форсированного развития инновационной сферы деятельности, а также построения национальной инновационной системы необходимо введение упрощенных, законодательно закрепленных процедур согласования интересов. Возможным вариантом является делегирование исчерпывающего набора полномочий одному из уполномоченных органов государственной власти, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Пример такого подхода уже отработан в рамках действующего федерального законодательства по отношению к процедурам управления особыми экономическими зонами.

Накопленный в Московской области опыт позволяет сегодня уверенно сделать заключение о том, что государственные инвестиции должны быть направлены не только в высокотехнологичные разработки на базе достижений естественных наук, но и в фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарного и экономического знания, формирующего идеологию управления инновационной системой.

Мы сегодня испытываем дефицит адекватного научного сопровождения заявленным темпам трансформации социально-экономических отношений в инновационной сфере деятельности.

Проблема актуализации интеллектуального ресурса связана с согласованием государственных целей и задач с множеством, порой противоречивых действующих в обществе интересов. Однако без ее инновационного решения вопросы практического применения творческой мысли людей будут сохранять характер расходной статьи бюджета.

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать следующие **выводы**:

1. Формирование из элементов эффективно функционирующей инновационной системы — задача содержательно более сложная, чем формирование и развитие самих элементов. При этом, задача создания функционально полного состава элементов системы, включая элементы инновационной инфраструктуры, требует затрат на несколько порядков больших, чем затраты на формирование собственно системы.

2. Построение эффективно функционирующей региональной инновационной системы как подсистемы национальной инновационной системы предполагает заданность на федеральном уровне масштаба и стратегий развертывания такой системы, которые сегодня не определены.

3. Проектирование и эксплуатация иерархически связанных инновационных систем (внутрифирменных, отраслевых, муниципальных, региональных, национальных) требует формирования нового подхода к системе подготовки и переподготовке кадров для таких систем. Речь может идти об использовании международного принятого понятийного аппарата в сфере инновационной деятельности (Oslo Manuel) и разработке на этой основе новой специализации «Master of Innovations Administration».

4. Нерешенность сложных системных проблем, связанных с формированием национальной инновационной системы (неопределенность ролевых функций государственных и муниципальных органов власти, субъектов инновационной деятельности, бизнес-сообщества; отсутствие методологии формирования взаимосвязанных стратегий инновационного развития; неразвитость законодательства в инновационной сфере и пр.), предопределяет целесообразность создания федерального научного центра, обеспечивающего системное научное сопровождение процесса проектирования и развития национальной инновационной системы.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ НОВОГО ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПРАВСТВЕННОГО ПОРЯДКА

А. Очирова (Член Общественной палаты РФ,
Международный женский центр «Будущее женщины», Москва)

Современная действительность представляет собой совокупность противоположных тенденций в экономике и культуре, науке и производстве, политической и общественной жизни. Динамизм нашего времени сочетает в себе высочайшие научно-технические достижения с нищетой, отчуждением, дискри-

минацией, суверенитет с взаимозависимостью, глобализм с национализмом. Все это рождает необходимость поиска новых подходов в осуществлении механизмов решения самых актуальных проблем общества и человека.

К сожалению, конфликтность, поставленная в повестку дня нашей действительности, приобретает драматичный, а порой трагический характер. Как это уже имело место в нашей истории, конфликты и сейчас приводят народы к страданиям и лишениям, массовому уничтожению людей, к разрушению культурных ценностей, деградации человеческой морали и поведения. И сегодня во многих регионах мира люди с необъяснимой жестокостью продолжают уничтожать друг друга. В этом яростном противостоянии теряется смысл человеческого существования и самоценность человеческой жизни.

Реальности нашего мира, связанные с угрозой уничтожения человечества заставляют по-новому подойти к общечеловеческим проблемам, по-настоящему задуматься о системе всеобщей безопасности человечества с учетом очевидных различий, возможностей и интересов.

Только обращение к общечеловеческим ценностям как приоритетным ценностям принятия важных политических решений, может открыть путь к согласованным подходам в решении самых острых проблем нашей действительности. Очевидно, что разнообразный мир становится все более разрозненным миром. Несмотря на стягивающие мир информационные сети, разрываются связи времени и пространства. Этноты и народы мира забывают о своем едином прошлом, о едином человеческом общечеловеческом общечеловеческом и едином будущем с другими этносами и народами.

Как известно, первое десятилетие нового века объявлено ООН Международным десятилетием культуры мира и ненасилия в интересах детей планеты. Активно поддерживая эту инициативу, Правительство Москвы разработало и достаточно успешно осуществляет среднесрочную городскую программу «Москва на пути к культуре мира: формирование установок толерантного сознания, профилактика экстремизма, воспитание культуры мира (2002-2004 годы)». В этой связи необходимо отметить, что формирование толерантного сознания следует рассматривать как один из механизмов реализации нового эмоционально-нравственного порядка, осуществляемого в общемировом масштабе.

Существование общечеловеческих интересов и потребностей дает основание для философского осмысления всеобщности и равенства прав человека, выдвижения общечеловеческих ценностей на первый план межгосударственных и внутригосударственных отношений.

Особо важный вопрос – единство и многообразие взаимоотношений и способов взаимодействия народов мира, вопрос самобытности и синтеза полифонии культур. Стержневым направлением развития культуры нового тысячелетия является поиск преемственности общечеловеческого в развитии мировой цивилизации.

Сейчас, в эпоху глобальных миграционных процессов история выглядит недифференцированным потоком внутренне не связанных исторических со-

бытий и явлений. Однако даже непосвященным уже давно ясно, что на пороге нового тысячелетия на наших глазах появляется новый мир — земное единое человечество. Для древней и средневековой истории характерна цепная связь историй отдельных народов с историями доступных географически соседей и, хотя всемирный характер человеческой истории не осознавался, не оценивался, ни одна культура не могла и не может существовать и развиваться вне всемирно-исторических связей.

Сегодня возникает необходимость осмысления нового этапа развития человечества как действительно земного единого организма, утратившего искусственные или географические границы. И это уже не поэтическая метафора или научная абстракция, а реальность, доступная практически каждому в будничной жизни. Речь идет, прежде всего, о феномене компьютеризации, появлении сети Интернет и соответственно, о радикальном отказе от традиционных моделей поведения, на которых веками строилась традиционная человеческая культура. Сам факт наличия в быту компьютера говорит о возникновении принципиально нового субъекта научно-познавательной и экономической деятельности, субъекта новой позиции познания, нового видения мира.

Изменение характера труда в сторону его информационной, коммуникативной составляющей сказывается в свою очередь на ослаблении связей, способствующих персонализации общения и предметной деятельности человека. Отсюда и появляется возможность поверхностного отношения к гуманитарным ценностям, усиления утилитаристских тенденций, снижающих культуру подлинного, человеческого общения. Это тем более опасно в обществах с традициями прагматизма и индивидуализма, с выраженной тенденцией к стандартизации культуры.

На фоне этих тенденций особенно остро звучит тема социальной ответственности индивидуумов и различных общественных институтов за результаты своего воздействия на общество. «Ответственность за содеянное» — древнейший принцип, сформулированный еще римскими адвокатами, согласно которому воздействие человека на общество должно быть ограничено пределами «общего блага». Всегда ли люди, наделенные властью, готовы к этой ответственности?

Сегодня всемирное человечество — реальность, но до нового справедливого общественного порядка так же далеко, как и в эпоху средневековья или господства нацистских, коммунистических, тоталитарных режимов. Однако понимание того, что он необходим, но на принципиально новых основаниях — растет. Глобальные проблемы как новейшая форма человеческого познания и действия заставляют задумываться о системе глобальной безопасности человечества.

Новые парадигмы, новое звучание глобальных проблем диктуют необходимость появления такого ценностного подхода, который коренится в новом эмоционально-нравственном порядке общечеловеческого измерения мира.

Сегодня мы констатируем, что официальные идеологии не в состоянии вооружать общество пониманием и волей к решению многих конфликтов, существующих в мире и обществе. Потому сейчас как никогда востребована необ-

ходимость появления нового всемирного общественного сознания, способно не просто следовать за теми или иными событиями, а опережающим образом поднимать статус общечеловеческих ценностей до уровня нравственного общечеловеческого императива, тем самым, содействуя сохранению мира и цивилизации.

Необходимо периодически устраивать «ревизии воздействия на этику». Этические моменты должны обязательно стать важнейшим элементом процесса планирования. Проблемы, создаваемые поведением многонациональных корпораций в отсутствии такого анализа, становится объектом регулирования со стороны правительства страны-хозяина. Поэтому в интересах каждой многонациональной организации установить единые этические принципы по операциям во всех регионах мира, причем на возможно более высоком уровне, и неукоснительно и сознательно следовать им.

Мы говорим о новом эмоционально-нравственном порядке для бизнеса, подразумевая, прежде всего, новый порядок для мировой экономики глобального характера, для деятельности ее представителей, как структур, так и конкретных людей. Этот новый порядок наднационален, поскольку он движется, прежде всего, идеей самосохранения любого феномена биосферы, иными словами, новый эмоционально-нравственный порядок глобален по своей исходной сути.

Постановка вопроса о необходимости нового эмоционально-нравственного порядка крайне актуальна, разработка и принятие на самом высоком уровне решений, связанных с его проведением не терпит отлагательства. Время для осмысления пока еще есть, но использовать его необходимо продуктивно, так как вопрос этот крайне важен и касается как общей судьбы человечества, так и лично каждого жителя нашей планеты.

Теперь уже многие прежние концепции государственного и экономического устройства общества обретают новое звучание в контексте глобализации человека, сознания, нравственности. Императив времени – возродить человеческое измерение любого поступка, мысли, действия. Поэтому новый эмоционально-нравственный порядок не является преобразованием сложившихся парадигм, а представляет собой мораль нового человека, который приходит на место старого мира в новом тысячелетии.

Созидающее самосохранение нового порядка требует новой ответственности, и здесь бизнес обречен следовать человеческому измерению. Совокупность социальных взаимоотношений предстает целостностью в системе социальной безопасности, – а по-другому мы уже не можем действовать. Система национального страхования, основанная на экономических принципах XX века, выходит на первый план глобального переосмысления человеком собственного мира, и уже не устойчивое страхование определяет безопасность общества, а новый человек открывает свой новый безопасный мир. Бизнес теперь становится инструментом человеческих взаимоотношений и обязан следовать принципам социальной безопасности нового человечества, в противном случае он обречен на саморазрушение.

СЕТЕВОЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ КАК ФЕНОМЕН НАЧАЛА XXI ВЕКА

О.А. Попова, Н.А. Пустоходова

(Омский государственный университет, г. Омск)

Современное развитие информационных и компьютерных технологий у многих сегодня вызывает ощущение, что человечество находится «в опасной близости некоторого качественного перехода, связанного с процессом развития сознания, изменения процесса мышления. Этот качественный переход может подвинуть человечество на иную ступень самой эволюции человека – эволюции его разума, интеллекта» [1].

Предчувствие грядущей трансформации общества находит свое подтверждение в различных научных, научно – популярных произведениях [2-4].

Если проанализировать динамику развития компьютерных и информационных технологий за последние пять лет, при этом опираясь только на общеизвестные факты, то «создается впечатление развивающегося в геометрической прогрессии информационного организма, ежесекундно наращивающего свои нервные волокна – связи, перестраивающего свои органы и клетки, самообучающегося и прогрессирующего» [1]. Данное сравнение, сделанное в конце XX века сегодня не утратило своей актуальности, а наоборот подтвердило право на будущее.

Доказательством может служить факт, что «информационный организм» произвел на свет феномен «сетевой индивидуализм».

Сетевой индивидуализм можно рассматривать с различных точек зрения. В Омском государственном университете на кафедре социологии проводится исследование, посвященное изучению социальных аспектов сетевого индивидуализма. В основе данной работы лежит следующий подход.

Изменяющееся общество дает нам новые модели социального взаимодействия и одной из таких моделей является социальная сеть. Впервые концепция социальной сети была введена в научный оборот как аналитическое понятие в 1954 году Д. Барнесом.¹ В своей работе он характеризует социальную сеть как некоторую социальную структуру, в которой каждый человек имеет определенный круг друзей, и эти друзья, в свою очередь, имеют собственных друзей. Некоторые из друзей одного человека знают друг друга, другие нет. С точки зрения Д. Барнеса, социальное поле или социальная сеть представляет собой систему точек, некоторые из них соединены между собой. Точками этой системы являются люди. Линии соединения этих точек указывают, какие люди взаимодействуют друг с другом.

Понятие «индивидуализм» имеет более глубокие корни, чем понятие социальная сеть. Его рассматривали, но каждый в своем собственном аспекте, Демокрит, Сократ, К. Маркс, Ф. Энгельс, М. Вебер, А. де Токвиль, Д. Локк,

---

¹ Веселкин Е. Понятие социальной сети в британской социальной антропологии// Концепции зарубежной этнологии. – М., 1976. с.125-152.

Д. Юм и многие другие. Суть индивидуализма заключается в том, что человек в своих мотивах, решениях и действиях ориентируется на самого себя, исходит из своего собственного понимания того, в чем заключается благо и достоинство.

В качестве базовых признаков индивидуализма рассматриваются главенство (предпочтение) личных целей и самостоятельность действий личности. Главенство личных целей предполагает, что у индивидуалистов часто наблюдается несоответствие личных и групповых целей, при этом на первое место у них выходят личные цели, а групповые остаются на втором плане. Рассматривая данный признак в контексте Интернет – пространства, мы видим, что люди, как правило, в Интернете занимается тем, что может удовлетворить их личные интересы, будь то переписка по электронной почте с друзьями или родственниками, или поиск интересующей информации и т.п. Самостоятельность действий личности предполагает, что хотя индивид всегда является членом разных социальных групп и организаций, человек с индивидуалистической психологией в высокой степени автономен от них и способен успешно действовать, не обращаясь к их помощи. Так, человек сам занимается необходимым для него поиском информации или перепиской с друзьями.

В основе рассматриваемого социологического исследования за основу берется определение сетевого индивидуализма, сделанное М. Кастельсом [2]. Под сетевым индивидуализмом он понимает некоторую социальную структуру, а не собрание изолированных индивидуумов, где индивидуумы строят свои сети (онлайновые и оффлайновые), основываясь на своих интересах, ценностях, склонностях и проектах. Сетевой индивидуализм проявляет себя как форма онлайн-социального взаимодействия, которая образуется благодаря гибкости и коммуникационным возможностям Интернета.

Данный подход позволяет выделить основные составляющие, которые, обладая собственным набором характеристик, и рассмотренные в системном единстве, порождают эмерджентное свойство, а именно: новое интегральное качество системы, не свойственное образующим ее частям, и известное сегодня как феномен «сетевого индивидуализм».

Социологическое исследование, проводимое на кафедре социологии в Омском государственном университете делает только первые шаги: проведено пилотажное исследование, в рамках которого был осуществлен системный анализ объекта исследования, сформулированы основные гипотезы, разработан исследовательский инструментарий и получены первые результаты. Изучению, как первый шаг, подверглись омичи – пользователи чатов. Интересным является тот факт, что Омск, по уровню интернетизации среди крупнейших городов России, имел в августе 2001 года число Интернет – пользователей в сутки – 23000, при численности населения города по данным за январь 2000 года – 1148,9 тыс. человек, с уровнем интернетизации 2%. По данным же SpyLog на период с 20 февраля 2006 по 20 апреля 2006 года Омск имеет 0,7376% от общего числа пользователей.

Первые полученные результаты исследования омских Интернет-пользователей позволяют сделать вывод, что социальная реальность, виртуальность ИНТЕРНЕТа, стремительное развитие компьютерных и информационных технологий и реальная жизненная практика индивидуума формируют новую модель социального взаимодействия, которая и определяет одну из важных составляющих феномена «сетевой индивидуализм».

Литература

1. *Moudrykh V.* Theory of intellectual evolution as a conversion of the organic intellect-carrier in inorganic sentient matter. – Moskau: AGRAPH, 1999.
2. *Кастельс М.* Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2004
3. *Тоффлер А.* Третья волна. М.: Издательство АСТ, 1999.
4. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. - М.: Аспект Пресс, 2004
5. *Веселкин Е.* Понятие социальной сети в британской социальной антропологии// Концепции зарубежной этнологии. - М., 1976.
6. *Иванов В.* Об особенностях реализации функции социального управления в Интернете // Интернет и российское общество / Под ред. И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2002. с.122
7. *Шадрин А.* Информационные технологии и совершенствование социальных институтов/ Интернет и российское общество под ред. И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2002.
8. *В.Е. Лепский, А.Г. Рапуго.* Моделирование и поддержка сообществ в Интернет. М, 1999.

ВРАГ В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРЫ – ДРУГ

В.Л. Рабинович

(Российский институт культурологии, Москва)

Что важнее: спросить, ответить или услышать ответ? Все важно,
Но по порядку..

Несколько лет тому назад Кирилл Разлогов, озадаченный розовой и хрупкой мечтой Федерико Майора, озадачил ею и нас, сотрудников своего сектора — теории искусств Российского института культурологии. Чужая перспективу, я озадачился интенсивнее прочих: «Как возможна (если только таковая возможна) история мира (World) как история мира (Peace), и притом правдивая, если при этом точно знать, что в истории (History и Historical studies) войны, если не изменяет память, *были, есть* (если не изменяют органы чувств) и *будут* (если не изменится порядок вещей)?»

Вопрос, поставленный в смысле его тяжеловесности в духе Анатолия Ивановича Лукьянова времен референдума о том, быть СССР или нет, требует легкого ответа — предельно внятного на первый слух. Аксиоматичного и формульного.

Все обещали подумать.

Обещал и я.

Ответ случился через несколько дней. Но до ответа почему-то подымалось из памяти стихотворение Бориса Слуцкого «Немецкие потери» — давнее, из ощущений Великой войны. Обратите внимание: *войны...* Вот оно:

НЕМЕЦКИЕ ПОТЕРИ (Рассказ)

Мне не хватало широты души,
Чтоб всех жалеть.
Я экономил жалость
Для вас, бойцы,
Для вас, карандаши,
Вы, спички-палочки (так это называлось),
Я вас жалел, а немцев не жалел,
За них душой нисколько не болел.
Я радовался цифрам их потерь:
Нулям, раздувшимся немецкой кровью.
Работай, смерть!
Не уставай!
Потей
Рабочим потом!
Бей их на здоровье!
Круши подряд!
Но как-то в январе,
А может, в феврале, в начале марта
Сорок второго, утром на заре,
Под звуки переливчатого мата
Ко мне в блиндаж приводят «языка».
Он все сказал:
Какого он полка,
Фамилию,
Расположение сил
И то, что Гитлер им выходит боком.
И то, что жинка у него с ребенком,
Сказал, хоть я его и не спросил.
Веселый, белобрысый, добродушный,
Гулобоглаз, и строен, и высок,
Похожий на плакат про флот воздушный,
Стоял он от меня наискосок.
Солдаты говорят ему: «Спляши!»
И он сплясал. Без лести, От души.
Солдаты говорят ему: «Сыграй!»
И вынул он гармошку из кармашка,
И дунул вальс про голубой Дунай:
Такая у него была замашка.

Его кормили кашей целый день
И целый год бы не жалели каши,
Да только ночью отступили наши —
Такая получилась дребедень.
Мне — что?
Детей у немцев я крестил?
От их потерь ни холодно, ни жарко!
Мне всех — не жалко!
Одного мне жалко:
Того,
что на гармошке
вальс крутил.

Вот оно все и вспомнилось. И тут же претворилось в иное — ранее не бывший слоган как краткий ответ на вопрос Майора и теперь уже Разлогова. Но, чужа перспективу, попробую развернуть.

Это может стать идеей эксклюзивно-хрестоматийной фундаментальной и — вместе с тем — популярной книги, представляющей русский опыт *всемирной мирной истории*.

Ясно, что и всемирная, и мирная — *cum grano salis* не только по охвату, но и по чистоте этих дефиниций. Но вполне несомненны именно такая устремленность нашего проекта, именно такой его пафос.

Но прежде о том, *как возможна* такая история.

Пропагандистский образ врага — *враг реальный*... Объект прицельного огня исторически случившихся войн — завоевательных или оборонительных; революционных, спонтанных ксенофобий. Здесь идея *другого* совпадает с идеей *чужого* — пришлого чужака, супостата-инородца, иноверца, враждебно *иного*. Разобшение — взамен общения, поединок — вместо полемики. То есть все то, что решительно отличает не-культуру от культуры, общительную цивилизованность от воинствующего варварства.

Вместе с тем никаким пацифистам не удавалось еще исключить войны из человеческой истории. Это — пока — столь же утопично, сколь невероятно здание земного мира без грозы, землетрясения, вулканического извержения. Но конструирование *всемирной мирной истории* — без ее умильной монотонности и пресной унылости — представляется все-таки возможным. И вот каким образом.

«Всякий культурный акт существенно живет на границах...» Эта максима Михаила Бахтина, применительно к данному ходу размышлений, предполагает культуру как границу *чужого-своего* в его общительной инаковости, в полемической созидающей остроте, в осуществлении «братания невозможностей» (*К. Маркс*). Но только без кровоточащих ран, бессмысленных смертей, без сирых и бездомных.

Так образ врага, отраженный в зеркале культуры, становится образом если не друга, то уж точно приятеля для нескончаемых — в пространстве-времени

Большой культуры — общительных ратоборствований, полемик разномыслий, рукопожатий инаковостей... *Через культуру* — облагораживание плотской материальности; становление культурной субстанции, теперь уже неразрушимой, но по-прежнему первородной, исторически неповторимой — без пацифистско-гуманистического макияжа. То есть человеческая жизнь в полнобытийственной жизни культуры.

Теперь о том, *как возможно* привить этот концепт к дереву русской истории — подчас нелепой, временами кровавой, а порою дикой и неразумной, но — в ярчайших сполохах гениальностей на все стороны и на все века.

Геополитическое положение России располагает не только к разного рода распрям и враждебностям, но и к культурным контактам, представляемым в многообразных «противочувствиях» гуманистической природы.

Кто только не был врагом России, порою придуманным самими русскими, а порою и вполне естественно! Вот лишь далеко не полный их перечень: кочевник-половец, печенег, хазар, татаро-монгол; швед, турок (дважды или трижды), кавказский горец, француз, поляк (многократно), японец, немец, империалист — американец и англичанин — времен «холодной войны», итальянец, румын, финн, немец Поволжья, белочех, чеченец, ингуш, калмык, турок-месхетинец, еврей (перманентно), а то и — обобщенно — «чучмек» или «лицо кавказской национальности».

Но стоило любому из них попасть в культуру, тотчас любой из них становился по-доброму мил, культурно облагорожен. И уже не враг вовсе, а скорее «друг, товарищ и брат». Хотя инаковость, пограничная инокультурность оставались. Диалог продолжался, только теперь уже не боевыми — культурными — средствами.

Француз Льва Толстого или Пушкина, поляк и швед Пушкина, немец Л. Толстого, Гончарова, Лескова, Слуцкого, японец Куприна и Степанова, кочевники летописей и житий, еврей Гоголя, Чехова, Бабеля, Короленко, турок того же Толстого и Гоголя, иноверцы-инородцы Герцена и Тургенева, «брат на брата» Шолохова, американцы Маяковского и Ильфа и Петрова, кавказские горцы — чеченцы и ингуши — Л. Толстого, Липкина и Приставкина, просто горец Лермонтова, *все* — Достоевского... Не счесть. Но «обобщить» в *представлениях* возможно. Представить их в синхронно-диахронных образах. То есть сменой, чередой, калейдоскопом представлений дать русский опыт мирной — культурной! — истории, где распря не отринута, а выведена в закадровое пространство в качестве искусительной, испытующей силы, проверяющей на прочность *мирную* историю. Хрупкую ее прочность...

А сейчас, если ясно, куда клонится замысел, представлю предлагаемую затею по возможности структурировано, насколько это возможно в первом приближении. Так сказать, *до начала и для начала*.

Представления другого как друга (почти друга) — основополагающий принцип композиционного устройства замышляемого произведения.

Но... *двуполюсная представленность*. Например: образ поляка (Пушкин, Достоевский...), но и русский — глазами поляка Мицкевича; или — немец

(Толстой, Гончаров, Лесков...), но и русский глазами немца — «Вуппертальский проект» Л. Копелева; или — француз (Толстой, Пушкин, писатели XVIII века), но и — русский глазами француза А. де Кюстина... И все это — композиции классических текстов, предваряемые *специальным* очерком «Образ немца (француза, поляка...) глазами русского». И наоборот. На фоне русской и собственно европейской портретной, автопортретной и сатирической живописи (и других видов изобразительного искусства — кино, скульптуры, фотографии...). Нелишним в книге будет и биографический жанр — специально написанные авторские жизнеописания великих военачальников, политиков, реформаторов, миротворцев — в соответствующей *культурно-общительной* модальности. Возможны и психологические образы друг друга, эксплицированные из западных и русских культурологических, философских, литературоведческих исследований; книг путешественников — русских и прочих.

Возможно включение в книгу текстов сходственной природы иных культурных зон, некогда (нередко и ныне) исторически противостоящих: Китай — Япония — Корея; американцы — европейцы; немцы — французы; турки — греки; арабы — евреи Израиля... в их обоюдных культурных противо- (со-)чувствиях. Отчего мировой масштаб книги будет лишь укрупнен. Щедрые иллюстрации, высококлассный дизайн предусматриваются. Авторы эссе и комментарии — видные культурологи России, восточного и западного зарубежья. В их числе германисты, американисты, гебраисты, полонисты, скандинависты; синологи, индологи, японисты; слависты широкого профиля...

Книга может быть вариативно переведена на основные европейские и восточные языки и стать универсальной учебной книгой. Кроме того она могла бы стать моделью для национальных версий историй подобного рода.

Таков ответ на запрос Федерико Майора и вопрос Кирилла Разлогова. Ответ услышан также тогдашним Министром Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям Вячеславом Михайловым и, кажется, чутко услышан. Заинтересованно...

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО

Л.М. Разорина

(Сыктывкарский госуниверситет, г. Сыктывкар)

Проектирование будущего, в котором хочется жить, как способ управления развитием человека связано с поиском и обеспечением средств удовлетворения фундаментальных человеческих потребностей в самоутверждении и признании. Именно они при отсутствии необходимой социальной и профессиональной компетентности вкупе с ответственностью становятся причиной большинства техногенных катастроф и уничтожения невосполнимого ресурса: со-

зидательного человеческого потенциала. Несмотря на длительную историю развития человечества до сих пор приходится наблюдать преобладание животных способов решения проблем, потребительского отношения к окружающей природной и социальной среде, петушинные бои из-за амбиций.

Каждый человек обладает уникальными способностями, которые могут не только обеспечить ему необходимые средства существования, но самоутверждение и признание при хорошей организации социального бытия. Проблемы кроются в двух вещах. Во-первых, человечество научилось распознавать только очень узкий спектр одаренностей (по самым оптимистическим данным только 9% людей находят работу по призванию). Во-вторых, отдельные представители рода человеческого слишком много ресурсов тратят на самоутверждение неадекватными средствами, концентрируя их в военной промышленности, которая в час поглощает более миллиона долларов по данным середины семидесятых годов прошлого века.

В связи с этим первостепенная задача проектирования будущего состоит в изменении человеческих качеств (А.Печчеи), в формировании «общечеловеческой» морали, в осуществлении «этической» революции (Э.Ласло), в перемещении акцентов развития из экономической в этическую и экологическую плоскость, в реализации системного подхода. Для обеспечения глобальной безопасности и устойчивого развития человечества содержание и функционирование этих элементов должно быть адекватно цели.

С этой точки зрения принципиальным становятся четыре вещи: 1) доведение до сознания всех членов общества потребности в саморазвитии и самосоздании, в высокой компетентности социальной и профессиональной деятельности; 2) прояснение того факта, что в социуме действуют законы материалистической диалектики; 3) осознание необходимости «поверки» не только материальных средств воздействия на окружающую среду, но и идеальных: ценностей, норм, идей, концепций, которые являются не только средством самоутверждения и самопрезентации отдельных индивидуумов, но и средством воздействия на сознание других людей, на образ мира, на самочувствие и дееспособность; 4) «безудержный плюрализм» свободных от ответственности СМИ, непрофессиональное вмешательство в общественное и индивидуальное сознание.

Это означает необходимость проектирования и поддержания нормативной структуры общечеловеческих ценностей, неукоснительного внимания к этическим аспектам социальных и управленческих технологий, а также обеспечению качества среды, жизни и труда, как форме выражения отношения к каждому отдельному человеку и защиты его права на развитие способностей и достойный образ жизни.

Преодоление потребительских ориентаций, ограничение неразумных потребностей, развитие творческого потенциала и сотрудничества, обеспечение глобальной безопасности и здоровой природной и социальной среды – формирует запрос психологии и системе образования на создание концепций и

технологий, которые обеспечат решение глобальной задачи изменения сознания, потребностей и параметров деятельности человека. Отдельной фундаментальной задачей является проектирование такой модели личности, которая как инструмент приобщения человека к человеческому роду, обеспечит формирование личности с заданными свойствами, а также удовлетворение потребностей человека в самоутверждении и признании социально адекватными культурными средствами. Надо полагать, что в соответствии с нормативными требованиями вершиной пирамиды ценностей и потребностей будет другой человек как ценность.

Решение этой задачи предполагает проектирование структуры и функций личности согласно принципу соответствия и принципу дополнительности, открытых Н.Бором. Реализация принципа соответствия означает соответствие структуры личности и ее компонентов той внешней функции, для реализации которой личность возникла как новый уровень психологического отражения. Принцип дополнительности на уровне высокоорганизованной материи конкретизируется в принципе единства структуры и функции. Именно такой подход к проектированию личности как инструмента воздействия на социальную практику может реализовать системный и деятельностный подход и обеспечить технологичность концепции.

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЛОЖНАЯ ИЛИ ПОДЛИННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ?

В.Н. Расторгуев

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Цивилизация — «понятие с размытыми краями», значение которого обычно устанавливается (реконструируется) исключительно в контексте авторской речи или дискурса, когда можно судить об уровне общей эрудированности автора или авторов, об их методологических предпочтениях и политических установках, а также о степени погруженности в философскую, историческую, богословскую или политологическую проблематику, и, что особенно важно, о мотивации.

Дело в том, что понятие «цивилизация» позволяет одновременно манипулировать многими смыслами, свободно комбинируя и «накладывая» их по своему усмотрению. Говоря о какой-то конкретной цивилизации, например, о восточно-христианской и (либо) российской, можно иметь в виду множество смыслов, что, к слову, позволяет: а) полностью отождествить две этих цивилизации (самая распространенная трактовка, базирующаяся на принципе признания исключительной роли Православия как основной культуuroобразующей конфессии) или отказать им в праве на существование (радикальные цивилизаторские версии, основанные на религиозной или культурной нетерпимости); б) развести их в рамках специально созданной общей типологии (к приме-

ру, по принципу наличия или отсутствия доминирующего конфессионального признака); в) обосновать правомерность лишь одного названия и подхода и т.п.

При этом под «цивилизацией» понимают:

- особый тип или путь культурно-исторического развития (различные философско-политологические и исторические теории множественных или конкурирующих цивилизаций);
- этап, историческую ступень или веху на условно намеченной линии политического восхождения и государственного строительства, что должно свидетельствовать о зрелости и завершенности некоей политической системы, модели, устройства (такая интерпретация широко используется в целях культурной легитимации политических режимов или позиционирования их основателей, лидеров и адептов);
- образчик и свидетельство высшего избранничества какого-либо отдельного народа или народов и их высокого служения (мессианские версии, многие из которых призваны легитимировать изоляционизм или, напротив, цивилизаторскую экспансию);
- признание наличия *цивилизованности* как внешнего показателя приобщенности доморощенной культуры к некоей «высшей» культуре цивилизаторов — цивилизации-образцу (евроцентризм и «европейничество», глобалистские варианты «культурной» экспансии);
- источник неустрашимой разобщенности народов, если и объединяющихся, то исключительно в целях общего противостояния внешней угрозе, исходящей от вечно чуждого цивилизационного мира. Эта интерпретация сводит концептуальную схему множественности цивилизаций к стратегии выживания в условиях постоянного исторического риска, который становится чрезвычайным при ослаблении традиционных способов правления, основанных или на идолопочитании и «доктринопоклонении», или на искусстве «внешнего управления чужими конфликтами» (принцип «разделяй и властвуй» с переводом социальных или культурных рисков в ранг политических).

Заметим, что все эти и многие другие, не названные здесь смыслы, обычно комбинируются в самых разных вариациях, что часто остается не замеченным даже в тех случаях, когда речь идет о политических соглашениях или декларациях.

Думается, что именно в этой размытости, полисемантизме и многовариантности скрыта особая привлекательность понятия, позволяющая при помощи смысловых оттенков или затушевывать суть вопроса, или создавать объемное видение предмета — мира множества самоценных цивилизаций, в каждой из которых просматривается общее цивилизационное начало. По этой причине «цивилизационный подход» достаточно широко распространен, а само понятие давно вошло в утус многих языков и уже более двух столетий служит своеобразной универсальной «семантической биркой», принятой в мировом научном сообществе для обозначения феномена надэтнического, наднационального

и более того — метаисторического единства. Природа этого единства до сего времени по-разному осмысливается и объясняется в языках и культурах народов мира, но в большинстве случаев ее интерпретации основаны на признании неких высших ценностей и святынь, прежде всего, конфессиональных, представление о которых не укладывается в прокрустово ложе узких политических целей и геополитических проектов.

Такое толкование, как отмечалось, базируется на признании множественности цивилизаций (культурно-исторических типов), имеющих право на существование и развитие. Иерархия ценностей, характерная для осознания цивилизационной принадлежности, в определенной степени служит этому политическому идеалу, восходящему к концепции Н.Я.Данилевского, поскольку позволяет сохранить преемственность культур и неизменную, т.е. *подлинную идентичность*. Важно заметить, что хотя «подлинность идентичности» определяется, конечно, весьма условно, однако само стремление обнаружить ее позволяет, как минимум, распознать проявления измененного сознания. К подобным проявлениям следует отнести, прежде всего, *преходящие и ложные* формы самоидентификации, будь то конструирование новых наций «под политический проект» с подготовкой и экспортом «демократических этнореволюций» или канувшее в Лету строительство идеологически несовместимых мировых лагерей.

Цивилизационная идентичность, будучи усвоена массовым сознанием, низводит преходящие формы идентификации в разряд *ложных форм мысли*, но это происходит только в том случае, когда они претендуют на статус трансвременных и высших ценностей, что почти всегда связано с внецивилизационными и внекультурными целями, например, с политической конъюнктурой и групповыми интересами. Таким образом, идея цивилизационного родства (и, соответственно, цивилизационного отличия) востребована в эпоху глобализации в значительно большей степени, чем традиционная для двадцатого столетия идеологическая зависимость, основанная на использовании так называемых доктринальных технологий (внедрение в сознание масс политических доктрин, специально адаптированных для этой цели).

Вместе с тем представление о *своей цивилизации* (например, о *восточно-христианской*, а тем более о собственно *российской цивилизации*) служит инструментом явной или скрытой, осознанной или стихийно осуществляемой индоктринации, направленной не столько на отдельную личность, этническую группу или нацию, сколько на глобальный социум.

Индоктринация подобного рода имеет ряд достойных уважения и вполне оправданных целей:

- во-первых, она может быть направлена на консолидацию родственных в культурно-конфессиональном отношении народов перед лицом новых вызовов времени (один из них — установление внешнего управления над странами-клиентами, навязывание экономического, военного и культурного цивилизационного господства, т.е. *цивилизаторство* в его самой

грубой и опасной форме, осуществляемое методами «горячей» или «холодной» войны, доктринального разоружения «цивилизационного противника» и пр.);

- во-вторых, индоктринация, осуществляемая в интересах сохранения цивилизационной идентичности, предполагает определенную унификацию сознания (отказ от множественных стандартов) по отношению ко всем, кто видит себя в качестве полноправного наследника общечеловеческой истории, в которой должно быть определено достойное место для культуры каждого народа, принадлежащего к какой-либо *мировой культурообразующей конфессии*;
- в-третьих, целью цивилизационной индоктринации является формирование или коррекция *исторического самообраза народов* в сознании граждан, соотечественников и иностранцев.

Цивилизационная самоидентификация не только проясняет, но и затуманивает суть многих явлений. Причин тому достаточно много, но остановимся на двух основных.

Во-первых, поиск культурной, этнокультурной, конфессиональной и тем более цивилизационной самоидентификации, хотя и является *внутренним делом* человека или социума и относится к сфере *сокровенного мира* (что может быть более сокровенным, чем самооценка и самообраз, ценностные ориентиры и вера?), в действительности почти полностью направляется, контролируется и корректируется *извне*, попадая в зону политических интересов, а, следовательно, целенаправленного стратегического планирования и управления. Таким образом, почти все способы и модели самоидентификации представляют собой или явные, или скрытые технологии манипулирования сознанием, подсознанием, волей. Да и само понятие самоидентификации явно не стало общеупотребимым в народном лексиконе, а если и воспринимается как относительно узнаваемое, то благодаря целенаправленной деятельности СМИ.

От кого же исходит повышенный интерес к этой проблематике? Ответ очевиден: многие политики, причастные к выработке политических стратегий, а также политехнологи, обеспечивающие информационно-аналитическое обслуживание реальной политики, утверждают, что главная проблема современной России — это ее цивилизационная самоидентификация. Столь единодушная позиция — повод задуматься о размытой границе между самоидентификацией и принудительной идентификацией. Совпадение взглядов свидетельствует о готовности предложить или, точнее, навязать российскому государству и обществу определенный политический курс и систему геополитических ориентиров. Само это стремление не должно оцениваться только позитивно или негативно, поскольку, с одной стороны, трудно просчитать отдаленные последствия такого шага, предопределяющего выбор сверхдолгосрочной стратегии, но, с другой стороны, наличие даже заведомо ошибочной или неадекватной общенациональной стратегии представляет меньшую опасность, чем ее полное отсутствие.

Во-вторых, когда мы говорим о цивилизационной самоидентификации, то невольно попадаем в языковую ловушку, поскольку акцентируем внимание на первом слоге «*само*», забывая, что в действительности доминируют два типа самоидентификации – добровольно-принудительная и принудительно-добровольная (дело в акценте, но не в сути). И хотя чаще всего под самоидентификацией имеется в виду *само*-определение, *само*-отожествление и прочие формы *само*-проявления и *само*-реализации, она представляет собой прямо противоположное действие – отождествление себя с *другим*. В этом заключен ее смысловой стержень, что предполагает и *само*-переоценку, и *само*-ограничение, и даже реконструкцию *само*-образа вплоть до *само*-отрицания. Такие самообразы, как «мы – либералы» и «мы – консерваторы» или «Россия для русских» и «Россия – либеральная империя» (идеологемы на совести их творцов) ограничивают возможность выбора, загоняют страну в тупик. Единожды сделанный выбор – обратная сторона отсутствия выбора...

Таким образом, понятие о цивилизационной принадлежности – способ индивидуальной и коллективной самоидентификации, который именно сегодня становится универсальным и все более высокотехнологичным, хотя восходит к одной из наиболее известных и продуктивных концептуальных схем о *цивилизационной многомерности человечества* (общечеловеческое развитие с учетом культурного многообразия) и *цивилизационной многомирности* (равноправие культурно-исторических типов). Эффективность данного способа в значительной степени объясняется тем, что, с одной стороны, он основывается на вполне достоверном знании (в отличие от способов самоидентификации, полностью основанных на доктринально-идеологическом воздействии на массовое сознание) и, с другой стороны, в действительности не ограничивает политиков и политтехнологов в выборе технологий индоктринации.

МЕТОД ВОПРОСОВ ЛАСУЭЛЛА В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ ПРИ АНАЛИЗЕ, ПРОЕКТИРОВАНИИ И ОЦЕНКЕ

В.И. Редюхин

(Аналитический центр «Концепт», Москва)

Одна из рассматриваемых сегодня возможных моделей принятия оптимального управленческого решения сводит его к редукции дихотомии «Да-Нет» (0 или 1). При этом применяются так называемые универсальные методы, учитывающие только комбинаторный характер формирования вариантов. Это «полный или сокращенный перебор», «дискретное программирование», принцип Парето, многокритериальная оптимизация, а также, последовательные методы, основанные на направленной генерации множества вариантов с целью выбора наилучшего путем последовательного отсеивания неперспективных.

Метод «полного перебора» оказывается приемлемым и эффективным при структурном анализе-синтезе, однако затруднителен при принятии решения в случае проектирования и оценивания.

Принятие управленческого решения это система ответов на последовательность вопросов. Решение принято, если получен ответ «Да» и больше вопросов нет. Содержание принятого решения (его результаты, и последствия) зависит от многих параметров и определяется разными показателями. С точки зрения вербально-визуальной коммуникации такими параметрами выступает состав, структура и порядок задаваемых вопросов и поступающих на них ответов.

Для упрощения процедуры принятия решения множество задаваемых вопросов может быть ограничено рассмотрением только вопросительных предложений начинающихся с ключевых вопросительных слов естественного языка – «что?», «как?», «куда?» и т.д. В зарубежной практике консультирования этот подход известен как метод вопросов Ласуэлла, начинающихся с «W».

Отбор и порядок постановки ключевых вопросительных слов при принятии решения в общем случае определяется свободой воли человека и его индивидуальным выбором при устранении противоречия между «сушим» и «должным».

При мыслительных операциях анализа и синтеза одним из показателей упорядочивания вопросительных слов может выступать, например, обращение к геометрическим образам и топологическим интерпретациям. Однако визуализация не влечет возникновения и постановки некоторых ключевых вопросительных слов, например, «почему?» и «зачем?»

Следование логике свойств бинарных отношений и соответствующих им математических операций вызывает появление серий вопросительных слов:

- «рефлексивность» и «замыкание» («булеан») - серия вопросов «что?», «какой?», «сколько?»...

- «симметричность» и «перенос», - серия «куда?», «откуда?», «который»...

- «транзитивность и «поворот», серия «как?» «что за чем?»...

- «эквивалентность» и «дополнение» (до «полноты необходимости и достаточности») - серия «зачем?»...

- «предел» и «ограниченность» - серия «почему», «чем?» «почем?» «по чьему...?»

- «инверсия» и «композиция» («декартово произведение») серия «каков?»...

Так как каждой операции можно мысленно противопоставить противоположную и соответствующее отрицание данного свойства, то это может породить переход от одной серии к другой и появление в ней тех же вопросительных слов, множасьихся в другом контексте по смыслу, но остающихся одинаковыми по значению.

Принятие решения (исчерпание списка вопросов и получение однозначного окончательного ответа «Да») осложняется использованием в речи многоместных предикатов (разных типов арности) и «декартова произведения как композиции вопросительных предложений. Поэтому **логика анализа-синтеза** имеющегося в наличии настоящего не является однозначной относительно порядка и структуры использования ключевых вопросительных слов.

Аналогично дело обстоит и с **проектной логикой** отношения «настоящее – предполагаемое будущее». Используемая в ней система понятий «проблема-ценности-цели-задачи-функции-результаты-продукты» не обязательно явля-

ется иерархией и может быть сопоставлена с любым набором ключевых вопросительных слов.

Совсем иначе устроена **логика оценивания** прошлого (уже произошедшего, состоявшегося, возможно только мысленно). Основания выстраивания иерархии «приоритеты» — «ценностные принципы» — «критерии целей» — лежат не извне, а в самом рефлексивном самоопределении лица принимающего решение (ЛПР) и могут меняться только лишь с изменением этого лица или его самоопределения.

Объединение логики «анализа-синтеза», логики проектирования и логики оценивания в одной общей модели принятия управленческого решения необходимо упорядочивает структуру задаваемых ключевых вопросов, порождая соответствующие уровни **компетенции**¹.

В целостной модели принятия решения противоречия в системе управления, порождающие проблему, могут возникать за счет нарушения:

- доступности и качества продукта (товара, услуги, технологии, проекта...) для потребителя;
- измеримости результата рутинной работы, порождающей продукт;
- отсутствия результативности предпринимаемых действий (исполнения функций, применения технологии, проведения мероприятий, оказания услуг),
- неэффективности постановки и решения задач (отношения «затраты-результат»)
- неоптимальности полагания взаимопротивостоящих целей;
- неточного выбора приоритетности альтернативных ценностей
- отсутствия самоопределения и социокультурной идентификации самого ЛПР.

¹ Компетенция – это уровень владения ЛПР предметом ведения, отраженный в уровне рассматриваемого им нормативного акта: концепция, стратеги, политика, проекты и программы, полномочия и регламенты, инструкции и поручения и т.д.

ПРОКРЕАЦИОННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНВАРИАНТ СТРАТЕГИИ КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТА

Д.В. Реут

*(НИИ общественного здоровья и управления здравоохранением
Академии им. И.М. Сеченова, Москва)*

Преамбула

Термин «*прокреационный*» появился в современном философско-социологическом дискурсе, по-видимому, в 2002 году и обозначал «*относящийся к воспроизводству жизни*» [1]. Ниже мы будем понимать этот термин в расширенном значении — не только «относящийся к воспроизводству жизни», «жизневоспроизводящий», но также «предшествующий и способствующий воспроизводству жизни».

Воспроизводство жизни на протяжении веков не было предметом ни стратегических разработок, ни проектной деятельности на государственном и межгосударственном уровне. Вследствие этого неуправляемые демографические процессы вынесли страны европейской культуры, включая Россию, в критическую область будущего, где появилась категорическая необходимость искусственной организации процессов, ранее относившихся к разряду естественных, в масштабах не только страны, но и всей цивилизации. Альтернативой оказывается исчезновение стран Европейской культуры (в первую очередь — России) с исторической арены.

Органичным для европейского (российского) менталитета шагом самоорганизации социума для решения проблемы представляется формирование иерархически построенных стратегических субъектов. Необходимость в таких субъектах, проявляющих в государственных и межгосударственных масштабах волю к воспроизводству жизни на своей территории, нейтрализует отрицательные последствия неизбежной иммиграции. Однако, устройство механизма формирования стратегического субъекта представляет собой проблему.

Вводная аллегория

Примером иерархической структуры является всадник на лошади. Всадник проявляет свою волю и управляет лошастью. При этом он в первую очередь озачиняет ее управляемостью — покорностью по отношению к управляющим воздействиям и отсутствием строптивости (своеволия), в пределе — стремления сбросить седока. В этом заключается тактический аспект управления.

Дневные переходы и бои перемежаются привалами. На привале опытный кавалерист в первую очередь заботится о том, чтобы лошадь была накормлена, напоена и устроена на надежный ночлег, а уже потом вспоминает о собственных нуждах. Он знает, что иначе возможности его лошади (а, следовательно, и его самого) будут снижаться, в пределе лошадь вообще может не вынести тягот похода и пасть. При этом всадник утратит свое исходное качество, превратившись в пехотинца. Обеспечению успешности похода в целом посвящен стратегический аспект управления. Он является также объемлющей рамкой по отношению к тактическому аспекту — иначе загнать лошадь до смерти можно и в течение дня.

Тактический аспект управления посвящен тому, чтобы мобилизовать и максимально эффективно использовать «здесь и сейчас» наличный ресурс в целях управления. Стратегический аспект управления предполагает воспроизводство и приумножение общего ресурса иерархической структуры.

Особенности перехода от индивидуальных субъектов к коллективным

Переход от индивидуальных субъектов к коллективным требует учета специфики способа существования последних.

Важнейшим условием поддержания существования индивида является питание. Индивид питается самостоятельно (за исключением редких случаев

прерывания голодовки в местах лишения свободы) в порядке удовлетворения своих базовых потребностей. Дальнейший метаболизм осуществляется бессознательно.

Поддержание существования коллективного субъекта включает, кроме обеспечения «хлебом насущным», *смену поколений индивидов*. При переходе от индивидуальных субъектов к коллективным неизбежно встает вопрос о прокреационной состоятельности – способности коллективного субъекта обеспечивать свое существование за пределами продолжительности жизни составляющих его индивидуальных субъектов. Только непрерывно обеспечивая ее, коллективный субъект остается актуальным субъектом истории. Иначе он утрачивает место под солнцем. Итог успешности стратегического управления бесстрастно подводит демографическая статистика. Так, Россия теряет сегодня около миллиона жизней в год – таково превышение смертности над рождаемостью на протяжении последнего десятилетия [2].

Обратившись к введенной в предыдущем разделе двухчатной модели, мы обнаружим, что для верхнего этажа иерархической структуры, рекрутирующего своих членов из общего населения страны, актуальна не прокреационная проблема, а проблема вырождения. Элита, восполняющая свои ряды на основании внутренних критериев, постепенно но неизбежно превращается в свою противоположность [3].

Базовое утверждение

Базовое утверждение настоящей работы состоит в том, что **«общим знаменателем» человеческой деятельности является демографическая статистика** вне зависимости от того, осознается это участниками деятельности или нет.

Чем масштабнее деятельность, тем легче проследить влияние ее конкретных проявлений (революция, война, коллективизация, индустриализация, урбанизация, электрификация) на демографическую динамику. Любая деятельность изменяет качество жизнедеятельности населения, что с определенным временным сдвигом сказывается на демографической статистике.

Сегодня демографическая статистика безадресна. Она должна быть включена в контур государственного управления.

Прогнозируемый в работе [4] «демографический переход», предполагающий резкое замедление роста населения развивающихся стран из-за ограничений по продовольствию, не снимает поставленной проблемы, поскольку страны Европейской культуры имеют все шансы исчезнуть с лица Земли раньше, чем это замедление проявится.

Различия в демографических механизмах европейской и традиционных культур

Воспроизводство населения в любой культуре обеспечивается центром прокреационной ответственности социума. В его же распоряжении находится и прокреационный ресурс. В странах традиционной культуры природа этого цен-

тра — множественная. Таким центром является семья. На прокреационный ресурс семьи и сопутствующую ему ответственность не покушается ни один тип традиционного государства, включая деспотию. Семья традиционной культуры расширенно воспроизводится под страхом голодной и бездомной смерти в старости. Поэтому, в частности, «просветительские» идеи планирования семьи не имеют особого успеха в развивающихся странах.

В странах просвещенной Европейской культуры прокреационный ресурс экстрагирован государством из семьи и обобществлен. Тем самым центр прокреационной ответственности выдвинут на государственный уровень. Просвещенная женщина социализирована, эмансипирована и включена в производственно-потребительский цикл. Ее время и усилия направлены в значительной мере на благо государственного строительства. Зато к услугам просвещенной семьи — ясли, детские сады, школы-интернаты, бесплатное медицинское обслуживание и образование, социальное обеспечение в старости. Прокреация перестала осознаваться как естественная потребность семьи. Ответственность за ее неисполнение для членов просвещенной семьи наступает после выхода на пенсию, когда «социальный наркоз» потребительского общества перестает уравнивать инфляцию социальных гарантий.

Собственно говоря, позитивного результата просветительского проекта трудно было и ожидать. Коллективный субъект «семья» отличается от коллективного субъекта «государство» по масштабу, составу, целям, средствам и множеству других аспектов. Поэтому представления о том, как использовать попавший в его распоряжение ресурс, у государства неизбежно оказались кардинально иными, чем у семьи. Обратная связь со стороны семьи никогда не являлась для государства значимой.

Использование обобществленного прокреационного ресурса в целях государственного строительства — одна из причин, обеспечивших странам Европейской культуры многовековое доминирование на международной арене. Но доля этого ресурса, направляемая на собственно прокреационные цели, оказалась недостаточной даже для простого воспроизводства титульных наций стран Европейской культуры в целом и России в особенности. Европейская прокреационная ситуация «зацементирована» не только социокультурными институтами, но также многовековой системой обыкновений и привычек, вследствие чего является весьма инерционной.

Подобно тому, как в фантастическом рассказе Бредбери единственная бабочка, растоптанная в прошлом, изменила ход истории, перенос центра прокреационной ответственности с уровня семьи на уровень государства в среднесрочной исторической перспективе стирает с лица земли страны Европейской культуры.

Применительно к введенной выше аллегории различие в демографических механизмах Европейской и традиционных культур выглядят так, будто «всаднику» традиционной культуры не нужно заботиться о питании и ночлеге своего коня. Однако этот фантастический конь движется много медленнее своего европейского собрата.

Социальный заказ

«Социальный заказ» в обсуждаемой сфере формируется в масштабе мира Европейской культуры в широком смысле, включая не только Россию, но также США и Израиль. Порождающая этот заказ демографическая реальность европоориентированного мира состоит в том, что титульные нации принадлежащих ему стран динамично и неуклонно замещаются принадлежащими традиционным культурам соседями с легко предвидимыми последствиями югославского образца.

Это происходит потому, что центр прокреационной ответственности указанных геостратегических оппонентов занимает разное положение в социумальной структуре.

Расплата за просветительский европейский социальный эксперимент для осуществивших его коллективных субъектов оказалась отсроченной от его начала на сотни лет и выразилась в том, что Европейский мир утратил прокреационную состоятельность, в то время как мир традиционных культур ее сохранил.

Повернуть вспять культурное развитие вряд ли возможно, поэтому должны быть срочно изысканы средства «протезирования» прокреационной функции стран европейской культуры. В этом и состоит социальный заказ, значимость которого только начинает осознаваться в Европейском мире. Этот социальный заказ должен учитываться при формировании стратегических субъектов Европы в целом и России в частности. Прокреационная стратегия необходимо должна являться фоновой, наиболее долговременной составляющей любых стратегий и программ. Без обеспечения прокреационной состоятельности коллективного субъекта любые другие его стратегии оказываются построенными на песке. Это достаточно наглядно показывает история Европы.

Прокреационная мегапрограмма

Прокреационная программа детализируется набором национальных и более мелких прокреационных проектов. Крупномасштабная проектная работа имеет смысл, если ее фрагменты итеративно увязываются единой методологической программой [5] (мегапрограммой), направленной на достижение желаемого будущего страны.

«Необходимость в программах (в отличие от проектов и планов) возникает в тех случаях, когда объект управления (объект задуманных преобразований) несоразмерен субъекту, не может быть «схвачен» в едином целостном знании и положен как объект в точном смысле слова» [6].

Если **субъекта желания** не существует, деятельность априорно бессмысливается. Результаты попыток обнаружить такового субъекта среди наличных социокультурных институтов не внушают оптимизма [7]. Однако, в современной науке формируется представление, что субъект деятельности может формироваться постепенно на основе общественного движения [8]. Поэтому была выдвинута идея его сборки на базе сетевой семинарско-клубной структуры [7].

Прокреационная стратегия является естественным конфигуратором, организующим прокреационные программы и прокреационные проекты коллективного субъекта.

Номенклатура субъектности в связке с программой

Логика детализации программно-проектной процедуры требует обозначить ряд ее участников: инициатор, социокультурный программист, проектировщик, реализатор, заказчик, инвестор и т.д. В настоящий момент по факту в наличии имеется только инициатор. Разработка инициативных проектов, во всяком случае — инициативных аван-проектов — в условиях рынка становится массовой практикой. Остальные участники команды проекта и команды управления проектом изыскиваются либо проектируются и реализуются по ходу процесса.

Создаваемый оргпроект должен обеспечить достижение двоякой цели: порождения долгоживущей «самодвижущейся» программно-проектной связки. Это, с одной стороны, картина желаемого будущего, реализующая ее программа и наполняющие программу проекты, с другой стороны — коллективный субъект желания, программирования, проектирования и управления реализацией.

Слепое пятно социума

Со времен древнеримских «Анналов» принято выделять при анализе общества «продолжительное время» — время отношений человека и природы и «краткое время» — время политических событий. Однако, история нашей страны (в большей мере) и история Европы (в меньшей мере) показывает, что оказалась недооцененной актуальность промежуточной временной области — **«среднего времени»**. В этом временном масштабе происходят процессы развития или деградации научного, промышленного, демографического потенциала коллективных субъектов — странового масштаба. Эти процессы затратны и трудноуправляемы. Поэтому не находится ни одной политической силы, ни одного социального института, которые пожелали бы взять на себя ответственность за управление этими процессами. Государство денационализирует одну за другой отрасли промышленности и сферы деятельности. При этом они раздробляются, переходят в частные руки и начинают управляться исходя из сиюминутных экономических интересов (хотя известно, что экономика отнюдь не покрывает всей совокупности человеческого опыта).

Но есть сфера, которой вообще не занимается ни один социальный институт — прокреационная, хотя она однозначно фиксируется демографической статистикой. Представители социальных институтов и политических образований стараются просто не замечать процессов, протекающих в «среднем времени».

Определенный В.Е.Лепским [7] феномен бессубъектности конкретно проявляется в том, что у нас не существует социальных институтов, «видящих» процессы «среднего времени» и имеющих инструменты управления ими. Си-

туация парадоксальна тем, что индивидуальный субъект процессы среднего времени «видит». Однако он не имеет инструментов воздействия на них.

Выход из положения – самоорганизация общества, выражающаяся в создании сетевых структур, включающих индивидуальных субъектов, «зрячих» в «среднем времени», и приобретающих сетевые рычаги воздействия на происходящие в нем процессы.

Технология сборки коллективного субъекта

Первым шагом к желаемому результату может стать постоянно действующая способная к саморазвитию клубная сетевая программно-проектная оргструктура. При ее создании полезно учесть наработанный в России опыт ОДИ¹ – эффективного инструмента организации коллективной мыслительной работы.

Классический инструментарий не является достаточным для решения столь масштабной задачи. Однако, сегодня мы имеем возможность дополнить его средствами Интернет-поддержки.

Должен быть создан Интернет-сайт со структурой разделов, соответствующей решаемой проблеме и детализированной в соответствии с перечнем рабочих групп. При этом каждая группа имеет свой рабочий Интернет-форум и периодически тезисно представляет результаты своей работы на модерлируемый форум кластера (аналог пленума первого уровня). Модератор кластера периодически тезисно представляет результаты работы кластера на общий модерлируемый Интернет-форум. Постоянно действующий Совет Сайта принимает решения о периодической организации Форумов «в реале» по мере необходимости.

Трехуровневая организация Интернет-коммуникации позволяет осуществлять координацию программно-проектной деятельности. Она же обеспечивает условия для межпредметной кооперации: цели ставятся и согласуются на уровне общего пленума и кластеров, а проекты для их достижения разрабатываются уровнем ниже – в рабочих группах. Междисциплинарность обеспечивается составлением картины желаемого будущего с позиций разных предметных групп и дальнейшей межпредметной кооперацией в разработке.

Интерфейс сайта должен обеспечивать удобную возможность отслеживания работы и участия в ней в системе координат кластеры - этапы работы - иерархические уровни коллективного субъекта, а также, возможно, в координатах универсального базиса социальных систем Парсонса (внешнее-внутреннее-инструментальное-продуктовое).

Роль исполнителей прокреационных проектов не может не лечь на регионы. Именно в них могут быть сформированы социально и экологически привлекательные прокреационные зоны, уравнивающие прокреационно неблагоприятные города.

---

¹ ОДИ – организационно-деятельностная игра, изобретение Г.П. Щедровицкого [9].

Гуманитарные технологии решения прокреационной проблемы

Как известно, общественная практика (в том числе, ее понятийный и теоретический аппарат) зависит от картины мира, в котором данная практика осуществляется. Поскольку никакая стадия развития теоретического познания не исчерпывает мир полностью, за его «горизонтом» присутствуют непознанные феномены. Включение их в практику, а затем и в теорию (или — сначала в теорию, а затем в практику) меняет представление о мире — сначала в деталях, а затем — в целом. В зависимости от акцента на различных аспектах отношения субъекта познания и объекта различают ряд пройденных мировой наукой последовательных ступеней уточнения картины мира — классическую, неклассическую, постнеклассическую [10].

Наибольшие возможности сулит последняя из них: субъект приходит к пониманию, что представление об объекте существенно зависит и от его, субъекта, структуры и внутреннего состояния.

Сегодня в картину мира человеку приходится включать не только внешний мир, но и свое внутреннее устройство, свой внутренний мир. Внешний и внутренний миры рядопологаются в пространстве интегрального мира [11]. В новой, постнеклассической онтологии внутренний мир субъекта из несущественного, вносящего помехи «обстоятельства исследования» перерастает в существенную и, возможно, основную часть его содержания. При этом за объектами внешнего мира остается роль реперов, шкал, средств фиксации, «переводчиков» и прочих инструментальных средств, обеспечивающих выразимость, сравнимость, воспроизводимость и «объективность» получаемых результатов.

Постнеклассически понимаемый миф есть *синтетический культурный комплекс*, включающий в свой состав замкнутую цепочку гетероморфных процессов, существующих в пространстве внешнего мира человека, пространстве его сознания и пространстве личностного бессознательного. Миф есть форма организации и механизм трансляции опыта взаимного употребления человека и социума. Облако мифов есть надстройка над животным, превращающая его в человека. Миф не есть нечто отстраненное, принадлежащее древним слоям истории, а самый что ни на есть современный способ воспроизводства связи организации и включенных в нее людей. Каждую секунду каждый из нас участвует в воспроизводстве и передаче множества мифов, и это настолько привычно, что стало для носителей мифов «прозрачным» и незаметным. Постнеклассическая теория мифа — инструмент нового культурного строительства. Миф есть устойчивая самовоспроизводящаяся система в пространстве интегрального мира, включающем внутренний и внешний мир человека.

Постнеклассическая теория мифа — инструмент нового культурного строительства. И это культурное строительство (проектирование обыкновений) должно быть направлено на формирование прокреационно-корректного образа жизни [12-14].

Литература

1. *Романов Л.Е., Реут Д.В., Васина О.И. и др.* Общественный центр «Жизниград» как форма институционализации проектного отношения к здоровью и субъект новой прокреационной политики. /Здоровье человека: социогуманитарные и медико-биологические аспекты (труды Всероссийской конференции «Здоровье как проблема гуманитарного знания». Институт человека РАН, апрель 2002) М., 2003, с. 226-234.
2. *Лукашев А.М., Прохоров Б.Б., Шиленко Ю.В.* Общественное здоровье и управление здравоохранением. М.: Изд-во «Оверлей», 2005, 392 с.
3. *Реут Д.В.* Модель политического процесса – борьба вырождающихся элит за обобщенный ресурс / Россия в современном мире. Т.3, под ред. члена-корреспондента РАН Пивоварова Ю.С. М.: ИНИОН РАН, с. 906-914. Деп. 58-905 от 14.10.04 (Материалы Четвертой международной конференции «Россия: приоритеты выборов и выбор приоритетов», ИНИОН РАН, 20-21 ноября 2003)
4. *Капица С.П.* Информационное развитие общества, демографическая революция и будущее человечества (основные положения книги «Общая теория роста человечества»). Никитский клуб – Римский клуб, 2006, 24 с.
5. *Наумов С.* Представления о программах и программировании в контексте методологической работы. Кентавр, 1991, № 1, с. 31-46
6. *Рац М.В., Слепцов Б.Г., Копылов Г.Г.* Концепция обеспечения безопасности. М.: Кастань, 1995, 84 с.
7. *Лепский В.Е.* Стратегические центры России // Рефлексивные процессы и управление, 2004, Том 4, № 2, с. 14-19
8. *Турен А.* Возвращение человека действующего. – М.: Научный мир, 1998
9. *Щедровицкий Г.П.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыслительности // Нововведения в организациях. Труды семинара. ВНИИ системных исследований. М., 1983.
10. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2003
11. *Реут Д.В.* Системно-антропологическая реконструкция мифа. // Методологический фронт 90-х. V чтения памяти Георгия Петровича Щедровицкого. М., 2000, с.89-125
12. *Реут Д.В.* К построению модели образа жизни / Труды 2-й международной конференции «Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций (CASC'2002)». Москва, 4-6 ноября 2002 г., Т.1, М.: ИПУ РАН, С. 110-115
13. *Реут Д.В.* Образ жизни и здоровье: средовое обеспечение транс-глобализации / Здоровье человека: социогуманитарные и медико-биологические аспекты. Труды Всероссийской конференции «Здоровье как проблема гуманитарного знания». Институт человека РАН, апрель 2002. М., 2003, С. 85-90
14. *Реут Д.В.* Образ жизни как сфера социального управления субъекта общественного здоровья / Социальное управление, коммуникация и социально-проектные технологии. М.: ИС РАН, 2005, С. 68-73.

ОПЫТ ИЗБЕЖАНИЯ ГЛУПОСТИ

О. Савельзон

(Высшая школа технологии в Иерусалиме)

Я часто спрашивал себя вот о чем: несомненно, многим людям труднее и горше всего общаться, сталкиваться с глупостью ближних. Как же случилось, что никто (со времен Эразма Роттердамского) не попытался изучить ее, написать «Опыт о глупости»?

Х. Ортега-и-Гассет «Восстание масс»

В отношении безуспешных потуг российского общества справиться с набравшими социальными, экономическими, политическими и другими важными общественными проблемами вспоминается высказывание А. Эйнштейна: проблемы, созданные текущим уровнем мышления, не могут быть решены на том же самом уровне мышления. Иными словами, российский социум до тех пор не придет к благополучию, пока радикально не поумнеет.

В отличие от Ортега-и-Гассета я думаю, что написать о глупости пытались. Просто это не удалось. По трем главным причинам — I) читательской, II) авторской и III) издательской.

I. Наибольшая трудность здесь не в самой теме, а в том, чтобы ее вообще дали развить даже те, чьи беды — от глупости. Вопрос недостатков в мышлении очень щепетилен. Еще Шопенгауэр отмечал, что человек может принять упрек в каких угодно недостатках, например, в лживости, скупости, подлости, но только не в изъянах мышления. Люди сопротивляются этому, пусть даже вслед за признанием изъянов предлагается их корректировка, т.е. тема развивается прагматически — в ракурсе самосовершенствования.

II. Глупость — столь нечеткое и широкое понятие, что оперировать им в аналитических работах не совсем корректно. Значит, прежде всего автору следует так определить глупость, чтобы ее можно было плодотворно обсуждать. Интерес представляют глупости, которые совершают не глупцы. Обычно, когда говорят, что человек сделал глупость, имеют в виду, что он принял ошибочное решение. Поэтому актуальным «опытом о глупости» может быть исследование ошибок в принятии важнейших решений, совершаемых неглупыми в обычном понимании людьми.

Корифеи науки принятия решений А. Тверский и Нобелевские лауреаты Г. Саймон и Д. Канеман показали, что нерациональность, препятствующая эффективному принятию решений, повсеместна. Ее негативный эффект, тормозящий продвижение людей к своим целям, неизбежен как негативный эффект трения. Невозможно отменить закон трения, однако можно и нужно применять подшипники, смазочные масла и т.п., которые позволяют существенно уменьшить негативный эффект трения. Так и повышение процедурной рацио-

нальности принятия решений (короче, рационализация) позволяет значительно снизить негативный эффект торможения продвижения к цели. [Подчеркиваю, снизить, а не ликвидировать, как хотелось бы верующим в существование панацеи от всех бед. Она столь же нереалистична, как и вечный двигатель, работающий без трения].

В [1-3] выявлено, что в российской культуре принятия решений от процедурной рациональности гораздо больше, чем, например, в американской. Логично продолжить аналогию «торможение продвижения к цели — трение»: сглаживание негативного эффекта трения особенно насущно в тех средах, в которых коэффициент трения велик. Так и **рационализация особо актуальна в России**, где отклонения от рациональности столь велики, что жестко тормозят продвижение страны к благополучию.

III. Обсуждение того, как и почему неглупые люди принимают ошибочные решения по важнейшим проблемам, естественно влечет за собой вопрос о том, что делать, чтобы избежать глупостей. Ответ на него мог бы послужить концептуальной основой рационального развития страны. Но это преобразовало бы нынешнюю «театрализованную» российскую реальность, в которой одни (политики и функционеры) создают информационные поводы, а другие (масс-медиа) их используют. И вместе хорошо живут, паразитируя на нерациональности публики — не давая ей проникнуть в суть реальных событий, удерживая ее в виртуальном мире информационных поводов. Поэтому обе стороны сего «политико-медийного» истэблишмента (плюс вся его «театральная» инфраструктура — «истэблишированные» пиар, политтехнология, политология и т.д.), предназначение которых, по идее, — заниматься вопросами «оздоровления» страны, на самом деле не заинтересованы в рационализации публики. Это обещает способствовать разрешению болезненных социальных, политических, экономических и др. проблем общества, что не выгодно его манипуляторской элите.

Эффективные рациональные процедуры индивидуального и коллективного принятия решений описаны в сотнях книг и тысячах статей — науке принятия решений уже более полувека. Однако пользуются ее предписаниями только в крупных корпорациях, военных штабах, правительственных стратегических центрах и т.п. Возникает вопрос, почему же эти предписания, освоение которых вполне доступно даже школьникам старших классов, не практикуются рядовыми гражданами, общественными организациями, органами представительной власти и т.д.? Ведь общеизвестно, что принятие эффективных решений — главный фактор благополучия. **По логике наука принятия решений должна бы быть наиболее востребованной дисциплиной в общепринятом образовании, однако большинство людей даже не информированы о ее существовании. Это, на мой взгляд, самый большой абсурд современности.**

Когда в мире происходит нечто несуразное, традиционно сему даются два крайних объяснения — глупость или заговор. В данном случае, думается, имеет место как массовая нерациональность, так и умышленное ее поддержание из-

за кулис. Значит, чем лучше будет преодолена вторая из главных причин отсутствия «Опыта о глупости» — авторская, тем хуже усугубятся первая и третья — читательская и издательская. Чем четче и острее написано, тем неприятнее читать тому, кого держат в дураках, и невыгоднее публиковать тому, кто заинтересован в сохранении этого положения.

Я предлагаю практические рекомендации, прописанные на уровне конкретных проектов законов, акций, процедур и т.п., по развитию в России рационального открытого для самосовершенствования общества. Внедрить их в жизнь можно решениями органов представительной демократии и исполнительной власти, действиями государственных учреждений, общественных организаций и частных компаний. Не надо революции, изменения государственного устройства, реформы политической системы, перераспределения собственности; требуется только рационализация регламентов важнейших процедур принятия фундаментальных решений — выборов, референдумов, обсуждений и голосований, разработки, согласования и утверждения планов и программ и т.д.

Но сработает ли эта идея? Подтверждение работоспособности гуманитарных идей такого масштаба — многоэтапный процесс. И этапов в нем никак не меньше, чем в подтверждении действенности технологических идей. Например, у химиков-технологов, с которыми я работал много лет назад, на пути к производству какого-нибудь нового вещества надо было пройти 5 этапов. После теоретической проработки идеи (I этап) ее выверяли экспериментально — «в пробирках» (II). Если добивались того, что каждая стадия синтеза вещества по отдельности шла хорошо, переходили к следующему этапу. Собирали лабораторную установку, на которой воплощался процесс синтеза в целом (III). На данном этапе вещество получали, условно говоря, в граммах. Когда налаживалась работа этого производства в миниатюре, строили опытно-промышленную установку (IV). Если ее доводили до того, что она стабильно давала килограммы вещества, переходили к последнему этапу — строительству завода, производящего тонны (V). Наиболее значим на этом пути третий, лабораторный этап, ведь если производство в миниатюре работоспособно, очень вероятно, что и в массовом масштабе технология даст ожидаемые плоды.

Аналог данного этапа завершается в подтверждении работоспособности моей идеи. Теоретическая часть разработана и опубликована в [4-10]. Теория нашла подтверждение в эмпирических исследованиях [1-3]. Подтвердилось она и в практическом «эксперименте» в миллионной общине «русских» в Израиле. Вот что по этому поводу отметил Ю. Штерн [11], депутат Кнессета, руководитель штаба пропаганды «русской» партии (ИБА) в 1996 году: «Результаты Савельсона легли в основу построения стратегии предвыборной агитации партии ИБА среди репатриантов из экс-СССР на парламентских выборах 1996 г. В его исследованиях были выявлены основные факторы, детерминирующие решения людей, выросших в российско-советской культуре. Он проанализировал, на какие из этих детерминантов воздействовали самые успешные пропаганди-

стские и рекламные кампании 1993-1995 годов в России. В каждой из них (по-видимому, интуитивно) использовались наборы из двух-трех факторов, детерминирующих решения россиян. Таким образом, всякий раз важные детерминанты оказывались не задействованными. Савельзон предложил построить пропаганду партии так, чтобы, оптимально задействовав все важные факторы, наиболее эффективно подвести потенциальных избирателей к принятию решения голосовать за ИБА. Успех молодой партии опрокинул все неблагоприятные прогнозы, основывавшиеся на опросах, проведенных до короткой, но очень концентрированной предвыборной агитационной кампании ИБА. Значит, этот успех во многом обусловила именно эффективность пропаганды. Тем самым были как бы эмпирически подтверждены теоретические разработки Савельзона.» Детерминанты, о которых писал Штерн, — это отклонения от процедурной рациональности. Методы корректировки означенных отклонений отработаны мной в ряде процедур коллективного принятия решений в США, Израиле и России.

И наконец, наиболее значимое — «лабораторное» — подтверждение: успешно функционирует «рациональное открытое для самосовершенствования общество в миниатюре»: российская компания, в которой идея, выдвинутая в отношении общества, «спроецирована» на сообщество — коммерческую организацию [12, 13].

В этой компании в менеджмент и корпоративную культуру внедрены **процедурная рациональность, рефлексия, беспредпосылочность и настроен на выявление собственных ошибок**. На мой взгляд, вместе данные четыре компонента составляют основу того нового уровня мышления, который помогает справиться с проблемами, созданными нынешним уровнем мышления. В означенной компании в процессах принятия важнейших управленческих и маркетинговых решений каждому компоненту продвинутого мышления соответствует определенный фрагмент процедуры; на этом отрезке процедуры данный компонент просто воплощается в мыследеятельности участников. То есть, они как бы «процедурно переводятся» на новый уровень мышления в принятии решений.

Литература

1. *Savelzon, O. (1994)*. Essay on narrowness. // S.Shye and O.Savelzon, Decision-Making and Consultation by Expert Systems: The Analysis of Partly-Ordered Sets by Binary Comparison and Multiple Scaling. Jerusalem: The Guttman Israel Institute of Applied Social Research.
2. *Savelzon, O. (1996)*. The Role of Rationality in Soviet and Western Business Decision-Making: A Comparative Study. Jerusalem: The Guttman Institute of Applied Social Research at The Hebrew University of Jerusalem.
3. *Savelzon, O. (1998)*. The Russian-Soviet Culture Impact on Procedural Rationality: Decision-making of Immigrant Businesspeople from the ex-USSR in Israel. // Collection of Materials of the International Conference on Personal Absorption. Netanya, Israel, 74-100.
4. *Savelzon, O. (2000)*. Russia and Israel in the XXI Century // *Prospects of Developing Rational*

- Open Society*. New York: Liberty Publishing House.
5. Савельзон, О. (2003). Развитие открытого общества в России и Израиле как компонент институционального и духовного процесса // *Философские исследования*, № 2, 77-120.
  6. Савельзон, О. (2003). Культура принятия решений как фактор прогресса России // *Вопросы философии*, № 10, 31-45.
  7. Савельзон, О. (2004). Политика эффективности – новое решение // *Вопросы философии*, № 10, 3-19.
  8. Савельзон, О. (2004). Россия и несвобода, Израиль и псевдомир // *Философские исследования*, № 3-4, 83-138.
  9. Савельзон, О. (2005). Свобода выбора и процедурная рациональность // *Общественные науки и современность*, № 1, 109-121.
  10. Савельзон, О. (2005). Постнеклассическая идеология и стабильный электоральный успех в России и Израиле // *На пути к постнеклассическим концепциям управления*, Москва: Институт Философии РАН, 231-254.
  11. Штерн, Ю. (1998). О книге и ее авторе // О. Савельзона: *Перспективы России и Израиля в начале XXI века*. Тель-Авив: Иврус.
  12. Савельзон, О. и Вайнтруб, Р. (2005). От концепции открытого общества к практике открытой организации // *Рефлексивные процессы и управление*, № 2, 41-56.
  13. Савельзон, О. и Вайнтруб, Р. (2006). Теория и практика согласованного построения бренда компании и брендов продуктов на российском фармрынке // *Брендинг в фармацевтике и парафармацевтике: российский опыт*, М.: Литтерра, 23-38.

ПРОГНОЗЫ БУДУЩЕГО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАНИЯ: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О.В. Санникова

(Удмуртский государственный университет, г. Ижевск)

Проблемы прогнозирования имеют широкий спектр обсуждения: от способов классификации прогнозов до вариативности способов моделирования будущего. Безусловно, наибольший интерес вызывает проекция этой проблематики на развитие современного общества, в частности, социально - гуманитарной сферы, которая все в большей мере становится определяющей в отношении технологии и политики.

Специфика прогнозирования в познании социальной реальности состоит в том, что деятельность человека, включенного в социальную систему, влияет на реализацию прогноза либо в сторону его осуществления, либо в сторону его разрушения. Это называют эффектом Эдипа [1. С.205], учет которого необходим для оценки возможности наступления того или иного прогнозируемого варианта развития событий. По мнению И.В.Бестужева-Лады, это дает шанс сделать наступление будущего не только прогнозируемым, но и управляемым.

Но для существования этого шанса, для предотвращения однозначности и безальтернативности будущего, в конечном счете, для обсуждения механизма

действия эффекта Эдипа, необходимо исходить из того, что люди осуществляют свою деятельность в отношении своего будущего, исходя из определенного способа восприятия его прогнозов. По сути, существует проблема определения способов отношения различных социальных групп к прогнозам, и, следовательно, меры управляемости наступлением будущего, возможности предотвращения его неблагоприятного варианта (глобальных катастроф, социальных кризисов, культурной деградации и т.п.).

Для построения системы социальной иерархии по критерию отношения к прогнозам и возможности влиять на их осуществление воспользуемся концепцией социального распределения знания, разработанной А. Шюцем [2.С.559] в рамках феноменологической философии, и интерпретируем ее в контексте проблематики прогнозирования.

По специфике знания и характеру овладения им А.Шюц выделяет группы: «обыватель», «хорошо информированный гражданин», «эксперт». В соответствии с обсуждаемой проблемой к группе «экспертов» будем относить индивидов, отдающих себе отчет в уровне своего профессионализма, заключающегося в способности создавать не предсказания, а обоснованные прогнозы, базирующиеся на проверенных утверждениях. Эти люди в силу обладания ими специализированных умений, компетентны в использовании технологий и практик прогнозирования, в оценке качества и эффективности как собственных прогнозов, так и прогнозов других экспертов. «Эксперты»- это скорее не гомогенная, а гетерогенная группа, обеспечивающая многовариантность процессов и результатов прогнозирования. Тем не менее, к общей специфической черте «экспертов» следует отнести способность к рефлексивному о-пределению, дифференцированию и маркированию своих собственных прогнозов. Отношение экспертов к прогнозам — это высоко рефлексивное интеллигентное, критичное отношение. Обсуждая основания и границы своих конструкции, эксперты в своей группе хорошо понимают друг друга, не всегда, впрочем, стараясь, чтобы их поняли представители других групп. В некотором смысле, их прогностическое знание элитарное и эксклюзивное. Распространение такого знания в границы чьей-либо практической социальной деятельности не входит в их задачу, поэтому их управляющего влияние на соотношение прогноза и решения весьма опосредованное и косвенное. Они прогнозируют для того, чтобы их прогнозы «принимались к сведению».

На другом полюсе располагается группа «обывателей», которые имеют дело с прогнозами прагматического плана, касающимися непосредственно их ближайшего будущего, основанные на «...знании рецептов, указывающих, как достичь в типичных ситуациях типичными средствами типичных результатов»[2. С. 559]. К прогнозам, создаваемым экспертами и относящимся к общему отдаленному будущему, обыватели относятся скорее как к предсказаниям, не рефлексируя оснований их многовариантности, о-пределенности, руководствуясь чувствами и страстями. Их прогностическое знание инклюзивное и профанное. Осознанного участия в реализации эффекта Эдипа такая группа не при-

нимает, воспринимая прогнозы экспертов практически как проявления стихийных природных неуправляемых процессов.

Наконец, «золотая середина» представлена идеальным типом, «хорошо информированным гражданином». Прогнозы экспертов представляют для него косвенный интерес, поскольку не касаются его прямых практических намерений. Он не объективирует (исходя из научных оснований) прогнозы, как «эксперт», возвышающий их до предельной общности, исключающей интерпретации, исходящие из индивидуальных и групповых интересов. В то же время не трактует прогнозы как безосновательные предсказания, подобно «обывателю». «Хорошо информированный гражданин» в состоянии отрефлексировать прогнозы экспертов настолько, чтобы сделать обоснованный выбор, снять неопределенность будущего в целеполагании своих социальных действий. Этим выбором указанный гражданин, собственно, решает для себя, кто из «экспертов» является в данном случае компетентным, чем и производит некую селекцию вариантов прогнозируемого будущего. Именно обоснованные определенностью прогноза целеполагающие социальные действия «хорошо информированного гражданина» выполняют функцию «управляющего параметра» в отношении прогнозируемого вариативного будущего.

Способный влиять на реализацию прогноза «хорошо информированный гражданин» затрудняет прогнозирование как таковое, поскольку предусмотреть последствия этого влияния невозможно [1, с. 206]. Тем самым этот гражданин задает онтологическое основание для прогностической деятельности «экспертов», вынужденных считаться со спецификой социальной реальности, способной в своем развитии быть принципиально управляемой, нередуцируемой к стихийным природным процессам. Отсюда происходит и ограничение в применении для прогнозирования так называемых универсальных моделей развития, исключающих специфику развивающихся систем. Поэтому «эксперт» может рефлексировать границы данных прогнозов, тогда как «хорошо информированный гражданин» в состоянии рефлексировать границы прогнозирования как такового.

Группа «экспертов» воспроизводит свой тип отношения к прогнозам в рамках научного знания, группа «обывателей» - в рамках знания, характерного для повседневности (несвязного, обладающего лишь частичной ясностью, несвободного от противоречий [2. С 536]). Тогда «хорошо информированный гражданин» воспроизводит и производит свой тип отношения к прогнозам через ситуацию, находящуюся на границе между наукой и повседневностью - через образование, и в рамках знания, соответствующего этой ситуации - в рамках содержания образования. Такое «маргинальное» положение «хорошо информированного гражданина» требует от него междисциплинарной компетентности, значит и содержание образования, обеспечивающее такую компетентность, должно быть междисциплинарным.

Поэтому актуальность проблемы отношения к прогностическому знанию, трансформируется, на наш взгляд, в актуальность проблемы механизмов трансляции такого знания в систему его социального распределения, связанную, в

конечном счете, с проблемой содержания и функций образования в настоящем и грядущем социуме.

Литература

1. Бестужев–Лада И.В. Будущее предвидимо, но непредсказуемо: эффект Эдипа в социальном прогнозировании // Пределы предсказуемости. – М.: ЦентрКом, 1997. – 256 с. С.201-220.
2. Щюц А. Хорошо информированный гражданин // Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. - М.:РОССПЭН, 2004.– 1056 с. С.557-572.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 060600049а)

КРИТИЧЕСКИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ, БЕЗОПАСНОСТЬ, ПСИХОЛОГИЯ И МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР

Г.Л. Смолян (*Институт системного анализа РАН, Москва*)
Г.Н. Солнцева (*МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва*)

В современных условиях в каждой развитой стране постиндустриального мира условиях существует множество критически важных объектов (КВО), таких, например, как крупные гидротехнические сооружения, нефте-, газо-, электропровода, АЭС, пункты хранения стратегических запасов нефти и газа, вредные химические производства, транспортные узлы, аэродромы, национальные информационные и коммуникационные сети и т.п. Их выведение из строя может привести к непредсказуемым тяжелым и даже катастрофическим последствиям. Совокупность таких объектов и их взаимосвязи образуют критические инфраструктуры, от бесперебойного функционирования которых полностью зависит сохранение жизни и здоровья граждан, сохранение экономической базы страны, а также системы государственного управления.

По данным зарубежных экспертов, на территориях США и Канады имеются 16 водохранилищ и плотин, более 25 атомных электростанций, свыше 70 хранилищ стратегического нефтяного резерва, около 120 крупнейших автоматических коммутационных центров сетей связи и значительное количество других подобных объектов. Отмечается, что эти объекты имеют большое количество уязвимых точек «несанкционированного доступа», поэтому нарушение функционирования или уничтожение таких объектов, представляет для государств особую угрозу, так как ведет к катастрофическим последствиям и к полному параличу общественной жизни. Очевидно, что проблема защиты критических инфраструктур от террористических актов или даже действий отдельных злоумышленников стоит одинаково остро перед всеми государствами.

Само понятие *умышленного* действия подразумевает, что оно специально задумано и осознано. Цель такого действия противоречит или не совпадает с целью действия, заданной нормативными требованиями к профессиональной

деятельности. Умышленные (злоумышленные) действия, разумеется, могут быть вызваны разными причинами, психологические составляющие которых не представляют большого секрета¹.

Во-первых, это неудовлетворенность субъекта своим социальным статусом или материальным положением в данной структуре; в основном по этой причине действуют «обиженные сотрудники», хорошо знакомые с порядками в организации и поэтому способные нанести большой вред. Таковы, например, действия под влиянием внутренних конфликтов, вследствие несогласия с действиями руководителя, действия в отместку, как результат ущемленного самолюбия или проявления профессиональной (групповой) солидарности и т.п.;

Во-вторых, это психологическое воздействие или давление других лиц или организаций, принуждение человека к умышленным нарушениям нормативно заданной деятельности, фактически к противоправным действиям в условиях, когда тот находится в состоянии жизненного или личностного кризиса, или же готов действовать из тривиальных корыстных устремлений. Использование человеческих слабостей позволяет организовать злоумышленные действия посредством хорошо известных приемов подкупа, шантажа, запугивания, угрозами разрушения жизненного уклада или семьи и т.п.

Вопрос о глубинных источниках этих слабостей совсем не прост. Оставаясь только в рамках психологического анализа, можно утверждать, что источниками слабостей являются следующие потенциально опасные свойства личности, а, скорее всего, их совокупность:

- установка личности на конформизм и ее неспособность к самостоятельному принятию жизненно важных решений и прогнозированию их последствий;
- снижение способности к личностному самоопределению, чрезмерно высокие или наоборот низкие самооценка и уровень притязаний;
- возможность легкой деформации или смены мотивации;
- возможно, склонность к риску.

Другим основанием для вынуждения умышленных действий являются учет и умелое использование индивидуальных (характерологических) особенностей психики человека. К ним можно отнести:

- нарушения психики, вызванные, например, хронической алкогольной или наркотической интоксикацией;
- длительные депрессивные и стрессовые состояния, вызываемые различными причинами;
- индивидуальные особенности мышления, памяти, эмоциональной сферы, жизненного и профессионального опыта, стереотипы поведения, привычки и предпочтения и многое другие особенности, приводящие к неумению быстро и адекватно ориентироваться в сложных или непред-

---

¹ Г.Н.Солнцева, Г.Л.Смолян. Человеческий фактор в обеспечении безопасности информационной инфраструктуры // Сб. трудов ИСА РАН, М., Едиториал УРСС, 2002.

виденных ситуациях и прогнозировать их развитие.

Злоумышленные действия могут быть вызваны также непосредственным или опосредованным воздействием на психофизиологическое состояние человека. Таковы, например, гипнотические или психофармакологические воздействия, провоцирующие нервно-психические расстройства, возрастание психической напряженности, тревожности и т.п., создающие необходимый фон для вынуждения злоумышленных действий.

Стоит подчеркнуть, что попытка объяснить природу террористических или злоумышленных действий, исходя из свойств невротических личностей, в мотивах которых доминирует давление бессознательной сферы психики (психоаналитическая парадигма), оказывается также недостаточной.

Минимизация рисков, связанных со злоумышленными действиями, состоит в устранении их причин. Распространенный подход к решению этой задачи состоит в оценке лояльности персонала или степени доверия к нему. Как считают многие специалисты, главной проблемой здесь остается определение личной predisposedности или готовности человека к совершению умышленных противоправных действий. Это сложная задача, поскольку ни наблюдение за поведением, ни специальные методы профессиональной психодиагностики (в том числе полиграф), психологического и психофизиологического отбора не могут дать стопроцентную гарантию лояльности человека. Дело в том, что во время проведения диагностических исследований или процедур отбора по личностным качествам человек может преднамеренно предьявлять ложные или искаженные данные. Справедливо утверждение, что единственный, кто знает о кандидате все, — это он сам.

Есть еще одна практически неиспользуемая возможность снижения рисков недоверия к человеку — выявление его свойств как носителя морального сознания. В.А. Лефевр пишет, что моральное сознание описывается с помощью таких категорий как чувство вины, осуждение, страдание, покаяние и т.п. Моральное сознание *доминирует* (курсив наш) над всеми остальными человеческими качествами... «до некоторой степени индивид свободен в своих поступках, но не в тех чувствах, которые эти поступки у него вызывают».² Сложность и противоречивость моральных феноменов, проявляющихся в побуждениях к агрессии и злоумышленным действиям, разумеется, велики. Возможно, первый шаг в их изучении, сделан В.А.Лефевром, предложившим типологию индивидов, выбирающих жертвенное поведение и испытывающих чувства вины и/или страдания («обыватели», «лицемеры», «святые», «герои»)³.

Видимо, эта типология подходит для построения модели поведения человека, совершающего злоумышленные действия. Ведь он всегда осуществляет моральный выбор (чаще всего под давлением внешнего мира), хотя далеко не всегда осознает это.

² Владимир Лефевр. Алгебра совести. КОГИТО-ЦЕНТР, М., 2003, с.53.

³ Там же, с. 127-134.

ПРАКТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТА

В.К. Солондаев

(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль)

Социальное значение и последствия действий практиков, скажем, в сфере государственного управления огромны. Не меньшее значение имеют действия строителей и проектировщиков города, специалистов, обеспечивающих безопасность сложных производств и др. Массив эмпирических данных о специфике когнитивных процессов человека, включенного в реальную деятельность, накопленный сегодня в различных отраслях психологии, требует теоретического осмысления.

В первую очередь необходимо прояснить значение термина мышление в предметной области, обозначаемой как практическое мышление и мышление в практической деятельности в исследованиях Ярославской школы психологии практического мышления, сформировавшейся под руководством Ю.К. Корнилова [3, 5, 8, 9]. В настоящее время сохраняется известная неоднозначность в употреблении терминов интеллект, мышление, решение задач. Учитывая продуктивный характер мышления, особенно акцентированный в работах А.В. Брушлинского [1], мы все же считаем возможным включить в сферу практического мышления и собственно регулятивные (в большинстве репродуктивные) аспекты деятельности, изучавшиеся В.Н. Пушкиным, Д.Н. Завалишиной, Д. Дернером, Р.Стернбергом, С.Скрибнер, и процессы построения когнитивных моделей, схем, формирования образа мира, обозначаемые обычно как опыт.

Применительно к психологии практического мышления, противопоставлять опыт и мышление, регулятивные и познавательные механизмы, процесс мышления и решение практической задачи как результат просто невозможно. Очевидно, что такое противопоставление как бы растворяет сам предмет психологии практического мышления, который исчезает, теряя свою специфику. Но не менее важно и то, что подобное противопоставление неосуществимо, так сказать «технически», эти составляющие практически невозможно разделить в ходе эмпирического исследования, выделить их сложнейшего психологического содержания деятельности. Поэтому в психологии практического мышления само мышление берется в сложном единстве своих составляющих — процессуальных, результативных, когнитивных, регулятивных и др. Дифференциация этих аспектов, конечно, может быть гносеологически необходима, однако принципиально важным моментом в создании теории практического мышления является акцент на онтологическом единстве реального мыслительного процесса.

Нам следует также рассмотреть саму практику или практическую деятельность. Анализ различных дихотомий, в которых рассматривается практическое мышление, проведен Е.В. Драпак [9], поэтому мы можем ограничиться только одной дихотомией: мышление в учебной деятельности или мышление при освоении профессии — с одной стороны и мышление в профессиональной прак-

тической деятельности — с другой. Это противопоставление прослеживается в исследованиях Ю.К.Корнилова, и его сотрудников [3, 5, 9].

Исходная посылка исследования мышления в практической деятельности неявно задает противопоставление деятельности практической и какой-то другой, но не практической. Именно в рамках такого противопоставления описывает свойства практического мышления Ю.К.Корнилов [5]. На фоне такого противопоставления возникает вопрос единства мышления, которому уделял особое внимание А.В.Брушлинский [1]. Вопросам практики, активного и преобразующего взаимодействия человека с миром посвящены многие работы таких классиков отечественной психологии как С.Л.Рубинштейн, Б.М.Теплов, Б.Г.Ананьев, вопросами разработки теории деятельности занимались и А.Н.-Леонтьев, и В.В.Давыдов. Все эти авторы так или иначе подчеркивают активный характер отношения человек — мир. Можно сказать, что общим знаменателем отечественной психологии является невозможность, искусственность пассивной созерцательности.

С учетом этого мы предлагаем избавиться от дихотомического противопоставления практической и не практической деятельности, чтобы рассмотреть мышление в контексте деятельности и определить предмет психологии практического мышления как мышление в деятельности.

Нет оснований не соглашаться с С.Л.Рубинштейном [6], который выделял три вида деятельности — труд, учение, игра. С этих позиций научное познание является одним из вариантов трудовой деятельности. Может возникнуть соблазн элиминировать практическое мышление как особый предмет исследований, редуцировать его к особенностям мышления представителей конкретных профессий (ученого, врача, инженера, слесаря, политика и др.). Такой подход, как и любой другой, может иметь определенные основания, но наша цель иная — показать, что в психологии практического мышления существует собственный предмет исследований, более общий, чем особенности мышления представителей конкретных профессий. Иначе говоря, особенности практического мышления являются общими для юриста, педагога, менеджера, врача, слесаря-наладчика и т.д., но эта общность ни в коей мере не исключает таких различий в мышлении, которые детерминированы предметным содержанием труда.

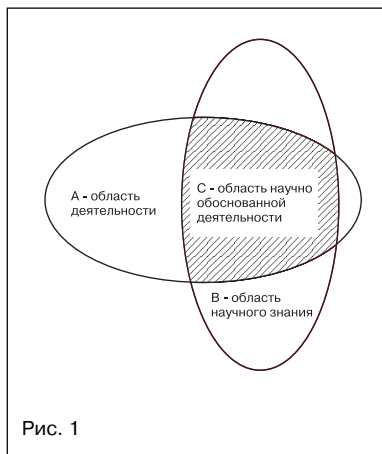
Остановимся подробнее на специфике предмета практического мышления. В.Д.Шадриковым [11] введено понятие нормативно одобренного способа деятельности, от которого отличается индивидуальный стиль деятельности. нас будет интересовать именно сам факт различия. Почему при наличии нормативно одобренного способа человек строит индивидуальный стиль деятельности? Налицо явное нарушение принципа экономии психических ресурсов, который подтверждается во многих других случаях. На наш взгляд, при изучении любой деятельности, можно проследить две области предметного содержания, порождающие третью, как схематично изображено на рис. 1.

Так может быть структурировано предметное содержание задачи (проблемы), возникающей в деятельности, поскольку практическое мышление, с очевидностью, в первую очередь обеспечивает успешное осуществление деятельности.

Очевидно, что область научного знания (В) никогда не совпадает полностью с областью деятельности (А). На их пересечении (С) возникает то практическое знание, которое будущий специалист может получить при освоении деятельности, либо в качестве описания нормативно одобренного способа деятельности. Речь идет о научном знании, предметная сфера которого так совпадает с предметной сферой деятельности как медицинская наука и практическое здравоохранение.

Приведем пример, полученный нами в ходе прикладного исследования. Квалифицированный инженер-строитель умеет оценить качество железобетонных изделий по различным показателям, и «на практике» владеет определенными методиками такой оценки. Сразу заметим, что оценка крайне редко бывает бинарной (качественно — некачественно = все — ничего). Почти всегда существует некий диапазон приемлемых значений интересующих параметров. При прочих равных условиях предпочтительны железобетонные изделия с более высокими оценками интересующих параметров качества. Это — предметное содержание области научно обоснованной деятельности (С). Область научного знания (В) в приведенном примере включает в себя не только способы оценки значимых параметров, но и обоснование того, какие именно параметры значимы в определенных условиях и почему, методики проектирования конструкций, рассчитанных на определенную нагрузку, приемы подбора/выбора материалов с определенной прочностью и т.д. Заметим, что все это научное знание отнюдь не является излишним для практика, хотя используется неявно, лишь как своеобразная рамка, поскольку в приведенном примере проектирование постройки уже выполнено другим специалистом.

К области деятельности (А) относятся совершенно другие знания. В нашем примере это знание, что качественной может быть только та конструкция, которая есть на стройплощадке или может оказаться там при заранее ограниченных усилиях (затраты времени на изготовление заводом, ограничение расходов по смете на покупку и транспортировку). Поэтому продукция комбината железобетонных изделий, расположенного в другом регионе для инженера, приведенного в пример, вообще не имеет характеристик качества, поскольку такие характеристики не могут стать предметом оценки данного инженера. Кроме того, более качественной в области деятельности (А) может оказаться

не та продукция, которая имеет лучшие значения параметров, а та, которая будет доставлена с более точным соблюдением сроков, позволит избежать задержки следующих этапов работ и не заставит спешить с окончанием предыдущих. Для организации поставки железобетонных изделий могут быть применены знания из области логистики, которые сегодня выступают по меньшей мере как функциональный аналог научного знания (В). Такую цепочку можно продолжать достаточно долго. Мы видим, что при включении в деятельность научное знание дополняется тем знанием, которое не входит в предметную область соответствующей науки. Так в процессе преподавания научные знания, например, физической химии (В), дополняются знанием о способах передачи определенного знания (С), включающем в себя знания о применимости определенных средств дидактики (А) (дидактика в данном случае понимается как научное знание).

Интересно, что похожую модель деятельности мы можем найти у И.Канта [4], который пишет о способности подводить под общее правило (в нашем примере — оценивать существенные параметры) и о способности выбирать то правило, под которое должно быть подведено явление (в нашем примере это — выбор самих параметров оценки). Не менее интересно и то, что в своей философской системе И.Кант относил практику к области морали. Моральные аспекты отчетливо проявляются в приведенном нами примере, если для своевременного завершения строительства потребуются недоступные в данный момент изделия, а доступными окажутся изделия с более низкими прочностными характеристиками. Для проектировщика ситуация морального выбора возникнет при оценке необходимого в рамках технического задания запаса прочности при учете доступности материалов на месте строительства.

Приведенный пример позволил нам обозначить область содержания психологии практического мышления через не формализованное научно содержание деятельности, взятой именно как деятельности — изначально социальной и включенной в сложнейшую сеть ожиданий, норм, связей, отношений. Такое содержание всегда остается за рамками научных исследований в соответствующей области. Принципиально важно, что всегда существует такое содержание области деятельности (А), которое не входит именно в предметную сферу научного знания, относящегося к предмету деятельности (В), а не вообще любого научного знания. Именно благодаря совпадению предмета возможно пересечение областей (А) и (В), образующее (С). Однако предметная область психологии практического мышления не равна (А)-(С). Целостность психики не позволяет игнорировать связи (А) и (С), тем более связи (С) и (В). Поясним сказанное на примерах.

Организация работы врача-кардиолога, его социальные отношения, ожидания и пр. всегда остаются за рамками эпидемиологии, этиологии и патогенеза, допустим, ишемической болезни сердца. Эта сфера деятельности врача может входить в предметную область немедицинских наук — социологии, экономики, психологии. На деятельность бухгалтера медицинские аспекты вли-

яют не меньше, чем экономические – на деятельность врача. Но в том и в другом случае эти аспекты не входят в область научного знания, непосредственно относящегося к предмету деятельности. Политическая ситуация в стране затрагивает деятельность и врача, и бухгалтера, но политология вполне обоснованно не входит в программу их профессиональной подготовки. Для успешной деятельности, как врача, так и бухгалтера необходимо не знание политологии как научной дисциплины, а умение строить свою деятельность в соответствии с актуальными для конкретного специалиста аспектами политической ситуации. Смена ориентиров в межгосударственных отношениях России непосредственно затрагивает врача в меньшей степени, чем новое постановление мэра (или муниципалитета) о медицинской помощи, оказываемой в рамках обязательного медицинского страхования. Для бухгалтера предприятия с участием иностранного капитала ситуация будет выглядеть иначе – изменения внешнеполитического курса (и соответствующие изменения учетной политики) окажут на деятельность большее влияние, чем изменения медицинской помощи в рамках обязательного медицинского страхования.

Перейдем теперь к обсуждению проблематики субъекта в контексте практического мышления. Среди специфических особенностей практического мышления А.В.Панкратов [9] описывает склонность к наделению ситуации свойствами субъекта, а Е.В.Конева [3, 9] на материале исследования представителей других профессий описывает склонность к игнорированию характеристик человека как субъекта. Такой разброс эмпирически зафиксированных свойств практического мышления, на наш взгляд, неслучаен. Для его закономерного объяснения требуется прояснение вопроса о носителе описываемых свойств. Одновременное существование субъектности и объектности в практическом мышлении объяснимо, если мы зафиксируем различные уровни практического мышления, на которых действуют различные закономерности.

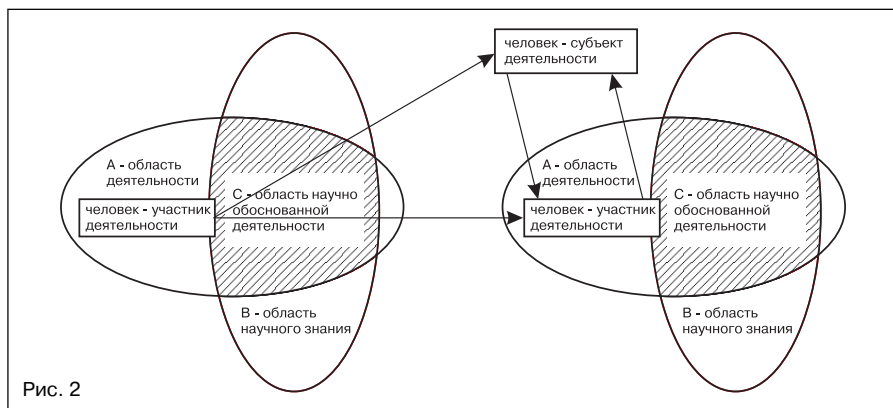
В настоящее время мы можем описать два уровня мышления в деятельности. Исходная посылка – дифференциация мышления как процесса и мышления как деятельности, заложенная в трудах С.Л.Рубинштейна [6]. Дальнейшее развитие этой идеи привело А.В.Брушлинского [1] к положению о недизъюнктивности мышления. Перспективы этих идей мы видим в дифференциации уровней практического мышления по критерию субъектности.

Исследования Е.А.Сергиенко [7] обнаружили в онтогенезе существование различных уровней субъектности. Мы считаем, что подобные уровни существуют и в практическом мышлении. Эмпирическое исследование этих уровней является основной задачей наших исследований. В настоящее время мы считаем необходимым предварительно описать две наиболее различных точки, опираясь на материалы собственных прикладных исследований и других исследований психологии практического мышления, чтобы стало возможным более строгое исследование и этих точек и того континуального перехода между ними, с которым исследователь сталкивается чаще всего. Крайние точки

континуума субъектности в практическом мышлении мы схематически изобразили на рис. 2.

При освоении деятельности человек выступает в качестве ее участника, но не субъекта. Как показано А.Л.Журавлевым [2], в качестве субъекта можно рассматривать не только индивидов, но и группы, вплоть до общества в целом. Левая часть рис. 2 изображает такую ситуацию, в которой участники деятельности выступают как коллективный субъектом, который ассимилирует человека – участника деятельности. Человек-участник деятельности воспринимает некоего субъекта, способного оказывать на него интенсивные воздействия, предъявляющего определенные требования. При этом человек скорее является объектом воздействия коллективного субъекта, чем субъектом, с которым можно взаимодействовать. Это отчетливо отражено в таких языковых клише как «ситуация/обстановка требует», «профессия/работа заставляет», «коллектив принимает» и т. д. Такая ситуация замечательно описана в юмористическом рассказе С.Лема «Путешествие первое, или Ловушка Гарганциана», где показан не только риск потери индивидуальности, но и ряд психологических выигрышей, сопровождающих потерю. Если потеря индивидуальности вначале происходит в строго очерченных границах одной деятельности, то с течением времени она может распространяться на другие деятельности, или как-то иначе менять свою конфигурацию. Иными воздействиями деятельности на человека – участника объясняет феномен стереотипии, специфически сходной у участников одной деятельности [5].

До некоторой степени именно своеобразное «расползание пятна» – растворения индивидуальности за границы деятельности – объясняет механизмы профессионального выгорания и профессиональной деформации личности. Определенная мера растворения индивидуальности неизбежна, но мера деиндивидуализации различна в различных деятельности. Так, многие индивидуальные проявления в деятельности кассира или продавца исключены законом (безотзывность оферты), но эта деиндивидуализация строго ограничена рамками взаимодействия с клиентом; деятельность офицера полностью

деиндивидуализирована в границах Устава и приказа; в разных предприятиях обязательна либо форменная одежда (мундиры, белые халаты), либо т.н. дресс-код (от англ. dress-code). Перечень подобных примеров можно продолжить. Корректнее говорить не столько о степени деиндивидуализации, сколько о ее форме, точнее о специфической конфигурации. В приведенных выше примерах это проявляется так: продавец не должен проявлять свою индивидуальность, но его действия должны быть комплиментарны запросу покупателя. Офицер безоговорочно выполняет приказ, но учитывает при этом свои индивидуальные сильные и слабые стороны. Следует признать и то, что определенная деиндивидуализация — необходимая цена «входного билета» в любую деятельность, и то, что это состояние может быть психологически очень комфортным. Не случайно Х.Хекхаузен [10] приводит описанные М.Чиксентмихейи состояния «потокового переживания» растворенности, поглощенности деятельностью как пример исключительной по силе внутренней положительной мотивации.

На правой половине рис. 2 изображена другая крайняя точка континуума субъектности в практическом мышлении. Как видно на рисунке, развитие идет по двум направлениям.

Во-первых, нигде не исчезает и модифицируется человек — участник деятельности. В приведенном выше примере офицер всегда обязан выполнять приказ. Во-вторых, возникает новое психологическое образование — человек как субъект деятельности, отделяющий себя от нее, обладающий свободой и определенным образом относящийся к требованиям деятельности. Офицер в приведенном примере может уволиться со службы, если будет часто получать приказы, которые сочтет для себя неприемлемыми. Эти две линии развития взаимодействуют между собой (отражено стрелками), между ними могут возникать разнообразные конфликты, в том числе такие, которые описаны нами как смысловые проблемные ситуации [8], разрешение которых приводит к занятию определенной профессиональной позиции. Так, офицер может принимать или не принимать позицию непричинения вреда мирному населению. Подчеркнем, что позиция офицера в отношении возможности причинения ущерба мирному населению будет определять те способы действий, которые он может применять для выполнения приказа. Поэтому есть все основания включать профессиональную или практическую позицию субъекта в область практического мышления.

Мы изобразили именно крайнюю точку континуума субъектности в практическом мышлении, поскольку в ней присутствует субъект, полностью выделенный из области деятельности. Одним из критериев высокого уровня субъектности, на наш взгляд, является наличие профессиональной позиции как противопоставления субъект — деятельность, взятого в конкретном предметном содержании. Скорее всего, такое противопоставление в принципе невозможно зафиксировать и изучить вне предметного содержания, но профессиональная позиция не должна быть единственным проявлением субъектности высо-

кого уровня, поэтому в настоящее время мы ведем поиск других проявлений.

Обычно в эмпирическом материале исследователь практического мышления сталкивается с гораздо более сложной картиной. Именно эта сложность потребовала построения описанной выше теоретической модели. В одной выборке, например, могут оказаться испытуемые с различным уровнем субъектности, что приведет к «размыванию» общей картины. Кроме того, часть функций даже практики с высоким уровнем субъектности реализуют на уровне участника деятельности, что существенно затрудняет осознание и вербальное описание таких функций.

Однако основные трудности возникают при попытке воздействовать на человека как носителя практического мышления. Обычно такое воздействие осуществляется с целью формирования социально желательных, или оптимальных с точки зрения деятельности вариантов поведения. Участники деятельности на досубъектном уровне сензитивны совсем не к тем же воздействиям, что субъекты, особенно субъекты с высоким уровнем рефлексии. Проблема заключается в том, что успех в деятельности определяется не только и не столько наличием субъектности высокого уровня. Достижение высокого уровня субъектности не должно рассматриваться как основная цель развития человека в любой деятельности. Приведенный нами в качестве примера офицер может вообще не развивать свою субъектность в рамках военной службы, а реализоваться как субъект художественного творчества. Заметим, что Л.Н. Толстой служил артиллерийским офицером и это — не единственный пример такого «перевода субъектности» в другую деятельность.

Данные, которыми мы располагаем в настоящее время, говорят о необходимости нахождения и описания некоего оптимального уровня, точнее, о некоей оптимальной конфигурации субъектности для конкретной ситуации. При этом определение критериев и показателей оценки оптимальности уровня субъектности сама по себе является непростой междисциплинарной задачей.

Резюмируя, можно сказать: любая деятельность, хотя и в разной степени, по содержанию является возможным предметом исследования различных наук. Поэтому многие проблемы, возникающие в реальной деятельности политика, производственника, эксперта и т.д., могут быть решены путем научной реконструкции и моделирования такого субъекта деятельности, который смог бы объединить в себе различные области знания. Психология практического мышления может предложить в этой области некоторые ориентиры. Но для ответа на вопросы, с которыми сталкивается человечество на современном этапе развития, требуется сотрудничество представителей различных наук, которое только и может привести к синергетическому эффекту. Деятельность некоторых консалтинговых компаний, соединяющих глубину исследования с практической эффективностью, убеждает в наличии позитивной перспективы междисциплинарного подхода к проблеме субъекта.

Литература

1. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. – М., 2003.
2. *Журавлев А.Л.* Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке. – М., 2000.
3. *Иванова Н.Л., Конева Е. В.* Социальная идентичность и профессиональный опыт личности - Ярославль, 2003.
4. *Кант И.* Критика чистого разума. – СПб., 1993
5. *Корнилов Ю.К.* Психология практического мышления. - Ярославль, 2001.
6. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. - М., 1976.
7. *Сергиенко Е.А.* Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке. – М., 2000.
8. *Солондаев В.К.* Смысловые проблемные ситуации в мышлении практика // Рефлексивный подход к психологическому обеспечению образования. Сборник статей. – М. – Ярославль, 2004.
9. Субъект и объект практического мышления. Монография / Под ред. А.В. Карпова, Ю.К. Корнилова. – Ярославль, 2004.
10. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. (в 2-х тт.) - М., 1986
11. *Шадриков В.Д.* Психологический анализ деятельности. - Ярославль, 1979.

Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ, № проекта НШ-5262.2006.6

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ: ОБРАЗОВАНИЕ, ПСИХОПРОФИЛАКТИКА, ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

А.В. Сухарев

(Институт психологии РАН, Москва)

Нарастающие вследствие развития СМИ, коммуникаций, миграций информационные потоки, подчас весьма негативно воздействующие на психику человека и во многом обуславливающие системный кризис в современном мире, требуют новых системных гуманитарных технологий для диагностики и управления соответствующими процессами. Эти технологии должны быть направлены на выработку ценностных оснований, прогнозирование и регуляцию поведения человека в условиях «сжимающегося» культурно-информационного пространства нашей планеты, когда не только целые народы, но и отдельные личности все в большей степени становятся взаимозависимыми, несмотря на огромные разделяющие их расстояния.

Проектирование устойчивого развития в области образования, психопрофилактики психической дезадаптированности (в широком смысле - наркотизма, асоциального поведения, межэтнических конфликтов, психических расстройств и пр.) предполагает учет всего многообразия внутренних и внешних факторов (параметров), влияющих на поведение человека. Эти факторы (они же – этнические признаки) можно свести к трем большим группам: климато-географические, антропо-биологические и культурно-психологические (включая конфессиональные и нравственные).

Этнофункциональный подход в применении к психике человека состоит в том, что данные параметры, по сути, являются этническими признаками, а каждый элемент из этих групп может быть наделен *этнической функцией* интегрирующей или дифференцирующей его с тем или иным этносом или системой этносов. Развитие отдельных систем в рамках «геобиоценоза - антропосферы - ноосферы» с позиций этнофункциональной методологии имеет также этнокультурную специфику и осуществляется по указанным выше группам параметров.

Этнофункциональный подход базируется, в частности, на двух методологических посылах:

1. В современном мире этнические факторы все более обретают значимость не только для общественных групп, но и для отдельных личностей. Например, по мысли Э. Эриксона, в Европе в начале XX века такую особую значимость для человека имела сексуальность, что позволило З. Фрейдю выработать соответствующую модель, длительное время эффективно объяснявшую и прогнозирувавшую поведение человека. Нарастание роли этничности в самосознании человечества дает определенное основание для моделирования поведения личности и человеческих сообществ, исходя из этнической парадигмы. Этничность в современной культурно-исторической ситуации является сингулярной характеристикой, относительно болезненно воспринимаемой людьми, что косвенно указывает на возможность интенсивного развития соответствующих научных, идеологических, ценностных и пр. конструктов.
2. Этнофункциональный подход является дополнительным по отношению к традиционному типологическому подходу в этнологии и этнопсихологии. Данный подход позволяет более адекватно учитывать специфику влияния этнических факторов в условиях нарастания этнокультурной «мозаичности» (В.А. Тишков) современного мира

Многочисленные эмпирические психологические исследования показывают, что наличие в системе отношений личности *этнофункционально рассогласованных* элементов (т.е. элементов, имеющих взаимно дифференцирующую этническую функцию) может являться фактором риска возникновения ее психической (личностной, психосоматической, социально-психологической и пр.) дезадаптированности.

Система отношений личности ко всем этническим признакам характеризуется не только «пространственно» как отношения ко всем группам этнических признаков, но и во «временном» аспекте. В соответствии с общебиологическим принципом повторения общего плана филогенеза в онтогенезе, можно рассматривать не только общечеловеческие закономерности развития, но и отдельные этнокультурные общности или их объединения. Этнической функцией можно наделять также и специфику фило- и онтогенеза каждой такой общности и соответствующего этнофора (носителя этнических признаков). В частности, для личности воспитывающейся в русской культуре, можно выде-

лить такие *стадии* развития как пренатальная, природная, сказочно-мифологическая (соответствует «языческой» стадии развития русской культуры), религиозно-этическая (соответствует христианской стадии развития), научно-познавательная (соответствует эпохе развития научного мировоззрения и модернизации) и др.

«Мозаичность» информационного культурно-экологического пространства на современном этапе культурно-исторического развития обуславливает нарастание количества этнодифференцирующих элементов в обществе, так и влияние их на психическое развитие отдельной личности. *Нарушения этнофункционального психического развития* — это этнофункциональные рассогласования содержания стадий (например, ребенку, родившемуся и проживающему в Подмоскowie, читают сказки народов Южной Америки и т.п.), а также нарушение последовательности или «выпадение» стадий *этнофункционального психического развития*. Они повышают степень выраженности *этнической маргинальности* личности и являются факторами риска возникновения психической дезадаптированности личности в конкретной этнокультуре.

Имеются эмпирические результаты как в констатирующих, так и формирующих (психокоррекция, воспитание, психотерапия) экспериментах, свидетельствующие об определенном вкладе нарушений этнофункционального психического развития в возникновение криминального поведения, наркотизма и алкоголизма, психических и психосоматических расстройств (например, таких как возникновение патологии беременности и патологии родов, невропатологии у младенцев, онкологических заболеваний у детей, возникновение психических и психосоматических расстройства в старческом возрасте и др.), а также снижение академической успеваемости у учащейся молодежи. Исследования эффективности образовательного процесса показали, что помимо повышения репродуктивных характеристик умственного развития, учет этнофункционального аспекта содержания и методов обучения повышает уровень *творческого интеллекта* у учащейся молодежи в высшей и средней школе.

С позиций этнофункционального подхода *пассивная информационная безопасность* рассматривается как психопрофилактика описанных выше проявлений психической, социально-психологической и др. дезадаптированности, криминального поведения, межэтнических конфликтов и т.д. посредством учета этнофункционального аспекта, прежде всего, при разработке концепции образования и в информационной политике в целом. В частности, имеются эмпирические результаты, свидетельствующие о наличии связи между нарушениями этнофункционального психического развития у молодежи в возрасте до 9 лет с возникновением у них *эмиграционных намерений* после окончания вуза (это актуально, например, в свете статистических данных об «утечке мозгов» — только в 2005 г. на длительные сроки для работы за границей из России выехало около 20.000 квалифицированных профессионалов, включая специалистов из ВПК). Эти нарушения связаны и с проблемами призыва молодежи в армию, а также с надежностью военных и гражданских кадров.

Активная этнофункциональная информационная безопасность потенциально является военной гуманитарной технологией, использующей соответствующие закономерности и эмпирические результаты. Она может быть направлена на «размывание» этнофункциональной целостности информационно-культурного пространства государства-агрессора или вероятного противника со всеми вытекающими, согласно имеющимся результатам, последствиями для психобиологического и морального состояния военнослужащих и гражданского населения.

В настоящее время этнофункциональный подход является высоко *операционализированной и апробированной в ряде областей гуманитарной технологией*, которая позволяет гибко учитывать региональную специфику не только в системе образования для целей повышения уровня обучения и творческого потенциала обучающихся, но и в проведении информационной *политики по профилактике межэтнических конфликтов* и повышения степени организации системы этнокультурных сообществ.

В целом применение этнофункциональной методологии в психологии можно рассматривать как системную гуманитарную технологию, направленную на обеспечение устойчивого развития личности и человеческого сообщества не только в рамках определенной этнокультуры, но и как перспективное моделирование взаимодействия природно-этнокультурных целостностей в масштабе «сжимающегося» информационного пространства нашей планеты.

АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

О.Л. Сытых

(Алтайский государственный университет, г. Барнаул)

Наука, постепенно углубляя и расширяя свои предметные границы, вышла за пределы прежних представлений и старых методологических установок, выступив в «новом облике» постнеклассической науки. Отметим некоторые, на наш взгляд, значимые для её изменения моменты. Это:

- переход от исследования процессов и объектов макромира к изучению мегамира и микромира;
- в самом макромире заметно движение в направлении от исследования предметов и процессов к исследованию отношений между предметами;
- включение в познавательную сферу всё большего числа человекоразмерных объектов;
- выдвижение на первый план «комплексных проблем», требующих для своего решения усилий представителей различных наук и общественности.
- появление тенденции при исследовании человека рассматривать его ни как случайную частицу мироздания, а как важное звено эволюции Вселенной, задающее само изучение (а иногда и развитие) мира.

Эти изменения можно назвать изменениями в предметной области науки. Но они повлекли за собой изменение в методах исследования и в подходах. А взятые вместе, эти перемены породили много актуальных научных проблем методологического характера. Остановимся на них подробнее.

Так, исследование микро и мегамира привело ученых к необходимости учитывать не только в процессе познания, но и в результатах, субъективность. При этом следует отметить, что если в неклассический период развития науки (первая половина XX в.), с которого собственно и начинается глубокое исследование микромира, проблема субъективности была осмыслена как проблема учёта средств и методов познания, то в период постнеклассической науки поставлен вопрос о социально-культурной субъективности познания. Речь идёт уже о субъекте как представителе конкретной социо-культурной эпохи, овладевшим соответствующими методами, усвоившим опыт поколений, применяющим соответствующие критерии точности и т.д. Сегодня стоит вопрос о том, как это всё должно фиксироваться и отражаться в результатах познавательной деятельности?

Современное обращение к изучению отношений между предметами породило представление о ряде «возможных», вероятных ситуаций, каждая из которых дополняет предыдущую, создавая общее представление об отдельных фрагментах реальности, с включением предметов и отношений между ними, отношений, которые часто задаются деятельностью человека. Таким образом, при изучении объектов макромира введение человека как представителя конкретной эпохи становится настоящей научной потребностью. Отсюда становится понятной необходимость антропного принципа в методологии науки. Но как можно исследовать отдельные фрагменты действительности, содержание и структура которых задаётся человеком, исследовать грамотно, приближаясь, а не удаляясь от реальности? Это ещё одна важная методологическая проблема. Решение её некоторые учёные видят в широком использовании метода компьютерного моделирования и математической гипотезы. Думается, что речь должна идти не только о методах, но и о результатах познания. А говоря о последнем, мы непременно выйдем на интерпретацию и понимание, дающие гибкое сочетание дополняющих картин реальности.

Изучение человекообразных объектов, которыми особенно активно занимаются учёные в конце XX—начале XXI в., безусловно, составляет важную особенность современной науки, и это явление также меняет образ самой науки, определяя ряд её важных проблем. Это исследование можно представить схемой «предмет-человек», где предмет (объект) и человек (субъект) не противопоставляются (в этой связке), а слиты. Само исследование, его результат зависят от отношения общества к объекту изучения, к исследуемой проблеме. Движение подобного знания тесно связано с использованием «диалога» и «полилога» как необходимых методов его развития. Одним из итогов такого диалога может стать создание «полимодели», в которой, кроме объективных параметров, представлено некоторое «поле» субъективных характеристик, фиксирующих исследовательские установки».

Исследование проблем, требующих комплексного подхода — ещё одна важная примета современной науки (энергетики, экологии и др.) Здесь требуются усилия многих наук. Как их лучше всего координировать, если само сущностное определение предмета у представителей различных наук бывает часто различным? Здесь большой плюс, что проблема рассматривается с различных сторон, но порой упускается единство в понимании и определении самого предмета исследования. Очень важной проблемой сегодня является проблема поисков методологии, адекватной современному уровню комплексных научных исследований. В этом ключе встаёт вопрос о правомерном заимствовании методов наук.

И, наконец, остановимся ещё на одной особенности современной науки, в частности на том, что человека сегодня часто рассматривают как важное закономерное звено эволюции Вселенной, задающее само изучение (а иногда и развитие) мира. В частности, учёные обратили внимание на тот факт, что будущее общества нередко определяется нашими прогнозами и верой в их осуществление. Из социологии, психологии и ряда других социогуманитарных дисциплин эта идея сегодня пришла в естествознание, она начала использоваться при создании современной картины мира, включающей в себя синтез теоретических знаний всех наук при опоре на несколько важных мировоззренческих идей.

Следует отметить, что сегодня, когда наука становится частью человеческого мира, остро встаёт проблема разработки и утверждения новой методологии, фиксирующей субъективность как элемент содержания знания о предмете, но при этом не отказывающейся от наиболее значимых идеалов классической науки.

РЕПУТАЦИЯ: ВЫБОР ПОЛИТИКА КАК ВЫБОР ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО

А.Ю. Трубецкой

(Консалтинговая корпорация «Новоком», Москва)

Будущее формируют цели сегодняшнего дня. В политической жизни выборы во властные структуры — это всегда надежды на позитивные изменения в будущем, которые персонифицированы в фигурах конкретных людей. Каковы ожидания людей от власти? Русский историк и философ В.С.Соловьев (1887) сформулировал главное правило истинного прогресса, которое состоит в том, чтобы государство как можно меньше стесняло внутренний мир человека и обеспечивало внешние условия для достойной жизни и совершенствования людей. В концепцию социального государства, по В.С.Соловьеву, входят церковь как безусловный авторитет, царь как воплощение власти, человек как носитель безусловной свободы. Государственная политическая власть согласует эти три элемента государства с целью общественного блага, при котором будет соблюдено равенство всех в своем человеческом достоинстве.

Однако, как писал еще П.И.Новгородцев (1917), общество по своей природе конфликтно, в силу противоречий, лежащих в основе развития личности как социального существа и порождающих столкновение человека и общества. Одни противоречия разрешаются через общественный компромисс, когда личность готова отказаться от ряда своих потребностей и взять на себя некоторые обязанности перед обществом. Другие противоречия между государственными и личными интересами имеют кардинальный характер. Поэтому необходима политическая власть как регулятор общественной жизни, устанавливающий нормы, законы и правила, при соблюдении которых членам общества могут быть гарантированы определенные права и свободы личностного развития.

Для российского менталитета, как показывают психологические исследования (например, данные К.А. Абульхановой, Г.Э. Белицкой (1997)) характерна высокая связанность представления о себе с представлением «я – общество», а также преобладание морального сознания, т.е. моральные представления (прежде всего, чувство ответственности и совесть) входят системообразующими факторами в политические и правовые представления россиян.

Эти особенности проявляются и в образе представителей власти. Исследуя репутацию политического лидера, мы пришли к выводу, что в политической коммуникации политик предстает как претендент на власть на различных уровнях – трансцендентальном, социальном, личностном, биологическом.

На *биологическом уровне* политику важно предьявить здоровье, силу, ум, темперамент, способности, выраженность мускулино-феминных черт, открытость, что в глазах разных социальных групп создает впечатление эмоциональной привлекательности. На *личностном уровне* важны такие качества, как мотивация стремления к власти, сила воли, компетентность, нравственно-этическая шкала ценностей. На *социальном уровне* политический лидер предстает со стороны политического мировоззрения, понимания смысла власти в обществе, отношения к народу, к стране. В результате воздействия на социальные группы с этого уровня власти производится впечатление надежности и меры ответственности лидера перед обществом, близости к народу, компетентности в управлении. Это позволяет политику получить необходимую поддержку политическим, экономическим и социальным решениям, которые он предлагает. На *трансцендентном уровне* речь идет о причастности к духовной культуре своего народа, к прошлому нации, отношении к традиционным конфессиям, связь с наиболее уважаемыми и компетентными членами правящей, духовной, научной, культурной и военной элиты.

Используя совокупность методов (психосемантическое шкалирование, метод ассоциаций, метод фокус–группы, литературно-историческая реконструкция) мы выявили психологическую структуру репутации политического лидера. В психосемантическом пространстве она предстает как совокупность следующих категорий-факторов: «предназначение власти», «сила личности», «нравственно-этическая позиция», «религиозность», «мускулиность – феминность», «коммуникативная установка», «тип мышления», «стиль руководства»,

«выразительность». Эта структура репутации устойчива: она проявилась в разных социальных группах (интеллигенция, рабочие, сельские жители, пенсионеры, молодежь), в разных регионах страны.

Категории-факторы распределены по разным уровням репутации. Часть факторов — «религиозность», «маскулинность-феминность», «нравственно-этическая позиция», «стиль руководства», «тип мышления» воплощают тот или иной уровень репутации в чистом виде, другие факторы оказываются на пересечение разных уровней.

Таким образом, в общественном сознании представление о политическом лидере не сводится к совокупности внешних имиджевых характеристик (узнаваемый социальный типаж, считываемый по особенностям одежды, стилю общения и т.п.), а содержит значимую информацию об общественном предназначении власти, о миссии политика, которая репрезентируется в репутации. В репутации большое значение имеет идеология как система социально-значимых идей и ценностей. Для электората тип идеологии, реализуемый политиком, презентует возможность определения вектора социального развития: патерналистский, либеральный или же иные варианты. Приверженность представителей электората той или иной идеологии означает для них возможность осознанного выбора ими своего будущего, соучастие в его реализации через выбор лидера — носителя этой идеологии и тем самым повышение избирательной ответственности и гражданской ответственности.

Изучение репутации позволяет углубить понимание закономерностей политического выбора. Предложенная нами структура репутации может быть использована при анализе взаимодействия политического лидера и электората, для прогнозирования политического поведения политика и его политической жизни, а также в технологии репутационного менеджмента.

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ: ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ К КОММУНИКАТИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

А.З. Фахрутдинова

(Сибирская Академия государственной службы, г. Новосибирск)

Говоря о современных российских реформах, — а сегодня реформированию подвергаются почти все сферы жизни общества и системы государственного и муниципального управления — можно отметить их существенную методологическую неоднородность. Это различие, а возможно и несовместимость, характерно, например, для таких наиболее заметных и обсуждаемых направлений реформирования, как национальные проекты и административная реформа. Представляется, что логика разработки и реализации национальных проектов разворачивается в рамках классических моделей управления и рациональности, в то время как административная реформа¹ ориентирует на их постнеклассические варианты.

Модель классической рациональности в рамках теории управления представлена в различных вариациях. Во-первых, это модели школ научного и административного управления. В соответствии с ними процесс управления понимается как разработка регламентов и стандартов на вершине организационной иерархии, доведение этих стандартов до исполнителей и контроль исполнения этих регламентов. Подобные методологические установки объединяют концепции Ф.Тейлора, А.Файоля, Л.Гьюлика. Во-вторых, эта социентальная версия тейлоризма – административно-командная система управления обществом. Третьим вариантом реализации классической рациональности в управлении является нормативный подход в теории принятия решений, в частности его исходная абстракция – модель абсолютно рационального индивида. Она основывается на представлениях об абсолютно рациональном индивиде, обладающем всей полнотой информации и подчиняющего свои действия постулатам последовательности и максимизации.

Для данных моделей характерны формализованное описание субъекта управления, отсутствие обратной связи и возможности корректировки принятых стандартов. На наш взгляд, они в полной мере реализуют идеалы и нормы классической научной картины мира и классической рациональности, в частности принципы «элементаризма», редукционизма, жесткого лапласовского детерминизма.²

Так, элементаристская установка проявляется в классическом менеджменте в понимании организации как суммы индивидов без учета их взаимодействия, трудового процесса как совокупности отдельных операций, ориентации на индивидуальное стимулирование труда, на управление отдельной личностью и отдельной трудовой операцией. Редукционизм принимает форму механицизма – в трактовке организации как машины – и экономизма – в сведения индивида к его экономическому измерению.

В соответствии с механистической интерпретацией организации, последняя абсолютно управляема, поведение ее членов полностью предсказуемо и жестко детерминировано. Установка на продвижение по бюрократической лестнице в административных структурах и экономические стимулы в коммерческих организациях однозначно задает траекторию жизни сотрудника, исключая из нее все случайное, эмоциональное, социальное. Очевидно, это описание вполне вписывается в детерминистическую картину мира в ее классическом лапласовском варианте.

Вполне логично, что административная и научная рациональность в своей классической интерпретации исключает из картины мира человека с его лич-

¹ Имеется в виду Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006-2008 гг., одобренная распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005г. № 1789-р.

² Диев В.С., Фахрутдинова А.З. Неорационализм в современном управлении (философско-методологический аспект) / Социальная философия и социальная инженерия: Научные труды межвузовского научного семинара. Научные труды Сибирской академии государственной службы. – Новосибирск. СибАГС. – 1998. С. 6 – 16.

ностными проявлениями. В науке человек лишь дешифратор замысла Творца или текстов Природы; он дистанцирован от изучаемого объекта, его познавательная деятельность и личностные качества не влияют на описание мира. «Классическая наука, — отмечают И.Пригожин и И.Стенгерс, — была порождена культурой, пронизанной идеей союза между человеком, находящимся на полпути между божественным порядком и естественным порядком, и богом, рациональным и понятным законодателем, суверенным архитектором, которого мы постигаем в нашем собственном образе»³. А по другую сторону — унылая штука без звука, без запаха, без цвета. Одна только материя, спешащая без конца и без смысла» (Уайтхед). То же и в классических моделях управления: управляющие и управляемые миры разделены непроницаемым барьером. Основной персонал организации — пассивные исполнители, жестко вписанные в конвейерную систему разделения труда. По другую сторону — менеджер, руководитель. Он создает организационную систему, знает все законы ее функционирования, предвидит все возможные последствия и эффекты и управляет поведением людей. Он тоже на «полпути к богу», но его бог — это рациональность. В соответствии с этой моделью роль руководителя организации полностью обезличена, формализована, бессубъектна (В.Е.Лепский).

Наиболее четко видна эта формализованность и бессубъектность в классической теории принятия решений (Дж. фон Нейман, О.Моргенштерн). В соответствии с исходной идеализацией — моделью абсолютного рационального индивида — лицо, принимающее решение (ЛПР), подчиняет свою деятельность двум постулатам: постулату последовательности и постулату максимизации. Первый из них предполагает абсолютную упорядоченность и транзитивность предпочтений индивида, второй — установку на выбор решения, максимизирующего целевую функцию по выбранному критерию. В модели ЛПР нет места ценностям, социальным и психологическим факторам, случайности и неоднозначности.

Очевидно, что даже абстрактный и беглый анализ характерных черт модели классической административной рациональности обнаруживает множество ее проекций в плоскости современного российского государственного управления и реформирования. Прежде всего, это касается механизмом разработки реформ, принятия государственных решений в целом. Чаще всего они разрабатываются в узком кругу, без должного согласования и общественного обсуждения, с полной уверенностью разработчиков в своей абсолютной рациональности и возможности просчета всех последствий в стиле «демона Лапласа» — вымышленного существа, обладающего всей полнотой информации, научных знаний, способного, зная состояние Вселенной в один произвольно выбранный момент, «вычислить» ее прошлое и будущее.

Г.Г.Малинецкий подчеркивает, что реформы государственного управления, начиная от Концепции перестройки государственной службы, одобренной

³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. — М., 1986. — С. 97.

Ельциным в 1998, до административной реформы по изменению системы и структуры федеральных органов исполнительной власти, разработанной Высшей школой экономики, реализуют установки «машинной» парадигмы государственного управления.

«Реформа была изначально обречена, — пишет он, — так как опиралась на представления и парадигмы прошедшей более века назад эпохи, и так как она игнорировала реальность и тот глубокий системный кризис, в котором сейчас находится Россия»⁴.

Ситуация мало изменилась и сегодня — в конце 2006 г. Свидетельством этого являются реформы науки и образования, принятие и скандальная реализация т.н. закона «о монетизации льгот», «раскрученные» национальные проекты. При всей видимой социальной ориентированности последних методология их разработки и реализации лежит в плоскости старых, классических моделей рациональности. Прежде чем раскрыть и обосновать эти положения, бегло проследим судьбу классической модели административной рациональности в теоретической плоскости.

Кризис классической административной рациональности начинается в рамках теории управления в 20-30 годы прошлого столетия. Характерно, что это происходит примерно в то же время, что и начало кризиса классической научной рациональности. Учítывая, что аналогии между этими двумя типами рациональности не осознавались, данная синхронность объясняется, по-видимому, производностью той и другой от некой единой культурной матрицы. В рамках философской и методологической рефлексии пересмотр этой матрицы принимает формы критики проектов модерна и Просвещения, теории целерационального действия, пересмотра классической научной картины мира с позиций синергетического мировоззрения и т.д. Российский вклад в эту область представлен работами М.К.Мамардашвили, Г.П.Щедровицкого, В.А.Лефевра, В.С.Степина и др.

В теории управления ту же роль выполняли «гуманистический вызов» школы «человеческих отношений, пересмотр моделей абсолютной рациональности в теории принятия решений (в теории ограниченной рациональности Г.Саймона и минимальной рациональности К.Черняка), развитие дескриптивной теории принятия решений, теории открытых организационных систем Д.Каца и Р.Кана, концепции управления транснациональными корпорациями С.Бира и пр. Все эти теории осуществляют критику классического менеджмента и показывают неадекватность его принципов современным реалиям. Они акцентируют внимание на необходимость внедрения сетевого управления, учета социальных и психологических факторов, соотнесения рациональных технологий с ценностными образованиями, рассмотрения организации как открытой системы с обратной связью, внедрение рефлексивных и коммуникативных технологий.

---

⁴ Г.Г.Малинецкий. Инновационное государственное управление // На пути к постнеклассическим концепциям управления. — М.: Институт философии РАН. 2005. — С. 123.

Представляется, что существенным фактором концептуального оформления и философского обоснования данных критических положения стали модели социальной, рефлексивной и коммуникативной рациональности в управлении. Они были разработаны в работах А.Этциони (социальная рациональность), Э.Гидденса и П.Бурдьё (рефлексивная рациональность), Ю.Хабермаса (коммуникативная рациональность) и др. Данные модели, в частности представления о коммуникативной рациональности Ю.Хабермаса, появляются как новая версия модели рационального действия, как ответ на деконструктивные тенденции постмодернистской философии по отношению к рациональности вообще и веберовским представлениям о целерациональном действии как основе общественной рационализации в частности. Теория коммуникативного действия Ю.Хабермаса трактует общественную рационализацию не как утверждение целерациональности в сознании и действиях членов общества, а как процесс преодоления нарушений общественной коммуникации, как движение к пониманию и согласию.

Один из вариантов модели коммуникативной рациональности был разработан автором данной статьи в монографии «Рациональность в социальном познании и управлении»⁵. В соответствии с этой моделью возможность рационального действия связывается со способностью субъекта действия рефлексировать по поводу условий и оснований действия, перестраивать в ходе рефлексии эти основания, изменять условия действия и подключаться к новым детерминантам за счет выстраивания новых коммуникативных связей. Применительно к практике управления эта модель предполагает внедрение методологии междисциплинарного исследования, процедур согласования, общественного обсуждения и комплексных экспертиз при разработке и оценке государственных решений, технологий прогнозного проектирования, социального участия и пр. Попробуем рассмотреть возможности моделей коммуникативной рациональности для оценки отдельных направлений государственного реформирования в России.

Ранее было отмечено, что многие реформы и проекты реализуют устаревшую модель рациональности. Рассматривая процесс реформирования с точки зрения логики принятия решений, уточним, что классическая рациональность реализуется только в отношении одного аспекта модели абсолютно рационального индивида – противопоставления рационального ЛПР, владеющего всей полнотой информации и знаний и способного априори детально разработать решение и рассчитать его последствия, и пассивного исполнителя. Подчеркнем, что при кажущейся активности и социальной ответственности позиции реформатора, она, по своей сущности, реализует идеологию бессубъектности. Действительно, субъектом может быть только тот, кто несет личную ответственность за принимаемые решения, кто открыто вступает в коммуникативное пространство и взаимодействует с другими субъектами. «Главные симптомы этой

⁵ Фахрутдинова А.З. Рациональность в познании и управлении. – Новосибирск: НГУ. 2002.

болезни (бессубъектности – А.Ф.): блокировка рефлексии, неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться над ней и самоидентифицироваться, отсутствие смелых, хорошо обдуманных «прорывных» идеи и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать» – характеризует феномен бессубъектности В.Е.Лепский⁶.

Однако, если в отношении рассмотренного аспекта методологии в процессе принятия решения все-таки реализуется модель рациональности (хотя и устаревшая), другой ее компонент и вовсе отсутствует. Речь идет о реализации постулата максимизации, предполагающий ориентацию на принятие оптимального решения с использованием рациональных технологий, в частности обязательный учет и прогноз факторов и степени неопределенности внешней среды, прогноз последствий принимаемого решения, обязательную альтернативность при выборе средств достижения цели.

В частности, существенным недостатком существующей практики разработки решения является слабость прогнозирования. В органах власти достаточно редко используются как аналитические, так и интуитивные экспертные методы, методы математического моделирования. На разработку и внедрения компьютерных систем поддержки решения, на приглашение независимых экспертов для разработки научно обоснованных сценариев развития внешней среды и прогнозов прямых и побочных последствий реализации альтернатив чаще всего не хватает средств. В качестве основного метода прогнозирования используется метод экстраполяции. Между тем он применим только в условиях стабильной внешней среды и неизменности факторов прогнозной модели, что совсем не характерно для экономического, политического и социального развития современного российского общества.

Другая важнейшая для всей системы государственного управления проблема – безальтернативность при принятии решений. Проекты и программы в основном принимаются без должного рационального просчета последствий различных альтернатив, сравнения возможных выгод и издержек.

Конечно, не развив даже базовые процедуры рациональности, очень трудно идти вперед - по пути реализации коммуникативной рациональности. А этот путь предполагал бы подключение всех заинтересованных сторон и специалистов разного профиля к обсуждению целей реформ, анализу и синтезу различных аспектов проблемной ситуации; синтезу экспертных и математических методов при прогнозировании прямых и побочных последствий различных альтернатив; совмещению процедур прогнозирования и согласования интересов субъектов проблемной ситуации, развитию процедур оценки эффективности решений.

На решение первой (целеполагание) и последней (оценка результативности) задач и, следовательно, реализацию рефлексивной и коммуникативной рациио-

---

⁶ В.Е.Лепский. Преодоление бессубъектности – стратегическое направление развития системы управления в России / На пути к постнеклассическим концепциям управления. – М.: Институт философии РАН. 2005. – С.6-7.

нальности направлена концепция административной реформы на 2006-2008 гг. Стержнем ее идеологии является внедрение в органах государственной власти и подведомственных организациях управления по результатам.

За счет внедрения управления по результатам и бюджетирования, ориентированного на результат, должна быть обеспечена рефлексивность управления, действие механизма обратной связи. Коммуникативная составляющая заключалась бы в повышении эффективности взаимодействия органов власти и общественности, подключении — в идеале — общественности к контролю и оценке эффективности государственного управления и качества государственных услуг.

Данные концептуальные положения дополняются анализом возможных трудностей и препятствий на пути внедрения данной новации (что также демонстрирует определенную рефлексивность реформаторов): Фиксируется отсутствие методики расчета показателей результативности по направлениям деятельности органов исполнительной власти и учреждений в государственной сфере, системы сбора и обработки информации, необходимой для формирования набора целевых значений показателей результативности, и системы мониторинга их достижения. Показано, что нет детальной проработки механизма, позволяющего учитывать оценки результативности для стимулирования деятельности государственных служащих и сотрудников государственных учреждений. Отмечается, что механизмы среднесрочного планирования на основе оценки результативности бюджетных расходов практически не работают, не решен вопрос с организационно-правовым статусом государственных и муниципальных учреждений.

Казалось бы, все хорошо. Наметился прорыв к новой модели рациональности, к новой модели управления. Проблемой, однако, является — при достаточной методологической адекватности и концептуальной проработанности — чужеродность данного документа и данной идеологии в целом для всей системы государственного и муниципального управления. Общеизвестно, что многие учреждения социальной сферы, в частности образовательные учреждения, учреждения системы РАН и др., давно отправили разработанные показатели оценки результативности в соответствующие министерства, а изменений в системе бюджетирования до сих пор нет. На местах и в центре с трудом представляют механизмы перераспределения бюджетных средств на основе оценки эффективности бюджетных расходов. Неясна также судьба неэффективных учреждений, скажем судьба неэффективно работающей школы в сельской местности.

Внедрение коммуникативной модели управления может быть осуществлено только в постоянном диалоге с населением. Такой диалог, осуществляемый в формах социальных экспертиз и всевозможных общественных советов, через деятельность депутатов и общественных организаций, благодаря усилиям средств массовой информации и политических объединений, позволит достичь конечных целей государственных реформ, будет способствовать формированию гражданского общества и ответственной позиции власти перед потребителем своих услуг — населением России.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ТЕЛЕВИДЕНИЕ: ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЙ КОНФЛИКТ

А.В. Шариков

(Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва)

После распада СССР и вступления на путь социально-экономических реформ телевидение России претерпело парадигмальные трансформации. Рассмотрим, как происходило это движение, взяв за точку отсчета 1985 год.

В теории прессы принято рассматривать четыре основные парадигмы (нормативные модели) в деятельности СМИ, которые в той или иной степени распространены в мировой практике (см., напр., [3], [4] и др.). Это авторитарная, либертарианская, советская модели, а также модель социальной ответственности. Перечисленные модели мы предлагаем описывать с помощью двух теоретических конструктов, представляющих собой две содержательные оппозиции. Одна из них противопоставляет *допустимость критики власти* и недопустимость таковой. По этому основанию обычно разделяют авторитарную и либертарианскую модели. Вторая оппозиция опирается на понятие *общественного интереса*. В данном контексте общественный интерес предполагает удовлетворение потребностей разнообразных социальных групп, уважение прессой мнения общества относительно СМИ, выстраивание деятельности редакций в соответствии с базовыми ценностями и моральными нормами общества, разделяемыми большинством его членов, принципиальный отказ от попыток насильственно внедрить чужеродные ценности и нормы. Общественному интересу противопоставляется частный, который может проявляться и как корпоративный интерес, в крайнем выражении принимающий вид циничного корпоративного эгоизма.

Пересечение двух указанных категориальных пар приводит к четырем нормативным полям, в которых в принципе может разворачиваться парадигмальная трансформация СМИ (см. рис.1):

- модели, где доминирует общественный интерес, но существует запрет на критику власти (социально ориентированная авторитарная модель, советская модель);
- модели, где доминирует общественный интерес и допускается критика власти (социально ориентированная либертарианская модель, модель социальной ответственности, концепция общественного вещания);
- модели с преобладанием частного интереса и разрешением на критику власти (коммерчески ориентированная либертарианская модель);
- модели с преобладанием частного интереса и запретом на критику власти (коммерчески ориентированная авторитарная модель).

Идеалом для общества является второе из четырех перечисленных нормативных полей, фактически совпадающее с моделью социальной ответственности. Наихудшим вариантом – четвертый: там нет ни свободы слова, ни общественного интереса.

До 1985 года в СССР действовала советская модель, относящаяся к первому нормативному полю: если исключить идеологическую пропаганду, то в деятельности ТВ того времени не обнаруживались негативные явления, которые стали характерны в постсоветский период, такие как избыток и навязчивость рекламы, насилие и непристойности на экране, катастрофизм в новостях, засилье зарубежной продукции, некорректный язык и др.

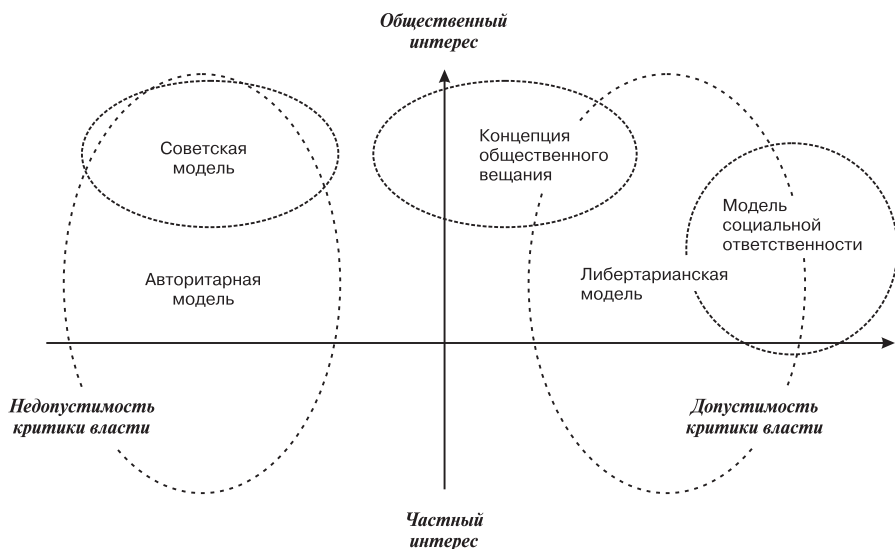

Рис. 1. Расположение наиболее известных нормативных моделей деятельности телевидения в условном пространстве категорий «Допустимость критики власти» и «Общественный / частный интерес».

1985 год — начало горбачевской перестройки, одним из краеугольных камней которой была объявлена гласность. Телевидение от авторитарной модели с жестким запретом на критику власти стало перемещаться в зону либертарианской модели, оставаясь исключительно государственным. И это позволяло удерживать его в зоне общественного интереса. В 1990 году был принят закон о СМИ, в котором редакциям разрешалось использовать рекламу как источник дохода. Так был дан старт развитию коммерческого ТВ. Оно изначально не было ориентировано на защиту общественного интереса, но и не несло авторитарного начала, потому сразу же оказалось в нормативном поле 3 — либертарианской зоне с преобладанием частного интереса. 1990-й год примечателен еще и тем, что была создана Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания (ВГТРК) в противовес Гостелерадио СССР. В контексте того времени это означало переход к большей степени либертарианизации.

Следующим важным моментом стал август 1991 года, после которого произошло упразднение Гостелерадио. Советская модель была сметена вместе с такими ее атрибутами, как официальная цензура и принцип партийности. Сложилась парадоксальная ситуация: на обломках Гостелерадио возникло множество государственных телерадиокомпаний, и в целом государственное ТВ переместилось в нормативное поле 2, где доминирует общественный интерес и допускается критика власти.

Следующим поворотным моментом был октябрь 1993 года, когда власть стала более жестко контролировать государственные каналы. В трансформации государственного вещания либертарианизацию сменил попятный процесс в сторону авторитаризма, который достиг своего апогея к 2000 г. С 1996 года развитие рекламы, реально поступающие доходы от нее породили корпоративный эгоизм государственного ТВ, которое видело в рекламе основной способ зарабатывания денег сверх бюджетных лимитов. Такое положение дел привело к изменению концепции вещания — каналы выбрали политику максимизации объема аудитории, вымыванию из сеток вещания всех программ, ориентированных на небольшие по численности социальные группы и общности. Так, с 1997 года по 2004 год объем детских программ на государственном канале РТР сократился в четыре раза, культурно-просветительских — более чем в пять раз; на 20% сократился объем общественно-политического вещания. При этом возросло количество развлекательных программ, кинофильмов и телесериалов, что позволило максимизировать аудиторию, обеспечивая тем самым максимальный приток рекламных средств. Государственное ТВ оказалось в нормативном поле 4 с преобладанием частного интереса и фактическим запретом на критику власти.

Частные каналы некоторое время продолжали движение в сторону все большей и большей критики власти. Но при этом усилился и фактор коммерческого интереса. С 2000 года начался процесс *делибертарианизации* частных каналов, и к 2005 году частное ТВ также оказалось в нормативном поле 4. Описанные парадигмальные трансформации трансформации российского телевидения иллюстрирует рис. 2.

По сути дела пребывание как государственного, так и коммерческого телевидения в данном нормативном поле означает ценностно-нормативный конфликт между телевидением и обществом в России. На это указывают и данные социологических исследований. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), полученным в репрезентативном опросе в июне 2005 года, «82% россиян считают, что на телевидении нужна социальная цензура. Причём число сторонников цензуры на российском телевидении резко увеличивается. Если год назад за неё выступали 63% опрошенных, то в этом уже 82%. С 35% до 47% возросла доля безусловных сторонников цензуры. Что касается противников цензуры, то их число резко сократилось - с 29% до 16%..»¹ Здесь необходимо сделать пояснение. Российские граждане

¹ Цит. по материалам, размещенным на сайте ВЦИОМ www.wciom.ru.

выступают не за политическую цензуру, т.е. запрет на критику власти, а за так называемую «социальную» или «моральную» цензуру. Требование политической цензуры высказывают не более 1% россиян².

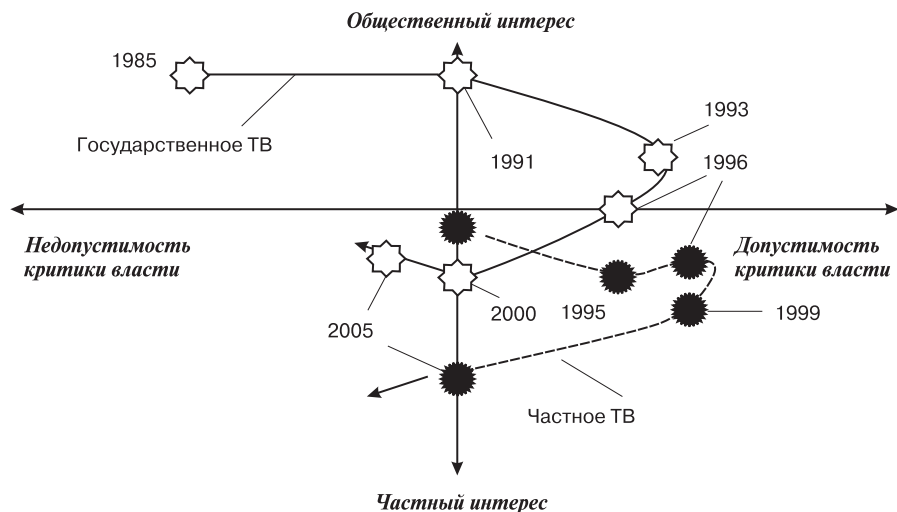

Рис. 2. Траектории парадигмальных трансформаций государственного и частного российского телевидения в 1985-2005 гг. в условном пространстве «Допустимость критики власти» и «Общественный/частный интерес»

Попытаться разобраться в сути конфликта между телевидением и обществом в постсоветской России позволило специальное исследование, проведенное автором. На основе многолетних наблюдений и результатов исследований был составлен список из 12 наиболее часто упоминаемых претензий к телевидению³. Условимся метафорически называть их «12 зол телевидения». Это:

- 1) некорректная и/или избыточная («назойливая») политическая пропаганда;
- 2) некорректная и/или избыточная («назойливая») реклама;
- 3) агрессия, физическое и/или моральное насилие на экране;
- 4) эротические элементы, противоречащие моральным нормам;
- 5) систематическое искажение реальности;
- 6) избыток негативно окрашенной социальной информации; неоправданно большое число сообщений о катастрофах, убийствах, жертвах и т.п.;

² Там же.

³ Автор статьи в течение одиннадцати лет проработал в социологической службе ВГТРК, возглавляя ее с 1996 по 2003 год, и организовал десятки исследовательских проектов по изучению телеаудитории во многих регионах России.

- 7) трансляция образцов дурного поведения;
- 8) некорректный, исковерканный язык;
- 9) чрезмерное количество зарубежной продукции;
- 10) высказываемое неуважение к конкретным людям и организациям;
- 11) высказываемое неуважение к национальным символам, национальной истории и культуре;
- 12) некорректные правовые или антиправовые действия самих телеканалов.

Полученные результаты представлены на рис. 3-4.

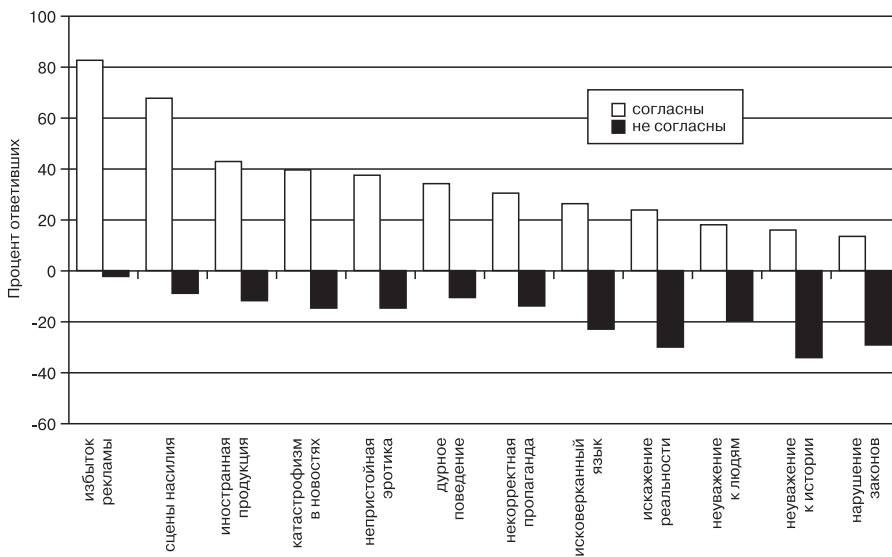

Рис. 3. Присутствие на телевизионном экране «зол ТВ»: согласие/несогласие респондентов массового опроса

Как на этом фоне выглядят экспертные оценки руководителей телеканалов и авторитетных деятелей, работающих в других сферах? Результаты экспертного опроса представлены на рис. 4.

Первое, что бросается в глаза, — резкое несовпадение оценок руководителей телеканалов и общественных экспертов. Практически все оценки телевизионщиков существенно ниже. Исключение лишь одно: оценка выраженности некорректной политической пропаганды на телеэкране. Руководители телеканалов именно это «зло» телевидения считают наиболее опасным, в то время как внешние эксперты ставят его на самое последнее место.

Специальные математические процедуры приводят к следующему заключению: последовательность позиций в оценках общественных экспертов суще-

ственно ближе к результатам массового опроса, чем в оценках руководителей телевидения. Таким образом, налицо противостояние телевидения и общества.

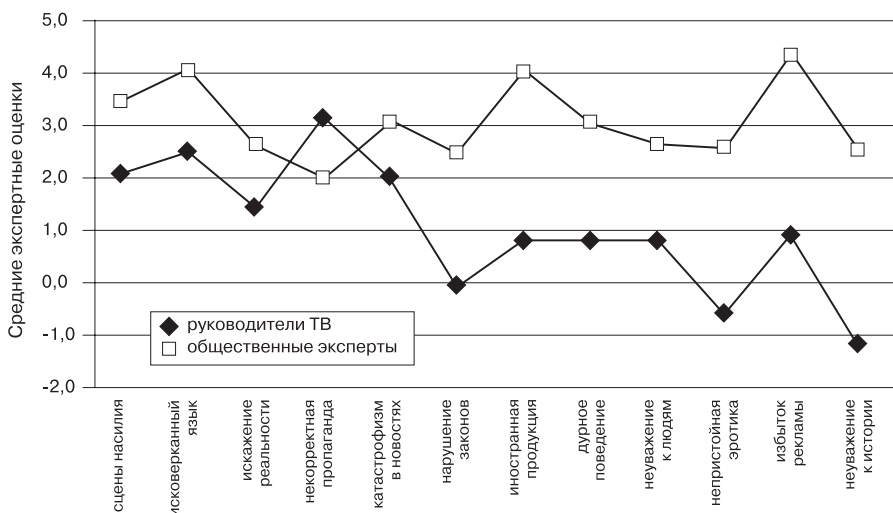

Рис. 4. Выраженность «зол ТВ» в России: оценки экспертов

На наш взгляд, данный конфликт имеет глубокую ценностно-нормативную природу. Происходит столкновение целерационального (в терминах М.Вебера), по сути экономического подхода к телевидению, свойственного руководителям каналов, и глубинного диспозиционного понимания телевидения как социокультурного явления, разделяемого остальной частью общества. И свою задачу большинство руководителей ТВ видят лишь в том, чтобы собрать максимальную аудиторию и, собрав ее, разместить на экране рекламу. Тогда максимизируется рекламный эффект. Для достижения такой цели телевизионщики готовы использовать любые средства. В пределе отбирается содержание программ, обеспечивающее «давление» на базовые инстинкты зрителя – инстинкт самосохранения и инстинкт продолжения рода. Именно поэтому на экран выплескивается гиперагрессивность, катастрофизм, эротика и многое другое. Это и обеспечивает максимальный приток аудитории. Как справедливо заметил М.Кастельс, «успех телевидения есть следствие базового инстинкта ленивой аудитории» [1; 317].

Почему стало возможно данное противостояние? С нашей точки зрения, проблема состоит в том, что в России начала XXI века отсутствуют полноценные механизмы обратной связи общества и телевидения. В современном российском обществе все телевидение оказалось фактически вне публичной критики, поскольку каналов выражения общественного мнения против ТВ, которые были бы по силе влияния и охвату сравнимы с самим телевидением, нет.

Например, фактически блокирован такой традиционный канал обратной связи, развитый в СССР, как письма телезрителей. Телевидение защищено от эпистолярно выражаемого зрительского недовольства Законом РФ «О средствах массовой информации», где в статье 42 написано: «Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение» [2]. Вопросы огромного числа зрителей остаются без ответа. Это и есть социальная *безответственность*. В России также невозможно встретить мнения, высказанного против телевидения на экране самого телевидения, ибо телевизионное сообщество консолидировано в защите своих интересов. Мнение же, высказанное в других СМИ, не имеет того масштаба, того резонанса, который мог бы хоть как-то повлиять на телевизионщиков. И потому критика телевидения, критика не в искусствоведческом, креативном, творческом, а в социальном плане, оказывается локализованной в кулуарах.

Часто руководители телеканалов, защищая либертарианский принцип от введения социального контроля за деятельностью ТВ через законодательные акты, предлагают выйти на корпоративное саморегулирование. Однако опыт постсоветского периода приводит к неутешительному заключению, что телевизионное сообщество в России неспособно к такому саморегулированию. И многочисленные журналистские хартии, кодексы и декларации так и остаются на бумаге⁴.

Итак, нам удалось, введя специальные теоретические конструкты-оси («Допустимость критики власти», «Общественный/частный интерес») и расположив в условном пространстве, образованном этими осями, известные нормативные модели СМИ, проследить, как за период с 1985 года по 2005 год в деятельности отечественного телевидения произошли парадигмальные трансформации. Выводы сводятся к следующему:

- С 1985 года по 2005 год в нашей стране государственное телевидение прошло путь от авторитарной, но социально ответственной модели до высокой степени либертарианизации, пик которой пришелся на 1992-1993 гг., после чего возникло попятное движение, направление которого с 1996 года было в значительной степени задано процессами коммерциализации. В итоге к 2006 году государственное телевидение оказалось в нормативном поле, которое отличается слабым авторитаризмом, а также фактическая ориентация на продвижение своих корпоративных интересов вопреки интересу общественному.

---

⁴ Показателен случай с принятием Хартии телеведущих «Против насилия и жестокости» в 2005 году. Эта хартия появилась в одночасье, сразу же после того, как Государственная Дума подготовила законопроект, в котором предусматривались жесткие меры по защите детей и подростков от насилия, жестокости и сомнительных с точки зрения морали элементов на телеэкране. Прикрываясь тезисом о «свободе слова», руководители крупнейших каналов тут же подписали упомянутую хартию. Но ее текст так и не появился в открытом доступе. Хартия, по сути, оказалась фикцией, необходимой каналам, чтобы «отбиться» от законодательно установленного контроля. – А.Ш.

- Частные каналы, начав свою деятельность в 1990 году в парадигме слабого безразличия как к политике, так и к обществу, двигались в направлении усиления частного интереса и критики власти, после чего процесс либертарианизации коммерческого телевидения сменился в начале 2000-х гг. на делибертарианизацию.
- Российское общество крайне недовольно деятельностью отечественного телевидения, что проявляется в нарастающем требовании ввести «моральную цензуру» при сохранении свободы слова в общественно-политическом поле.
- Большое раздражение у россиян вызывают такие элементы содержания в телевизионном вещании, как реклама, агрессия на экране, избыточное количество иностранной продукции, катастрофизм в новостях, эротические элементы, показываемые в утренние, дневные и ранние вечерние часы, образцы дурного поведения на экране, некорректная политическая пропаганда и исковерканный русский язык.
- В России начала XXI века чрезвычайно слабы механизмы социального контроля за деятельностью телевидения, нет адекватной обратной связи с обществом, нет масштабных каналов коммуникации, которые могли бы воздействовать на телевидение. Оно фактически оказывается вне зоны общественной критики, замкнутым на свои корпоративные интересы, самодостаточным по отношению к обществу.

Литература

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
2. Комментарий к Закону РФ о СМИ. – М.: Стэнси, 2002.
3. *Назаров М.М.* Массовая коммуникация и общество: введение в теорию и исследование. – М.: АВАНТИПЛЮС, 2004.
4. *Сиберт Ф.С., Шрамм У., Питерсон Т.* Четыре теории прессы. – М.: Вагриус, - 1998.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕКОМ

А.С. Шаров

(Омский государственный педагогический университет, г. Омск)

Будущее находится не впереди нас и даже не в настоящем, оно «живет» из прошлого. И весь вопрос заключается в том, как оно «живет» из прошлого? Да и что такое прошлое? Что такое человеческий опыт? В этом отношении заметим, что опыт понимается двояко, *во-первых*, как то, с чем человек знаком, что отложилось в его психике (совокупность фактов, ощущений, действий и переживаний), а также усвоенных человеком знаний, в том числе и неявных (М. Полани), т.е. это так называемый прожитый опыт. *Во-вторых*, под опытом понимается то, что извлекается из прошедшего, пережитого или продуманного. Такой опыт, для различения, мы будем называть рефлексивным. Здесь самое

важное это то, *что* человек извлекает из многообразного опыта? И *как* он это делает? Обобщение и освоение опыта неразрывно связано с рефлексией (Дж. Локк), поэтому возникает вопрос о том, что такое рефлексия и необходимость определиться в понимании рефлексивных механизмов.

Рефлексивный механизм самоорганизации интенциональной психической активности реализуется на различных уровнях психики (сознания, бессознательного) для достижения в процессе взаимодействия человека с миром синергизма и проявляется в *простраивании* и *связывании* границ, их *организации* в ходе движения к основаниям собственной активности. Самоорганизация психической активности, это, по сути, та внутренняя рефлексивная работа, которая базируется на прожитом опыте человека и направлена на ближайшее и далекое будущее. В этом случае ведущая функция рефлексивных механизмов будет связана с упорядочением приобретенного опыта, его преобразованием, а также с извлечением самого важного для человека из опыта мышления, переживаний и поведения. Рефлексивный опыт и есть то, что извлекается из прожитого опыта для будущей жизни. Сам процесс извлечения осуществляется при рефлексивном движении к основаниям жизнедеятельности человека (М. Хайдеггер). Движение к основаниям — это собирание границ своего присутствия в мире, себя или «Я» как регулятивного центра интенциональной активности.

Рефлексивный механизм извлечения «рефлексивного опыта» включает три этапа — *определение* и *простраивание* границ прожитого опыта, когда выделяются отдельные объекты, и определяются границы их взаимодействия с другими объектами, т.е. оформляются качества и особенности объектов, их атрибуты. В процессе простраивания границ между объектами, возникают «параметры порядка» как устойчивые *причинно-следственные связи* (Г. Хакен). На следующем этапе происходит *собирание* и *связывание* границ причинно-следственных паттернов (параметров порядка), т.е. рефлексивная активность направлена на конструирование и реконструирование целостного процесса, а не на его отдельные элементы. Вектором рефлексивной активности выступают смыслы и смысловые образования, которые реализуются в процессе регуляции жизнедеятельности. В ходе регуляции причинно-следственные паттерны собираются и объединяются в группы, устанавливаются взаимосвязи между ними, причем это, прежде всего, *смысловые связи*. Взаимосвязи и закономерности не только устанавливаются за счет постоянного рефлексирования вокруг того или иного опыта, но и определяются как «отработанные» и «укорененные» в социокультурных условиях закономерности связывания и организации границ «Я». В процессе формирования моделей человек устанавливает для себя законы, связывает себя этими законами. Возникающие в развитии человека смысловые модели непрерывно проигрываются, об-живаются человеком (З. Фрейд, Э. Блох, А.С. Шаров), т.е. происходит создание и апробирование рефлексивных моделей, устанавливаются закономерности связывания границ.

За счет рефлексивной абстракции (Ж. Пиаже) схематизируется прожитый опыт, строятся модели знаний и действий. На данном этапе рефлексивный опыт

может быть организован в виде системы понятий, а понятие выступает как единица структурной организации опыта, т.е. является смысловым конструктом. Тогда система понятий — это ценностно-смысловая модель реальности или персональный миф жизни человека.

Организация и систематизация смысловых закономерностей жизнедеятельности человека реализуется на третьем этапе рефлексивного механизма. В процессе организации систем смысловых взаимосвязей (схемы деятельности, ценностно-смысловые модели знаний и поведения) человек выходит на основание своей активности. На базе которого реализуется синхронизация темпомиров, происходит организация внутреннего мира по типу кодетерминации, т.е. не только прошлым, но и будущим. Тогда эффект слияния времен проявляется, *с одной стороны*, в том, что ценностно-смысловые модели выступают основаниями жизнедеятельности и не только объединяют все психические процессы, но и синхронизируют их ритмы; *а с другой*, об-живание в возможном будущем оснований, требует их возврата обратно *в качестве* оснований (М. Хайдеггер). Следовательно, ценностно-смысловые динамические модели являются, и основаниями нашей жизни, и той реальностью, в которой человек живет и об-живает происходящее. А по-другому он просто жить не может.

В целом же можно сказать, что в процессе функционирования рефлексивных механизмов происходит извлечение и организация рефлексивного опыта. В этом человек самоопределяется, ищет основания своей активности, собирает себя в некий регулятивный центр, протраивает и связывает границы опыта и его определенным образом организует. Создаются ценностно-смысловые динамические модели действительности, которые включают в себя законы и закономерности связывания границ прожитого и рефлексивного опыта. Движение к основаниям рефлексивной активности сопрягается обратным движением к проявлению этих оснований. В синергетике аналогом могут выступать HS и LS режимы развития систем (Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов). Чем ближе к основаниям, тем более вероятен прогноз относительно своего поведения. В ходе рефлексирования человек конструирует ценностно-смысловую концепцию себя и своего «Я» в контексте всей жизнедеятельности. Процесс проявления оснований выступает и в виде об-живания, проигрывания возможных линий развития событий. Это особенно важно для прогнозирования будущего, где четко просматриваются две линии. Во-первых, прогноз строится на основе извлеченных из опыта закономерностей связывания границ (причинно-следственных, целостно-смысловых, организационно-системных). И, во-вторых, посредством «виртуального» об-живания, а, по сути, апробирования возникающих гипотез и включение их в свое настоящее и прошлое. Причем сам процесс об-живания, как новый феноменологический пласт жизнедеятельности человека, не только активизирует рефлексивные механизмы в целом, но и включает будущее в прошлое.

Прогнозирование человеком своего будущего зависит: от степени сформированности рефлексивного механизма и организации полученного опыта, от

особенностей собирания себя, ценностно-смысловой простроенности и организации внутреннего мира. Обобщая можно сказать, что «видение» человеком окружающего мира всегда проективно и опосредовано ценностно-смысловыми моделями реальности. Отсюда точность и временная перспектива прогноза определяются: системной организацией ценностно-смысловых моделей; их рефлексивной оформленностью и рефлексивными механизмами разворачивания закономерностей. Данный подход высвечивает новый ракурс анализа следующих проблем: роль рефлексии в понимании жизненного опыта, знаний как ценностно-смысловых моделей, законов и закономерностей связывания границ психики и жизнедеятельности, об-живания как нового феноменологического пласта нашей жизни, а также эвристическую значимость междисциплинарного подхода в понимании организации психики человека.

Приложения

ИНИЦИАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ, ОБСУЖДАЕМЫЕ НА КРУГЛОМ СТОЛЕ

Приложение 1

МАНИФЕСТ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ¹ (Клуб стратегической элиты)

I. ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ

Сегодня Россия стоит перед необходимостью преодолеть глубокий системный кризис, охвативший политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны. Богатая и поныне мощная страна оказалась отодвинутой в ряд развивающихся государств, а значительная часть ее жителей очутилась за чертой бедности. Россия и ее народ стали в течение XX столетия жертвами двух пагубных экспериментов – коммунистического и либерального.

1.1. Россия столкнулась с угрозой разрушения самобытной национальной цивилизации и гибели российского народа как суперэтноса, происходящих за счет уничтожения его генофонда и утраты критериев самоидентификации. Уже в ближайшие 8–12 лет высока вероятность нарушения целостности государства, потери территории и основных культурно-исторических ценностей, которые на всем протяжении исторического развития России обеспечивали ей независимость и самобытность, превращая ее в своеобразный балансир развития человечества.

1.2. Дистанцирование власти (в лице государственной бюрократии) от общества в последние годы увеличивается, порождая тяжелые социальные последствия – вымирание и обнищание народа, развал систем здравоохранения, образования и науки, отсутствие общенациональных инновационных проектов и, наконец, – резкое снижение обороноспособности страны. При этом нарастает социальная нестабильность, проявляющаяся в росте забастовочного движения и протестном голосовании.

1.3. Возникшая ситуация в значительной степени связана с реализацией ряда сценариев, по которым внутренние и внешние силы пытаются направить движение России:

«*Курс на Запад*» – эволюционное вхождение в западную цивилизацию путем поэтапного поглощения территорий нашей страны, с санацией наро-

¹ При использовании документа, либо его фрагментов, ссылка на первоисточник обязательна: <http://www.reflexion.ru/Library/Manifest.doc/>

дов, языков и культур бывшей России. Этот курс может осуществляться в рамках сценария и идеологии глобализации, или других сценариев, например, интеграции для борьбы с глобальным терроризмом, РФ как либеральная империи (Россия как верный вассал США и его наместник, гарант нового мирового порядка, на территории бывшего СССР).

«РФ как национальное государство» – национальный вариант развития, традиционный для развивающихся стран, со специализацией поставщика сырья и энергоресурсов на международный рынок. При кажущихся внешних различиях этих сценариев они едины и строятся на отказе от самостоятельности в отношениях с остальным миром, ориентированы на так называемое зависимое развитие.

1.4. Зависимость руководства страны от сил, проводящих эти сценарии видна уже из того факта, что за 15 лет постсоветского периода, у руководства страны нет ни стратегии восстановления и развития страны, ни даже явного желания ее иметь:

- не сформулированы и не поставлены цели развития;
- нет стратегического плана и долгосрочной программы развития;
- нет субъектов, готовых и способных разработать такие планы и программы и взять на себя ответственность за их реализацию.

Не поддаваясь иллюзии движения (роста или усиления), следует понимать, что это за движение и куда именно движется страна.

1.5. Единственно спасительной для страны является политика самостоятельного развития. *Только действия по развитию страны* позволяют оценивать способность власти. Организовать развитие страны способен лишь субъект управления, обладающий стратегическим пониманием ситуации. Если сложившаяся в России ситуация **НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СЛЕДСТВИЕМ СОЗНАТЕЛЬНОГО ВЫБОРА ВЛАСТЕЙ**, то в сегодняшней жизни надо лечить главную болезнь России – **бессубъектность**. Основные симптомы этой проблемы – неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, проблемы с самоопределением и идентификацией, отсутствие смелых, хорошо продуманных прорывных идей и, наконец, – готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовывать. Общество и страна давно уже поражены этой «болезнью», захватившей в той или иной степени всех основных участников реформационного процесса (государство, политические партии, общественные организации и граждан).

России, несмотря на все трудности, препятствия и риски, необходимо найти модель своего развития, специфичную ровно в той мере, в какой уникальной является она сама. Для этого нужно разработать «концепцию бытия» и стратегию развития, понятную и приемлемую для большинства граждан государства российского. Иного пути у России нет, иначе Россия станет просто ресурсом развития для других стран и народов, этническим, пространственным, но только ресурсом.

II. КУРС НА СТАНОВЛЕНИЕ РОССИИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

Стратегические субъекты — это идеальные образцы, стремление к реальному воплощению которых могло бы способствовать повышению безопасности и устойчивому развитию человечества. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на проблему создания общепринятых механизмов оценки и регулирования действий субъектов мирового сообщества, а также открывает новые горизонты для совершенствования различных типов субъектов: от индивидов до государств и международных сообществ. Это не призыв к унификации самобытных культур и их носителей — предлагаются лишь ориентиры для формирования «общего поля» мировой культуры, базовых характеристик носителей самобытных культур, которые создают предпосылки для гуманистического подхода к развитию человечества.

2.1. Россия должна стать *стратегическим субъектом* мирового сообщества, который при решении мировых проблем ориентируется не столько на силу и навязывание собственных представлений об образе жизни и моделях демократии, сколько на уважение интересов всех членов сообщества, их самобытных культур и понимание ценности для человечества их многообразия. Ориентация на решение мировых проблем вовсе не означает пренебрежения к собственной стране и ее национальным интересам во имя блага человечества, т.к. мировые проблемы по определению пронизывают все страны и народы в одинаковой мере, а их успешное решение возможно только через успешное развитие своей страны.

2.2. Среди качеств стратегических субъектов выделяются как наиболее важные:

- ❑ *Ценностные* — системное мироотношение в рамках фиксированного мировоззрения;
- ❑ *Целевые* — целеориентированность, вытекающая из мировоззрения и мироотношения, основанного не только на рассмотрении цивилизационного целого, но и России как специфической единицы этого целого, социальная направленность и устойчивость целей, совпадение реализуемых и декларируемых целей;
- ❑ *Регуляционно-коммуникативные* — осознанная (рефлексивная) регуляция деятельности и взаимодействий; социальная ответственность; доминирование морально-этических оснований при принятии решений, ориентация на этическую систему, при которой осуждается использования зла во имя добра, осуждается тезис, что цель оправдывает средства; партнерство, ориентация на компромисс и толерантность; реальная свобода действий, защищенность от внешнего, явного или скрытого управления;
- ❑ *Структурные* — социальные структуры, образующиеся из стратегических субъектов.

В становлении России стратегическим субъектом может состоять собственная миссия России в начале наступившего века, только подобный проект позволит стране в кратчайшие сроки вырваться с 50х-60-х позиций в лидеры мирового сообщества. Только при таком понимании стратегических субъектов можно преодолеть доставшиеся нам в наследие от XX века эгоистические стереотипы организации жизнедеятельности на планете.

Уникальный исторический путь России, богатейший опыт решения сложнейших межэтнических и межконфессиональных проблем предопределяет ее существование исключительно как «стратегического субъекта». Государства, открытого всему мировому сообществу, ставящего важные для всего человечества проблемы, демонстрирующего методы успешного решения сходных проблем и готового в партнерских отношениях с другими субъектами мирового сообщества использовать эти методы в интересах его развития.

III. ОСНОВАНИЯ ДЛЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ

Основу для поиска стратегических направлений российского развития необходимо искать в изучении более чем тысячелетней истории России. Необходимо обратиться к российской цивилизации, как неотъемлемой части цивилизации мировой. Суть цивилизации выражена, применительно к России, в таком понятии, как «бытие народа» (на Западе более широко распространены такие термины, как «образ жизни», «менталитет»).

3.1. Понятие «бытие» имеет глубокую русскую природу, оно вбирает в себя социальные, духовные, культурные и психологические аспекты жизни народа в целом, его отдельных социальных групп и семьи как первичной ячейки общества. Это понятие отражает устойчивые, в определенном смысле консервативные элементы, изменение которых происходит эволюционным путем, на протяжении длительного периода. Даже переходя в новое качество, эти элементы тесно связаны с их прошлым содержанием, что делает их «узнаваемыми», легко отличимыми и позволяет тем самым рассматривать их как базовые характеристики развития страны.

3.2. Для сохранения, укрепления и развития российского бытия, которое и стало объектом разрушения, нужна иная политика, основанная на защите и укреплении ценностных ориентиров, составляющих суть российского бытия и цивилизации в целом. К числу базовых ценностных ориентаций (элементов) необходимо отнести общинность (соборность), стремление к социальной справедливости и социальному порядку, народовластию и многообразию форм собственности.

В настоящее время ни капитализм в его западной реализации, ни социализм в его советской модели не могут быть выбраны в качестве вектора общественно-политического развития, так как в обоих случаях жертвой политики

во всех ее проявлениях, формах и направлениях становится обычный человек. Заимствование чужих моделей организации российского бытия, как показали последние 17 лет, губительно для нашей страны. Третий путь может и должен быть воплощен в идее общества, развитие которого определяется закономерностями общественного бытия именно нашей страны. Значительные группы населения, с одной стороны, отвергают и не приемлют трагические и преступные явления советского периода, сохраняя при этом интерес и верность многим идеям социализма, в частности социальной ориентации государства. В то же время они желают видеть сильного главного руководителя, который сможет навести в стране общественный порядок. Российская модель «бытия» имеет еще одно важное преимущество: тяга к социальной справедливости «генетически» заложена в народе, является одной из ценностей российской цивилизации.

С учетом российских исторического и культурного опыта, традиций и психологии подавляющего большинства населения на данном (переходном) этапе наиболее приемлема творческая демократия с элементами авторитарной (не путать с тоталитарной!) диктатуры. В этом кроются причины ностальгии по прошлому (ближайшему и 500-летней давности).

Базовым принципом стратегии российского развития может стать ориентация и опора на творческий индивидуализм в органичном соединении с возрождением, укреплением коллективистских (соборных) структур и структур исполнительной власти для поддержки этой органичности.

IV. БАЗОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Понятие социального государства, зафиксированное в Конституции Российской Федерации, должно быть руководящей идеей при определении стратегии государственного строительства. Необходимо кардинальное преобразование ныне существующего порядка и режима власти, превращение государства, всех составляющих и представляющих его институтов, структур и механизмов в инструмент общества, в орудие фактического (а не мнимого) народовластия.

4.1. Цель социального государства - переход к общественной системе, базирующейся на развитии самого человека, его духовном обогащении, культурном совершенствовании и материальном благополучии, что является логическим продолжением гражданского общества на этапе постиндустриального развития.

4.2. Основными приоритетами современной социальной политики Российского государства должны стать:

- поиск взаимопонимания и взаимодействия между властью и обществом в лице бизнес-сообщества, профсоюзов, других общественных органи-

заций и движений, а также религиозных конфессий по всем основным вопросам общенационального развития;

- ❑ преобразование нынешнего либерального рынка в социально-рыночное хозяйство;
- ❑ принятие на себя ответственности за развитие всего социального сектора, включая образование, здравоохранение, природоохранную деятельность, науку, культуру;
- ❑ совершенствование правовой базы, соблюдение принятых и действующих законов, развитие институтов гражданского общества и гражданской инициативы.

4.3. Успех в реализации стратегических проектов российского развития неразрывно связан с решением проблемы консолидации всех созидательных сил общества, с установлением доверия и сотрудничества между государством и обществом. Для этого в первую очередь необходимо реформирование государственного устройства и государственной службы в интересах стратегического развития РФ, а не в интересах коррумпированных чиновников.

4.4. Безусловно, создание таких условий и формирование соответствующего политического курса является прерогативой государства и общества. Все более актуальной становится задача формирования и консолидации лучших людей страны — *новой элиты*, ядро которой могут составить те люди, которые не оторвались от страны и народа, не утратили своей государственной, гражданской, культурной и этнической идентичности. В основном это представители научных, культурных, религиозных и политических сообществ, малого и среднего бизнеса, военных. Именно они должны формировать идеологию новой России и ориентиры российского развития с учетом лучших традиций прошлого и образов будущего.

4.5. Консолидация усилий государства и общества является ключевой проблемой для организации российского развития. При этом формой, адекватной данной проблеме, может стать создание *стратегического контура поддержки управления и развития РФ*, включающего в себя как государственные, так и негосударственные структуры. Со стороны государства может выступить специально созданное ведомство стратегического развития с полномочиями более высокими, чем у министерств, с отдельным финансированием на реализацию комплекса стратегических проектов. Со стороны общества — специально организованные сетевые формы, ориентированные на проблемы российского развития. Это стратегический контур поддержки управления и развития РФ, по своей природе и назначению должен не дублировать, а дополнять и обогащать деятельность исполнительной власти. Одновременно — это контур консолидации усилий государства и общества, мобилизации интеллектуального и духовного потенциалов страны, подготовки стратегического кадрового резерва. Руководство стратегического контура поддержки управления и развития РФ дол-

жно быть возложено непосредственно на Президента РФ. Только при этом условии возможен успех, а Президент получит в свое распоряжение качественно новый стратегический ресурс. Такой подход позволит на деле реализовать встраивание общественных механизмов в государственное управление, а не создание бутафорских «Общественных палат» и карманных политических партий. **Проблема крайне сложная, но для ее решения есть определенный задел в виде идей и социальных технологий, начались процессы формирования новой элиты. Без решения этой проблемы мы не преодолеем чудовищную коррупцию в РФ и не повернем страну на курс эффективного развития.**

V. УГРОЗЫ РАЗВИТИЮ И ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОПТИМИЗМА

Главные угрозы на пути российского развития — внутренние, в значительной степени предопределенные высочайшим уровнем коррумпированности в высших эшелонах власти. «Вертикаль власти» только кажется управляющей. В принципе невозможна управляемость по вертикали при высоком уровне коррупции чиновников, так как финансовые интересы отдельных групп и ведомств доминируют над интересами государства и общества. То же самое распространяется и на координацию по горизонтали, что наблюдается и в экономике и в правоохранительных органах.

5.1. Высока заинтересованность коррумпированных чиновников в неизменности сложившейся в стране ситуации. Зачем им лишаться имеющихся персональных финансовых потоков от нефти и газа, металла и леса, алмазов и других источников «доходов», отвечать за незаконно обогащение на развале могущественной страны, обнищание и вымирание народа? Кроме того, развитие потребует высококвалифицированных управленцев, а подавляющую часть действующих некомпетентных чиновников сдует ветром перемен с насиженных мест. Выгодней допустить расчленение страны, а там и спрашивать будет некому.

5.2. Создаваемая «вертикаль власти» в принципе не способна к разработке стратегии российского развития. В ней просто отсутствуют стратегические субъекты — они не предусмотрены, так как неминуемо порождают «прозрачность», а она совсем не нужна коррумпированным чиновникам. Уже никто не удивляется тому, что наука полностью отстранена от влияния на реальные механизмы управления. А прикормленные властью политехнологи нужны ей лишь для ситуационного манипулирования общественным сознанием.

5.3. Сегодня РФ обладает громадным потенциалом для развития, который адекватно и не оценивается, и не используется, это прежде всего:

- *уникальность географического и геостратегического положения России в мире, как моста между Западом и Востоком, Севером и Югом (в традиционно-цивилизационном толковании этих понятий);*

- ❑ *природные богатства*, по которым Россия существенно превосходит развитые страны и Запада и Востока (так, по сохранности естественных экосистем Россия занимает одно из первых мест в мире);
- ❑ *цивилизационные ценности*, сложившиеся на протяжении тысячелетнего развития, такие как приверженность народа к общинности, соборности и тяга к социальной справедливости;
- ❑ *сохраняющийся пока интеллектуально-культурный потенциал* страны, который выражается в высоком уровне развития науки, образованности населения, способности генерировать новые идеи, производить и поставлять интеллектуальные продукты высокого класса;
- ❑ *намечающиеся тенденции духовного возрождения народа*, выражающиеся в активном и результативном восстановлении наших культурных ценностей и духовных святынь — монастырей, храмов; формировании державообразующим русским народом уже значительного количества православных союзов, братств, сестричеств, общин, движений;
- ❑ *материальные ценности за рубежом*, принадлежащие России, в том числе вывезенные после незаконной приватизации государственной собственности;
- ❑ *«ядерный щит»*, гарантирующий ей на некоторое время безопасность от прямой силовой агрессии со стороны крупных стран и их военных блоков.

5.4. Сегодня этот потенциал в достаточной степени не инвентаризирован и не используется должным образом для развития России. Представляя собой общность множества народов и культур, возникшую естественным, органичным, а не миграционным способом, Россия исторически не только по местоположению, но по духовному складу своему готова к диалогу, сосуществованию и сотрудничеству с другими государствами, сообществами и цивилизациями. Необходимость поиска новых форм ненасильственного решения общечеловеческих проблем становится все более актуальной и все в большей степени осознается в мировом сообществе, привлекая внимание к потенциальным возможностям нашей страны.

5.5. Успех в переходе на курс российского развития определяется как возможностями самоорганизации общества, так и позицией, которую займет действующий Президент России. Главными задачами действующего Президента РФ в сложившихся кризисных условиях должны стать:

- ❑ построение стратегической вертикали власти, способной перейти от стихийных действий (ведущих к развалу страны) к стратегической проектной работе по ее развитию (в этом должен проявиться элемент авторитаризма);
- ❑ объединение усилий государства и общества, прекращение их противостояния и дальнейшего дистанцирования, для чего нужны специальные технологии и проекты по формированию и организации взаимодействия стратегических субъектов российского развития.

Для того чтобы стартовали мощные процессы консолидации российского общества, в интересах развития страны Президенту РФ предстоит провозгласить приоритет прав и интересов общества и, взяв на себя ответственность за развитие страны, наконец приступить к созданию условий для достойной жизни ее граждан. В противном случае Президент РФ останется один в противостоянии с коррумпированными группировками чиновников и «вертикалью безвластия», которую сметёт какая-нибудь «оранжево-берёзовая» или феодальная революция.

Энергиям распада страны противостоит уникальный исторический путь России, богатейший опыт решения сложнейших межэтнических и межконфессиональных проблем, что дает России «гены стратегического субъекта». Требование «мирового сообщества» соответствовать стандартам демократии в управлении государством, тоже находит соответствие в нашей богатой истории, в общине, в «вече». Россия может не только принять это требование, но и сделать его базовым принципом стратегии российского развития, а именно, принцип ориентации и опоры на творческий индивидуализм в органичном соединении с возрождением, укреплением и поддержкой коллективистских (соборных) структур.

Сегодня перед нашим народом остро встал судьбоносный вопрос: быть или не быть России, сможет ли она сохранить свою целостность, свою культуру, население, есть ли будущее у наших детей и внуков? Ответ на этот вопрос зависит от каждого российского гражданина.

Отечество в опасности! Этот лозунг, как и в былые времена, должен сплотить нас, вдохнуть новую энергию, объединить всех, кто верит в Россию. В период грозной опасности каждый честный гражданин обязан взять на себя ответственность за Отчизну, за будущее своих детей и внуков. Если мы, российский народ, не определим свой путь развития, то наше будущее определят за нас другие.

*Клуб стратегической элиты
Май 2005
club-se@mail.ru*

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ ЧЕРЕЗ РЕГИОНЫ

Проект (редакция 17.04.2006)

1. Назначение и политико-правовая основа документа

1.1. Решение всего комплекса, стоящих перед Россией проблем, включая укрепление суверенитета, обеспечение национальной безопасности, повышение уровня жизни народа, возможно лишь в условиях проведения активной промышленной, технологической и научной политики, переориентации экономики страны на инновационный путь развития. Разработка и реализация стратегии развития должна объединить усилия исполнительной и законодательной власти, как федерального, так и регионального уровней, а также мобилизовать все здоровые общественные силы, заинтересованные в сохранении и упрочении отечественного научного и технологического потенциала.

1.2. Стратегия развития российской науки через регионы предназначена для использования при подготовке концептуальных, доктринальных, программных и иных документов, затрагивающих стратегические аспекты организации и развития российской науки, а также подготовке предложений по совершенствованию системы управления этим развитием.

Основная цель данного документа – стимулировать объединение научного и экспертно-аналитического сообщества на путях поиска наиболее полного и эффективного использования интеллектуальных, научных, технологических ресурсов в интересах субъектов Российской Федерации, укрепления межрегиональных связей и взаимодействия, организация в этих целях конструктивного диалога, направленного на выработку конкретных управленческих решений.

1.3. Статус документа. Стратегия носит рекомендательный характер, отражающий позицию независимых экспертов, авторитетных специалистов в области науки и высоких технологий. Документ создан на основе общественной инициативы сети стратегических научно-практических семинаров и поддержавших эту инициативу специалистов и общественных организаций.

1.4. Политико-правовой основой документа являются Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации (2000-2005), нормативные правовые и иные акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, определяющие направления развития российской науки на ближайшие годы и последующую перспективу, а также публикации в СМИ и Интернете, отражающие мнения общества по данному вопросу.

2. Состояние российской науки и необходимость ее модернизации

2.1. Распад Советского Союза стал крупнейшей геополитической катастрофой второй половины XX века. Смыслы, ценности, цели уникальной и самодостаточной российской цивилизации оказались принижены и дискредитированы. Страна оказалась направлена по тупиковому пути периферийного капитализма.

Советский Союз был научной сверхдержавой. Опираясь на собственный научный потенциал, страна решала стратегические задачи, от которых зависело само её существование. Это ускоренная индустриализация и создание ряда отраслей промышленности. Это решение ключевых оборонных проблем в предвоенные и первые военные годы. Это создание ракетно-ядерного щита. Штабом советской науки, организацией, ведущей исследования по всему фронту, стала Академия наук СССР. Её ключевыми задачами, определявшими её место и роль в государстве, были задачи научной поддержки оборонного комплекса и технологического перевооружения экономики страны на основе достижений, прежде всего, естественных наук.

В последние годы заметно понизился потенциал прикладной науки, развитие которой и определяет новые источники развития экономики. Оказались практически остановлены военные разработки – в течение многих лет российская армия не имела возможности закупать уже созданную военную технику. Упало влияние науки на общество в целом и на образование в частности. Тиражи научно-популярных изданий упали в сотни раз. В большой степени растрочен кадровый потенциал, возник острый дефицит молодежи в науке. Наука оказалась не востребована. Общество не использует её результатов, не понимает её смысла и значения.

В сложном положении оказалась Российская академия наук, не имеющая стратегических ориентиров, берущаяся за несвойственные ей функции (инновационная деятельность и коммерциализация фундаментальной науки без науки прикладной и опытно-конструкторских разработок) и выпрашивающая деньги у государства на цели, государством не понятые.

Драматизм нынешней ситуации усугубляется тем, что в России нет *стратегического субъекта*, который мог бы сформулировать «заказ на науку» и обеспечить его выполнение. Ни обществом, ни властью, ни образованием, ни предпринимателями российская наука не востребована.

Большинство концепций реформирования российской науки исходит из финансовых показателей, организационной структуры, зарубежного опыта, в нынешней кризисной ситуации заведомо неприменимого.

2.2. Научно-технический прогресс, развитие инновационного сектора экономики *определяется в первую очередь не фундаментальной наукой*. Необходимо чтобы был замкнут *круг воспроизводства инноваций*: фундаментальные исследования и подготовка кадров > прикладные разработки > опытно конструкторские разработки (ОКР) и вывод на рынок новых видов товаров и услуг либо

получение обществом и государством новых возможностей > фундаментальные науки и образование. В современной России этот круг разорван.

Во-первых, спрос на новые товары народного потребления, созданные в результате исследований в традиционных направлениях (например, мобильные телефоны), удовлетворяется за счет импорта.

Во-вторых, предприятия обрабатывающей промышленности не имеют средств для проведения НИР, НИОКР и внедрения технологических инноваций в производство. Высокотехнологическое оборудование они вынуждены импортировать. В результате идеи, возникшие в фундаментальной науке и доведенные до опытного образца, «продаются» за рубеж и возвращаются в Россию в форме высокотехнологической готовой продукции.

В-третьих, ученые в России в настоящее время разобщены (каждый выживает в одиночку). Это препятствует интеграции наук и созданию междисциплинарных (не традиционных) инноваций.

Таким образом, традиционный инновационный путь развития (по образцу западных стран) в настоящее время в России не перспективен. В то же время в разных регионах России условия весьма разнообразны. Возникают специфические проблемы, которые могут (и должны) решаться с использованием нетрадиционных инноваций. Импорт готовой инновационной продукции в этом случае невозможен в силу их специфичности. Финансирование НИР и НИОКР в данном случае может осуществляться как за счет региональных бюджетов, так и за счет местных, региональных предпринимателей (поскольку в решении актуальных региональных проблем они заинтересованы). Поэтому цель — объединить и мобилизовать ученых на решение актуальных и специфических для России (и её регионов) проблем — имеет реальные перспективы. Именно этот путь является инновационно-мобилизационным. На этом пути особую роль играют градообразующие предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК), расположенные в регионах. В них сосредоточены высокие технологии и квалифицированные кадры, от их состояния зависит платежеспособный спрос на продукцию всего региона и, следовательно, его экономика.

2.3. Особая роль в реализации государственной научной и инновационной политики принадлежит субъектам Российской Федерации. Среди руководителей регионов достаточно подготовленных, авторитетных и ответственных лидеров, мыслящих государственными масштабами и сознающих, что Россия может обеспечить достойное место в мире, суверенитет и национальную безопасность, лишь оставаясь высокотехнологичной державой. Согласованные, консолидированные, инициативные действия регионов в сфере науки, образования и технологического развития могут оказать существенную поддержку усилиям руководства страны по преодолению кризисных явлений в экономике и общественной жизни, подготовить базу для системного технологического прорыва. В этом направлении уже многое делается: формируются региональные элементы национальной инновационной инфраструктуры, при взаимо-

действию с федеральными органами власти создаются особые экономические зоны, из местных бюджетов выделяются средства на наиболее перспективные научные разработки. В процессе расширения межрегионального взаимодействия создаются предпосылки для формирования стратегического субъекта, восприимчивого к возможностям и достижениям фундаментальной, прикладной и корпоративной науки.

3. Цели и принципы развития российской науки, региональные аспекты

3.1. Целями развития российской науки через регионы являются:

3.1.1. Максимальное содействие внедрению и реализации в России Концепции устойчивого развития общества и Концепции социальной ответственности бизнеса перед обществом для целей повышения конкурентоспособности России, ее отдельных регионов и республик, а также российских компаний, решению приоритетных задач социально-экономического развития, повышению благосостояния и качества жизни людей.

Научное сообщество должно активно участвовать в разработке стратегических ориентиров развития России во всех сферах ее деятельности, концептуальных и стратегических документов, идеологии российского общества и др. Сегодня наука практически отстранена от такого рода разработок, более того такие разработки либо не ведутся, либо их результаты не известны обществу.

В стране утрачен образ будущего. Россия повторяет в ухудшенном варианте различные стратегии периферийного капитализма, догоняющей модернизации. Вопрос о целях развития, о желаемом будущем не ставится или замалчивается. В отличие от других развитых стран Россия не имеет ни национального стратегического прогноза, ни коллективов, занимающихся проектированием будущего, результаты работы коллективов, занимающиеся проектированием будущего, практически не находят заинтересованности.

Наука должна стать базисом для формирования во всех регионах инновационной экономики, основанной на знаниях, форсированного развития сектора высоких технологий. Именно к этому неоднократно призывал Президент РФ. Однако дело не сдвинулось с мертвой точки. Попытки привить либеральные схемы инновационного развития в России не дали позитивных результатов.

3.1.2. Активное и эффективное включение науки в реальные механизмы управления и развития на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В частности, в решение конкретных задач:

- независимая экспертиза и прогноз наиболее вероятных последствий принимаемых решений;
- прогноз и разработка мер по предупреждению бедствий, кризисов и катастроф в природной, техногенной и социальной сферах и др.

Именно эти задачи поставил Президент РФ перед научным сообществом страны (на встрече с руководством РАН 03.12.2001). Однако конкретных шагов в данном направлении не последовало ни со стороны научного сообщества и

влиятельных научных организаций, ни со стороны российских управленческих структур.

Мир быстро меняется, порождая новые угрозы и нестабильности. И сегодня управление страной должно основываться не на опыте прошлых лет (который во многих случаях неприменим), не на личных интересах и предпочтениях отдельных руководителей, а на мониторинге и прогнозе.

3.1.3. Создание равных условий для участия в научной деятельности всех регионов Российской Федерации и планомерное стимулирование и поддержка научной активности за пределами научных столиц.

3.1.4. Интеграция, комплексное использование и гармоничное взаимоувязанное развитие распределенного по регионам научного потенциала страны.

3.1.5. Создание сети межрегиональных и региональных научно-инновационных центров, приближенных к конкретным потребностям в наукоемких продуктах и технологиях на местах.

3.1.6. Обеспечение более равномерного распределения научного потенциала по территории Российской Федерации. Особое внимание и преференции для регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири.

3.2. Развитие российской науки через регионы базируется на следующих принципах:

3.2.1. *Сотрудничество и партнерство* в развитии российской науки субъектов федерального, регионального, муниципального уровней, представителей бизнеса и гражданского общества.

3.2.2. *Самоорганизация* российского научного сообщества. Научное сообщество в настоящее время расколото, разобщено, не способно к осознанию своих целей и защите своих интересов. В таком состоянии оно не может ни решить задач, связанных с выводом России из тупика, ни сохранить себя. Научное сообщество разбито на «прикладников» и «фундаментальщиков», на «естественников» и «гуманитариев», на «столицу» и «провинцию». Российская академия наук расколота по вертикали на Президиум, его аппарат и научные институты, где, собственно, и делается наука, и интересы которых Президиум отстаивать не готов и функционально не в состоянии. Самоорганизация может происходить на основе осознания ключевых задач, стоящих перед российской наукой, общности коренных интересов всего научного сообщества России и принятия новых форм сетевой коммуникации. Без жесткой защиты научной «провинции» наука в России сожмётся как шагренева кожа и своей роли в российском обществе не сыграет. Поэтому и путь к возрождению российской науки и источник силы сейчас внутри научного сообщества, опирающегося на сознательную организационную поддержку государства. Мы должны осознавать свою миссию, поверить в себя и убедиться в своей необходимости в реформируемом обществе. Только тогда появится путь в будущее.

3.2.3. *Сетевая организованность.* Часть российского правящего класса, заинтересованная в сохранении тенденций прогрессирующей дезорганизации и развала, имеет сильные позиции во власти и все возможности «реформировать» науку. Противостоящие им силы пока слабы и дезорганизованы. Поэтому наиболее разумным на данном этапе представляется создание *сетевой структуры*, т.е. формирование сообщества заинтересованных лиц, видящих новое место и роль науки в будущей России и понимающих пути и выгоды их воплощения в жизнь.

Задачей этого сообщества необходимо признать реализацию курса «просвещенного консерватизма», который подразумевает:

- 1) сбережение и поддержка в науке и образовании всего позитивного, что сохранилось от прежнего (индустриального) этапа развития общества;
- 2) заботливое взращивание нового, более адекватного задачам, стоящим перед Россией и российской экономикой в настоящее время;
- 3) последовательное просвещение и поддержка наиболее перспективных представителей и групп правящего класса путем вовлечения их в создание общественных (некоммерческих) механизмов поддержки и внедрения новых технологий управления устойчивым развитием общества и бизнеса;
- 4) оказание содействия научному сообществу России или его отдельным членам в осознании себя и своей новой роли в развитии страны и общества, а также своих ключевых задач в связи с этим;
- 5) пересмотр коренных принципов стимулирования научной деятельности (совершенствование грантовой системы, принятие новой системы оплаты труда научных работников и преподавателей вузов, формирования административных органов, связанных с управлением наукой).

3.2.4. *Междисциплинарность.* В настоящее время задачей наука является прежде всего решение крупных важных проблем, которые требуют совместной работы представителей различных научных дисциплин и направлений, научных школ. Нынешняя «отраслевая структура» науки, «феодалная раздробленность», цеховая узость не способствуют организации совместной работы.

В России ученые – специалисты в своей науке, как правило, были достаточно хорошо образованы и в смежных специальностях. Иными словами, наука в России всегда была междисциплинарной и стремилась к интеграции наук.

Образование в России было построено на тех же принципах широты и взаимопроникновения разных научных дисциплин. Именно это способствовало созданию творческой атмосферы в российской науке и появлению новых идей.

Развитие науки в России может и должно идти по традиционному для неё пути. Ориентация на западные научные авторитеты в России должна скорректирована с учетом наших научных традиций междисциплинарности, которые убедительно доказали конкурентоспособность российской науки.

3.2.5. *Открытость, ясность и прозрачность научных достижений.* Корпус исследователей – часть общества, подверженная всем его болезням. И его по-

разили атомизация, утрата перспектив, коррупция, мафиозность. Многие из нас столкнулись с вымогательством, воровством, келейным принятием решений. Этому можно противопоставить ясность, открытость, прозрачность получаемых результатов, решений, принимаемых на основании независимых мнений экспертов и корректируемых в зависимости от изменения ситуации.

3.2.6. Информированность и компетентность. Советская наука имела возможность вести работы по всему фронту актуальных направлений. Деградирующая российская наука, которая борется за выживание, сейчас «не замечает» многих ключевых направлений мировой науки. Они не развиваются, не обсуждаются, что таит в себе будущие угрозы и серьёзные проблемы для страны. Поэтому мы не можем развивать всё, но обязаны представлять происходящие в мировой науке процессы и иметь кадры, которые сумеют развить то, что будет необходимо стране. Россия не должна превратиться в «научную провинцию» мира.

3.2.7. Содействие реализации национальных проектов, выдвинутых Президентом Российской Федерации.

4. Основные мероприятия по достижению целей развития российской науки

4.1. Стимулирование и поддержка междисциплинарных исследований, механизмов интеграции и развития российской науки в интересах решения стратегических проблем. Создание сетевого Института междисциплинарных исследований, интеграции и развития российской науки в интересах решения стратегических проблем. Данная структура должна осуществлять междисциплинарное научное обеспечение: стратегических государственных решений и проектов развития РФ; национальной безопасности; национальных проектов; актуальных направлений инновационного развития; различных видов мониторинга, прогнозов, оценки рисков и др. Институт не должен подменять (или заменять) уже существующие структуры РАН, скорее, должен дополнять их, с учетом специфики актуальных для страны стратегических проблем. Куратором и генеральным Заказчиком данной структуры должен быть Президент РФ (Администрация Президента РФ).

4.2. Стимулирование и поддержка общественных механизмов развития российской науки. Создание под патронатом Президента РФ (Администрации Президента РФ) общественного механизма, ориентированного на развитие российской науки и решение стратегических проблем российского развития. Для этого целесообразно создать консультативный совет (типа экспертного ученого совета при Президенте, по аналогии с Научным Королевским Обществом в Англии), задачи которого – общественный контроль и поддержка развития российской науки, а также мобилизация общества на решение стратегических проблем развития России. Консультативный совет должен состо-

ять из авторитетных ученых, владеющих культурой междисциплинарных исследований. Разделение на отделения или секции по профессиональному признаку в нем недопустимо, поскольку будет нарушен принцип междисциплинарности. Состав этого совета должен планомерно обновляться и включать ученых из регионов.

Консультативный общественный совет должен тесно взаимодействовать с Институтом междисциплинарных исследований, интеграции и развития российской науки в интересах решения стратегических проблем (п.4.1.).

4.3. Содействие развитию межрегиональных Заказчиков и их связи с научными коллективами.

Существует обширный перечень вопросов, которые могут и должны решаться на межрегиональном уровне. Актуальной и правомерной является задача по созданию межрегиональной координационной структуры по научно-технической и инновационной деятельности субъектов Российской Федерации, направленных на повышение их конкурентоспособности. Основным содержанием этой совместной работы могли бы стать следующие направления деятельности:

4.3.1. Выявление и реализация перспективных инновационных коммерческих и социальных проектов.

4.3.2. Обеспечение информационного обмена и взаимодействия в процессе формирования региональной правовой базы, регулирующей сферы научно-технической и инновационной деятельности.

4.3.3. Содействие формированию межрегиональных рынков наукоемкой продукции и объектов интеллектуальной собственности, повышение конкурентоспособности организаций научно-технической и инновационных сфер регионов, включая малые инновационные предприятия.

4.3.4. Содействие развитию конверсионных инновационных направлений деятельности организаций ОПК в регионах в интересах этих регионов.

4.3.5. Определение и оказание содействия в удовлетворении кадрового голода в научной, технологической и инновационной сферах деятельности регионов, разработка рекомендаций по оптимизации рынка труда и подготовке специалистов в соответствующих учебных заведениях.

4.3.6. Построение элементов инновационных инфраструктур и механизмов государственной и негосударственной поддержки развития высокотехнологического сектора промышленности.

4.3.7. Оказание максимального содействия в освоении новых моделей бизнеса и финансово-банковских инструментов.

4.3.8. Внедрение в деловую практику российских высокотехнологичных компаний современных международных требований в области стандартизации, учета отчетности в области управления стоимостью и стабильностью развития бизнеса, а также современных технологий управления качеством.

4.4. Стимулирование и поддержка процессов становления бизнес-инновационного сообщества как субъекта развития российской науки. Необходимо проводить на плановой, системной основе работу с союзами и ассоциациями, представляющими интересы ученых, разработчиков и предпринимателей, вовлеченных в сферу инновационной экономики и наукоемкого производства. Эта самоорганизующаяся среда должна стать основной базой для проведения независимых экспертных оценок, прогнозов, аналитических разработок и рекомендаций. Эффективно работающие союзы и ассоциации могут стать интеллектуальной опорой для региональной власти и реальным инструментом претворения в жизнь научной, технологической и промышленной политики.

4.5. Совершенствование механизмов регулирования отношений российских научных организаций и отдельных ученых с зарубежными заказчиками. В условиях формирования единого мирового экономического, технологического и информационного пространства нарастает потребность в совершенствовании механизмов регулирования отношений российских научных организаций и отдельных ученых с зарубежными партнерами и заказчиками.

4.6. Формирование долгосрочных (10-25 лет) и среднесрочных (3-10 лет) прогнозов развития России и мира. Определение на их основе актуальных задач развития российской науки и ее региональных составляющих.

4.7. Уточнение Приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Российской Федерации. Список приоритетных направлений должен формироваться не чиновниками от науки, и не научными лоббистами, а в результате экспертных процедур, в которые вовлечены наиболее активные представители научного сообщества РФ. Придание наиболее приоритетного статуса направлениям, связанным с организацией российской науки, решением проблем совершенствования системы управления Российской Федерацией, со стимулированием и поддержкой процессов консолидации и самоорганизации российского общества, с формированием и становлением общественных (в том числе региональных) механизмов контроля над субъектами федерального, регионального и муниципального уровней.

4.8. Возвращение науки в образование. Многочисленные попытки «модернизировать» и «реформировать» российское образование привели к значительному снижению роли науки в образовании. Междисциплинарность российской науки обеспечивалась фундаментальностью вузовского образования. Сейчас поставлен вопрос о ликвидации всей вузовской науки, и это особенно сильно ударит по регионам. В стране происходит образовательная катастрофа, особенно в связи с экспансией платного образования, которое в подавляющем большинстве некачественно и является своего рода продажей диплома в рассрочку.

4.9. Совершенствование механизмов материального стимулирования научного поиска. Необходимо пересмотреть систему аттестации научных кадров. Дис-

сертация не может и не должна быть главной целью научной деятельности (особенно для молодых ученых), а именно таковой она является сейчас. Диссертация должна быть «побочным» продуктом научной деятельности; доплаты за научные степени искажают этос научного сообщества; ученые и преподаватели должны получать заработную плату, отражающую их вклад в науку, учебный процесс, учитывающую их опыт, положение в научно-образовательном сообществе, работу в определенном коллективе и т.д. Недопустима та уравнилельная система оплаты, которая принята сейчас и которая препятствует развитию личной инициативы и тормозит научный поиск.

5. Реализация Стратегии развития российской науки

5.1. Для реализации Стратегии развития российской науки целесообразна организация Национального проекта развития науки и инновационных технологий. Национальный проект будет способствовать повышению конкурентоспособности России, ее отдельных регионов и республик, а также российских компаний путем реализации целей и принципов настоящей Стратегии.

5.2. Реализация мероприятий, предусмотренных настоящей Стратегией, должна осуществляться в тесной координации с существующими и будущими федеральными, региональными, ведомственными программами, выполняемыми на основе бюджетного и внебюджетного финансирования, а также путем привлечения отечественных и зарубежных инвестиций по выполнению конкретных проектов.

5.3. Успех в достижении целей Стратегии во многом зависит от взаимодействия государственных и негосударственных организаций. Стратегия должна стать основой сотрудничества и партнерства всех заинтересованных сторон: государства, частного сектора, и гражданского общества в достижении целей развития российской науки через регионы.

Авторский коллектив:

Инициаторы и руководители: **Лепский В.Е.** (Руководитель семинара «Рефлексивные процессы и управление», Институт философии РАН), **Малинецкий Г.Г.** (Руководитель семинара «Будущее прикладной математики», Институт прикладной математики РАН), **Провицнев П.М.** (Директор Российского фонда развития высоких технологий), **Чернавский Д.С.** (Руководитель методологического семинара, Физический институт РАН).

Участники: **Агеев А.И.** (Институт экономических стратегий РАН), **Аришинов В.И.** (Фонд «Национальный кадровый резерв»), **Бажанов В.А.** (Ульяновский государственный университет), **Буданов В.Г.** (Институт философии РАН), **Денисов А.А.** (Институт конструкторско-технологической информатики РАН), **Ипполитов К.Х.** (Институт проблем безопасности и устойчивого развития), **Крупнов Ю.В.** (Общественное «Движение развития»), **Малков С.Ю.** (Академия военных наук).

* Авторский коллектив готов разработать приложения по всем позициям данного документа.

СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ РОССИИ

Б.И. Кудрин (Москва)

Индустриализация страны осуществлялась на основе концепции Государственного плана электрификации России (ГОЭЛРО, 1920) и предусматривала абсолютную централизацию, отраслевой монополизм, градообразующую гигантоманию. Ликвидация в 30-е годы миллиона мельниц по России и Украине; хуторов Прибалтики, Западной Украины, Калининграда – в 40–50-е; «неперспективных» деревень по всей стране – в 60–70-е – изменила социокультурную среду на 9/10 территории Советского Союза. В глубинке была уничтожена наиболее работоспособная и образованная часть населения. Вымирание, сопровождающееся некачественной электроэнергией (или полным её отсутствием), продолжается: с 1989 г. за 13 лет в России было официально упразднено 11 тыс. поселений, ещё в 13 тыс. деревень и посёлков никто не живёт; свыше 40 тыс. посёлков – без связи. Мелкие отдалённые деревни (11–50 чел.) вообще обречены. Без электрификации не видно и путей решения проблем бедности сельского населения, а это 39 млн россиян¹.

Это, если так можно выразиться, социокультурная констатация положения дел в глубинке, которое нельзя рассматривать в отрыве от проблемы электрификации. Очевидно, что сейчас ни одна из сторон повседневной деятельности человека, реализации его общественного назначения, призвания в промышленности или в сфере услуг, культуре, в менеджменте не могут быть без полного и качественного обеспечения электрической энергией. Товарное производство для жителей отдалённых поселений глубинки (да и просто выживания, достаточно вспомнить таёжную историю семьи старообрядцев Лыковых) невозможно ныне без широчайшего использования электричества, как в технологии производства, так и в удовлетворении всех бытовых и культурных потребностей. И здесь возникает вопрос о состоянии с электрификацией страны, об оценке завершающегося этапа реформирования электроэнергетики, о стратегии электрообеспечения потребителей, наконец, об энергетической безопасности России на среднесрочную (до 2020 г.) и долгосрочную (до 2050 г.) перспективу.

Констатируя, что «электрификация всей России» не состоялась, а глубинка инфраструктурой не охвачена, обоснуем ответ на вызов глобализации экономики, показав, что социально-культурная концепция индустриализации должна смениться в условиях постиндустриального информационного общества, отвергающего монополизм и жёсткое администрирование, распределённым

¹ Кудрин Б.И. План ГОЭЛРО и развитие топливно-энергетического комплекса страны // Промышленная энергетика. 1992. № 12. С. 2–8.

подходом, соответствующим ценологическим представлениям и ставящим своей целью развитие малого бизнеса и появление «Хозяина» на каждом участке российской земли. Это даст возможность аккумулировать субъектно-ориентированный потенциал индивидов, преобразовав его в источник самовоспроизводства общественного богатства, основанного на частном труде, где единицей является семья (минисообщество), имеющая возможность вести товарное производство, т. е. создать малый и микробизнес. Субъектно-ориентированная распределённость предполагает изменение социокультурных оснований, формализовано опирающихся на ценологические законы самоорганизации, которые устанавливают математически определённое видовое разнообразие и соотношение по параметру между крупным, средним и мелким².

Всё это требует анализа 100-летнего хода электрификации для возможности, во-первых, оценить настоящее положение в электроэнергетике; во-вторых, увидеть бифуркационность принятого рыночного направления реструктуризации электроэнергетики; в-третьих, предложить концепцию Государственного плана рыночной электрификации России (ГОРЭЛ), корректирующую выбранный путь. Для всего развития нашей страны в XX веке ключевым стал план ГОЭЛРО, рассмотрение истории и реализации которого поучительно и позволит более правильно сформулировать новую концепцию электрификации.

В 1913 г. общее число центральных станций в России составило 220 шт. (США — 5221; Германия — 4040 шт.). Отмечая, что в США только 3,1 % крупных станций (в Германии 2 %, в России 5,5 %) и имеется «много мелких, нерационально эксплуатируемых электрических станций», П. Гуревич делает вывод: «Несомненные выгоды концентрации производства электрической энергии в немногих особенно пригодных для этого пунктах привели постепенно к образованию так называемых районных станций, обслуживающих не один только город с его ближайшими окрестностями, но целые области с сотнями городов и селений» (Электричество. 1913. № 1. С. 16). Из трёх возможных путей электрификации: «Самой радикальной мерой было бы, несомненно, если бы государство взяло в свои руки не только производство электрической энергии, но и передачу её даже мелким потребителям, иначе говоря, ввело бы производственную и торговую монополию» (Электричество. 1913. № 2—3. С. 34). Именно убеждение, что «организация и концентрация являются лозунгом нашего времени, и им принадлежит будущее» и что «единственное рациональное решение вопроса заключается в выработке единообразного плана электрификации России с монополизацией производства электрической энергии в руках государства...» (с. 37) и легло в основу ГОЭЛРО, реализовавшим его идеологию: «...централизовать энергию всей страны» (В.И. Ленин, ПСС. Т. 40, с. 62); «Пять гигантских электрических станций — это такая материальная база, при которой всё обеспечено» (Ленинский сб. XXXIX, с. 285).

² Лепский В.Е. Проблема субъектов российского развития (Настоящий сборник).

Обратим внимание, что количество электростанций в Германии в 1913 г. было в 18 раз больше, чем в России, а территория Германии — почти в 40 раз меньше. Что касается крупных электростанций, то их в России оказалось в три раза больше. Следовательно, наша страна сразу пошла по пути гигантизма. Но в то время это был правильный путь (и с ценологической точки зрения тоже): надо было строить крупное, потому что в России в изобилии существовала «мелочёвка» — хвост гиперболического $H(\text{аш})$ -распределения. Он характеризовался наличием до 1 млн водяных, ветряных и др. частных источников энергии суммарной мощностью от 5 до 10 млн кВт. Рассредоточенность этих источников по территории России (вместе с учётом имевшихся лошадей) в определённой степени снимала с повестки дня энергообеспеченность глубинки.

Налицо было, вероятно, правильное распределённое субъектно-ориентированное использование территории России: были хозяйственный центр — мельница; площадь перед церковью, где еженедельно (по воскресеньям) шла торговля; центр образования и культуры — сама церковь и церковно-приходская школа, почта, земские учреждения. Словом, существовала достаточно устойчивая самоорганизующаяся ячейка, в которой существовало ценологическое расслоение по доходам, устойчивость которого сейчас оценить трудно. Заметим, однако, что Россия устойчиво продавала хлеб и даже, например, мёд и масло с Алтая — в Англию.

Однако начавшаяся в 1929 г. ликвидация кулачества как класса (в 1931 г. насчитывалось 830 тыс. ветряков, ликвидированных вместе с хозяевами) сделала неустойчивым энергообеспечение с точки зрения охвата всей территории страны (сюда же следует отнести отъём лошадей и скота). Сама же концепция плана ГОЭЛРО и не ставила такой задачи. Она предусматривала: единый государственный план строительства социалистического хозяйства (Госплан, Госстрой, Госснаб, жёсткое всевластие ведомств); индустриализацию при опережающем развитии тяжёлой промышленности; концентрацию производства и сооружение промышленных комбинатов на базе энергетических центров; строительство городов на базе градообразующих предприятий; опережающее развитие электрификации при концентрации мощностей и централизации электроснабжения.

Строительство промышленных гигантов, включавших город как необходимый придаток собственной деятельности, обезлюживал отдалённые поселения. Этому способствовало, во-первых, стремление зажиточных и средних крестьян «затеряться» в громадной массе неквалифицированных строителей на земляных и иных работах; во-вторых, неизбежное создание вокруг предприятий собственных подсобных хозяйств, отделов рабочего снабжения и проч.

Этот первый этап реализации плана ГОЭЛРО обеспечил индустриализацию, без которой не было бы Победы в 1945 г. Однако после войны, в конце 40-х годов дефицит электроэнергии и массовые ограничения, в том числе и населения, вновь поставили вопрос об электрификации. Был отвергнут путь строительства малых и средних электростанций, чтобы охватить ими всю страну. И

уже на их основе развивать малые предприятия, обеспечить электричеством сельское хозяйство и отдалённые поселения, опираясь на ценологическую теорию (на кривую *H*-распределения): если строится в регионе генератор мощностью 100 тыс. кВт, то необходимо, упрощённо говоря, строить одновременно 10 генераторов по 10 тыс. кВт, 100 генераторов по тысяче киловатт, и т. д. до мощности 1–10 кВт.

Но был избран путь (этап) строительства крупных электростанций, начавшийся с каскада Волжских ГЭС и ориентированный на создание единой энергосистемы ЕЭС (ставшей впоследствии объединённой). Быстрыми темпами с конца 50-х годов началось строительство сельских сетей и массовое подключение колхозов и совхозов к государственным сетям. Каждый Обком КПСС получал собственную энергосистему, где было несколько крупных электростанций (чаще – 2–3). Это направление привело к тому, что было уничтожено, по разным оценкам, от 5 до 6,6 тыс. средних электростанций мощностью 100–10000 кВт (суммарной по стране – 2–5 млн кВт). В этот раз уничтожали не просто электростанции, а два–три инженерных места работы (у каждого инженера была жена – учительница, врач, библиотекарь). Объявив деревни бесперспективными, второй раз был нанесён удар по глубинке, от которого она уже не оправилась.

Одновременно с этим начали распределять пресловутые «шесть соток». На первый взгляд, это шаг в сторону распределённого использования территории России отдельными субъектами. Фактически же это, во-первых, служило средством снять продовольственное напряжение в городах, обусловленное неэффективностью совхозно-колхозных структур; во-вторых, распределение земли было ориентировано на работающих горожан, что способствовало росту пригородов, но не способствовало сохранению глубинки за пределами транспортной (железнодорожной) доступности; в-третьих, 6 соток не могли служить основой товарного производства большинства сельскохозяйственных культур, следовательно, обрекало миллионы на непроизводительный труд.

Но с электрификацией в конце 60-х что-то опять не получалось (несмотря на жёсткое нормирование и лимитирование). Из нескольких путей, руководствуясь прежним лозунгом электрификации всей России, был выбран самый жёстко монопольный. Под обязательство Минэнерго подвести электроэнергию к каждой розетке, двигателю, коровнику энергосистема на третьем этапе получила право выдавать технические условия на присоединение и запрещать потребителям строительство собственных мощностей. В результате Минэнерго начало, например, строить вторые ТЭЦ буквально за оградой завода, но на генераторном напряжении (Липецк, Караганда), которое потребитель технически принять не мог. Дополнительные же затраты в подстанции и сети, вплоть до 220(330) и 500(750) кВ Минэнерго на себя не принимало, а перекладывало на потребителя. Третий этап характеризуется полным монополизмом электроэнергетики, когда за счёт потребителя энергосистемы осуществляли его же присоединение, компенсацию реактивной мощности, поддержание напряжения; потери в сетях перекладывали на него же. Энергосистемы потеряли интерес к

эффективной работе, что, в конце концов, и сделало неизбежной реструктуризацию электроэнергетики.

К началу реформ ЕЭС России обеспечила мировой уровень надёжности энергоснабжения потребителей в условиях низкого уровня резерва мощностей. ЕЭС базировалась большей частью на тепловых нагрузках городов и промышленности, что обеспечивало ей достаточную эффективность производства электрической энергии. В Российской Федерации работало более 30 тепловых электростанций мощностью свыше миллиона киловатт (из них Сургутская ГРЭС-2 с блоками по 800 МВт имеет мощность 4800 МВт, а Рефтинская ГРЭС с блоками по 500 МВт – 3800 МВт). Крупнейший конденсационный блок Костромской ГРЭС имеет мощность 1200 МВт; 33,6 % мощностей тепловых электростанций работает на давлении 24 МПа; 49,4 % – на 13 МПа. Мы не уступаем Западу и в использовании энергии рек: 13 ГЭС имеют мощность свыше миллиона киловатт. Самыми крупными являются Саяно-Шушенская и Красноярская ГЭС на Енисее мощностью соответственно 6400 и 6000 МВт. Эти две электростанции производят энергии больше, чем вся энергетика СССР в 1950 г. Пустив в 1954 г. первую в мире АЭС, в настоящее время Россия имеет семь АЭС мощностью свыше миллиона киловатт, три из них – мощностью по 4000 МВт при единичной мощности агрегата 1000 МВт. Россия стала первопроходцем и в использовании сверхвысоких напряжений, освоив передачу электроэнергии на напряжении 500 и 1150 кВ.

Сейчас в России государство осуществляет надзор более чем за 3 млн объектов, в числе которых: 705 электростанций и блок-станций; 26 тыс. малых (технологических) электростанций; около 1500 гидротехнических сооружений предприятий энергетики и промышленности; 800 тыс. потребителей тепловой энергии; 2 млн потребителей электрической энергии; 300 тыс. единиц оборудования, работающего под давлением, на 32,5 тыс. предприятий; около 400 организаций-изготовителей такого оборудования и свыше 1000 организаций, осуществляющих его монтаж и наладку.

Это, так сказать, достижения. Но что же фактически мы имеем с электрификацией, если из космоса видно, что 2/3 территории России – без света? Системы электроснабжения сельских районов напряжением 0,38–110 кВ имеют общую протяжённость около 2,3 млн км, в том числе воздушные линии 6–10 кВ – 1184 тыс. км, ВЛ 0,38 кВ – 826 тыс. км; в эксплуатации около 500 тыс. трансформаторных пунктов 6–35/0,4 кВ. В процессе их строительства, апогей которого пришёлся на 60-е годы, осуществляли курс на удешевление стоимости сетей. Фактические гололёдно-ветровые нагрузки во многих районах превышают те, на которые были рассчитаны ЛЭП, а это вызывает массовые и продолжительные отключения. Доля алюминиевых проводов малых сечений до 50 кв. мм (а нужно не менее 70 кв. мм) составляет в линиях ВЛ 6–10 кВ почти 25 %, а 30 % ВЛ 0,38 кВ смонтировано проводами сечением до 25 кв. мм, что не обеспечивает пропускную способность (не говоря уже о потерях). Техническое состояние половины сельских сетей определяют как неудовлетворительное (в

Нечерноземье 59 % ВЛ 0,38 кВ и 42 % ВЛ 6–10 кВ имеют износ около 100 %). Протяжённость сетей ВЛ 6–10 кВ значительно больше оптимальной длины 8–12 км (более 25 км – 13,3 %, более 50 км – 2,2 %). В ещё большей степени это относится к сетям 0,4 кВ (точнее – 380/220 кВ). Поэтому надёжность сельскохозяйственных потребителей составляет сегодня 70–100 ч перерывов в электроснабжении в год (в развитых странах – 7–10 ч/год), у 35 % сельскохозяйственных потребителей не обеспечивается напряжение, падающее вечерами до 190–200 В, несимметрия по фазам в сетях 0,4 кВ доходит до 50 % (это ведёт к высокой аварийности работы мелких асинхронных двигателей сельских и отдалённых поселений). Да, фактически электрификация страны, как это понимается развитыми странами, не состоялась.

Что же нужно делать и куда идти? Для регионов следует разработать локальные планы электрификации на основе:

1) ревизии всех объектов, на которых по действующей нормативно-технической документации должны быть установлены независимые от энергосистемы источники питания (это административные и режимные организации; объекты инфраструктуры, объекты здравоохранения, сферы услуг и торговли);

2) нового строительства парогазовых и иных районных (квартальных) генерирующих источников и когерентных установок на традиционных видах топлива единичной мощностью 1–6–24 МВт;

3) законодательного стимулирования лизинга и льготного кредитования сооружения объектов, использующих солнечную энергию (в Германии реализована программа «10 тыс. крыш» и реализуется очередная для 100 тыс., оснащаемых фотоэлементами);

4) муниципального учёта всех возможных вторичных ресурсов, в том числе использования мусора, перепада давлений и температур, неравномерности графиков действующих котельных;

5) стратегии развития энергообеспеченности города, при использовании величины расхода электроэнергии и требующейся мощности на средне- и долгосрочную перспективу, структурно-топологического ценологического мониторинга параметров электропотребления максимально возможного количества потребителей для оценки параметров электропотребления, норм и результатов энергосбережения.

Тогда, применительно к регионам (областям) задача разбивается на две относительно независимые: 1) обеспечение тепловой и электрической энергией городов и крупных (средних и мелких) промышленных и иных объектов. Здесь, прежде всего, необходимы ревизия всех источников энергии (электростанций и котельных), а затем ценологический анализ, что нужно для энергетической самодостаточности; 2) ориентирование электрификации глубинки на развитие сетей и массовую малую генерацию на основе традиционного углеводородного сырья и, главное, использования местных и возобновляемых источников энергии (ветер, геотерм, навоз и солома, отходы древесины, ивовые плантации, мусор, солнце, микро- и малые ГЭС и др.).

Товарное сельхозпроизводство предполагает наличие земли и электричества – всеобъемлющей электрификации (не рассматривая плотно заселённые пригороды и южные районы России). Вместе со строительством Транссиба с начала XX в. началась волна заселений: ехать в Сибирь становилось выгодным. Оплачивалась четверть проезда, обеспечивались бесплатное питание и медицинская помощь. Переселенцу выдавали ссуду 200 руб. и от 8 до 15 десятин «удобной» земли и сколько угодно «неудобной» (казённая русская десятина – это не пресловутые «6 соток», а 30Ч80 или 40Ч60 саженой, что составляет 10925 кв. м, т. е. 100 соток – гектар). Опыт заселения говорит, что земля выдаётся семье, где не меньше двух мужчин репродуктивного возраста, освобождённых от службы в армии. Семья берёт обязательство иметь не меньше трёх детей, а при достижении ими определённого возраста и сохранении хозяйства кредит и лизинг государством погашаются. Для отдельного хозяйства должно быть три генератора единичной мощностью 5–20 кВт. Во всех случаях речь идёт о лизинге. Лизинговые схемы в сфере малой энергетики появились в 2005 г., когда лизинговые компании начали активно интересоваться промышленными предприятиями и предприятиями ЖКХ, нуждающимися в собственном электропитании. До этого лизинг осуществлялся в сфере средней энергетики на напряжении 6–10 кВ. Сейчас признают, что локальная энергетика интересна с точки зрения инвестиций, что лизинг автономной генерации, сетей и подстанций активно развивается. Пока же, к сожалению, говоря об этом, «Балтийский лизинг» приводит в качестве примера лишь поставку в августе 2006 г. оборудования комплекса аварийного энергоснабжения ФГУ «ГК Дворец конгрессов» (Константиновский дворец), да и то – на время проведения саммита G8. Мы же говорим о лизинге для отдалённых поселений, где живут «с земли».

Сегодня главное заключается в сохранении глубинки, блокировании оттока молодёжи. Это возможно технически: современные высокие технологии позволяют (при надёжном электроснабжении) донести через мобильную связь и Интернет весь информационный мир в любую точку глубинки. Дистанционное обучение, гарантия получения любого образования (не покидая Родину), возможность пользоваться фондами библиотек, быть в курсе культурных и иных событий, чувствовать себя полноправным гражданином России – вот действительный национальный проект, опирающийся на электрификацию.

Поселения могут быть небольшими (не как в колхозной практике, чтобы запречь лошадь, надо пройти пару километров) и устойчивыми, если: 1) есть надёжное электроснабжение (в любом случае – собственно независимый генерирующий источник); 2) имеются мобильная связь и Интернет; 3) гарантируются бесплатное образование и медицинское обслуживание; 4) до начала посевной (лучше сразу после уборки урожая) гарантируются закупочные цены и договор на закупку продукции (включая мясо-молочную).

Фактически же в стране продолжается строительство гигантов. Характерный пример – Калининградская область, где строят ТЭЦ-2, включённую «в Федеральную целевую программу развития особой экономической зоны в Ка-

лининградской области на период до 2010 г.» и названную одной из «основныхстроек» РАО «ЕЭС России». Этим зачёркивается довоенный германский опыт обеспечения собственной электроэнергией от небольших ГЭС и ТЭЦ. Миллионник ТЭЦ-2 Калининграда резко нарушает ценологическую кривую и в ближайшее время породит множество проблем с передачей электрической и тепловой энергии, в конечном счёте — с экономической эффективностью работы станции. Там же в Калининграде широко рекламировалось сооружение ветропарка: одна ВЭУ мощностью 600 кВт и 20 ВЭУ по 225 кВт каждая. Однако вопреки не только ценологической теории, но вопреки и здравому инженерному смыслу 21 ветряк был расставлен не возле мелких поселений региона, а сосредоточен в одном месте, чтобы повысить напряжение до 15 кВ, а затем распределять мощность уже на напряжение 110 кВ.

Есть одна ключевая (упорно не решаемая в стране) проблема. Упрощённо она сводится к следующему. Если гражданин Российской Федерации — житель глубинки — поставил собственный ветряк на 5 кВт, а вдоль деревни протянута линия 380/220 В, то возникает два вопроса: 1) возможность подключения ветряка к сетям энергоснабжающей организации; 2) когда житель ложится спать, а ветер дует, будет ли покупать энергосистема электроэнергию хотя бы по собственной себестоимости. Пока практика однозначна: энергосистемы противятся изо всех сил подключению подобных генерирующих мощностей. Здесь настоятельно необходимо решение законодательной власти, защищающее интересы потребителя.

Теперь сформулируем основные концептуальные положения Государственного плана рыночной электрификации России (ГОРЭЛ).

1. Осуществление энергетического (и иного) строительства на основе единства федеральных законов и подзаконных актов, каждый из которых должен проверяться ценологическими ограничениями во всех своих частях и, прежде всего, в части соблюдения баланса прав пары «субъект электроэнергетики — потребитель».

Речь, прежде всего, идёт о разработке закона «О потребителе электрической энергии», в котором должна быть, во-первых, дана классификация потребителей, основанная не на величине потребляемой (расчётно-договорной) мощности, а на способе присоединения (устройства границы раздела «потребитель—энергоснабжающая организация») и величине питающего напряжения; во-вторых, утверждён для обеспечения потребителя электроэнергией в электроэнергетике основополагающий принцип: свои сооружения и сети субъект электроэнергетики проектирует, строит, эксплуатирует за свои средства; в-третьих, до согласованной мощности, включая всю генерацию потребителя до 1000 В, присоединение потребителя к сетям электроэнергетики осуществляется по заявительному, а не по разрешительному принципу; в-четвёртых, избыток выработанной потребителем электроэнергии обязательно приобретается субъектами энергетики по стоимости, не меньше себестоимости, определённой РЭК для энергоснабжающей организации.

2. Необходимо антимонопольное регулирование гигантов производства, стимулирование малой генерации, в том числе и в сфере услуг; обеспечение прозрачности ранжирования мощностей, общих и удельных расходов электроэнергии по регионам, отраслям экономики, стране в целом для объективно верной оценки результатов нормирования, расходов энергоресурсов, включая энергосбережение.

3. Выстраивание ценологического соотношения «крупное—мелкое» в производстве, услугах, в сооружении генерирующих мощностей потребителей; замена концепции единой энергосистемы страны и единой системы диспетчеризации концепцией обеспечения энергетической самостоятельности регионов, развитием энергоснабжающих организаций на основе распределённых сетей потребителей.

4. Реструктуризация градообразующих гигантов, породивших экологические и социальные проблемы; восстановление по всей стране «кулачества» (крепких хозяйственников, фермерства) как класса, замена концепции интенсификации электросетевого строительства концепцией децентрализованного энергоснабжения промышленности, ЖКХ, необжитых и малообжитых территорий. Необходимо обеспечить заявительный способ подключения возобновляемых источников.

5. Электрообеспечение следует производить в темпах, меньших роста ВВП; стратегию инвестиций сочетать с задачами энергосбережения; реализовать децентрализацию по уровням системы электроснабжения потребителей при автономности части электропотребления в чрезвычайных ситуациях.

Выводы

Сегодня отсутствует стратегический субъект электрификации России, необходима Президентская программа, охватывающая все аспекты электрообеспечения потребителей и по значимости превосходящая план ГОЭЛРО. Программа должна опираться на Закон о потребителе и законодательство, дающее возможность малой электроэнергетике перейти на заявительный способ технологического присоединения к электрическим сетям субъекта электроэнергетики и обязательное приобретение этими субъектами избытка выработанной электроэнергии автономными источниками, особенно работающими на возобновляемых и вторичных энергоресурсах.

Программа должна включать другие национальные проекты и опираться на Государственный план рыночной электрификации России (ГОРЭЛ) с широким использованием традиционных, местных и возобновляемых источников энергии, по иерархии: 1. На уровне Российской Федерации, Минпромэнерго РФ и РАО «ЕЭС России» разрабатывается государственная стратегия строительства крупных электростанций (на газе и угле, гидро- и атомных) и развития национальной федеральной электрической сети на напряжении 220–750 кВ; 2. Региональные власти обеспечивают учёт и ранговый анализ по численности и энергообеспеченности (электричество + тепло) всех родов и селе-

ний, соотносят это с существующей схемой электроснабжения, осуществляют *H*-выстраивание генерирующих мощностей и сетей); 3. Поселения глубинки, ориентируясь на энергообеспечение 5–20 кВт и выше для каждой семьи, группы (единицы поддержки государством), дают ретроспективу и оценочную перспективу, ориентируясь на 20–30 лет для мужчин репродуктивного возраста, на 50 лет – для детей. Должны быть даны размеры наделов, ценологически различные по регионам, но достаточные для товарного производства. Это должно увязываться с гарантированной связью, дистанционным школьным, вплоть до вузовского, образованием (по Интернету); медицинским обслуживанием по месту проживания. Отдельная программа – по инфраструктуре: дороги, внедорожники, малая авиация; организация еженедельных ярмарок в райцентре в радиусе не более 30–50 км; прозрачная закупочная политика, снабжение удобрениями, стройматериалами, горюче-смазочными и др., разрешение на оружие (для отдалённых мест и одиночных хуторов), стимулирование строительства домов отслужившим военным, изменение подхода к призыву³.

---

³ Кудрин Б.И. О Государственном плане рыночной электрификации России. М.: Изд-во ИНП, 2005. 205 с.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ДОКТРИНА РОССИИ

Ю.В. Крупнов (Москва)

Осуществление промышленного развития России и создание новой национальной промышленной системы является одной из стратегических целей ДВИЖЕНИЯ РАЗВИТИЯ <http://www.d-razvitija.ru/>.

Работа по определению основных направлений промышленного развития России активно ведется в рамках Института мирового развития <http://www.inmira.ru> с 2004 года.

Важными результатами этой работы стала публикация первой версии Промышленной доктрины России <http://www.kgroupnov.ru/pubs/2004/10/17/10152/> 17 октября 2004 года, а также создание Коалиции промышленного развития <http://www.kgroupnov.ru/pubs/2006/07/31/10371/> в июле 2006 года. В сентябре 2006 года были сделаны первые шаги на пути к созданию Мировой Коалиции промышленного развития <http://www.kgroupnov.ru/pubs/2006/09/26/10453/>.

Разработка и презентация второй версии Промышленной доктрины России на Международном форуме «Проекты будущего: междисциплинарный подход» должна стать важным шагом на пути к организации промышленного развития России.

Доктрина определяет ключевые направления промышленного развития, его целевые показатели, основные механизмы и меры, обеспечивающие ее реализацию. Являясь проектом для обсуждения, она призвана одновременно выполнять роль руководства к действию для всех сил, заинтересованных в организации развития России.

ВНЕДРЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ – БУДУЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДОРОВЬЕ»

А.З. Фахрутдинова (Новосибирск)

Достижение основной цели реформирования социальной сферы - повышения качества и доступности предоставляемых услуг - в значительной степени зависит от эффективности обратной связи между системой управления и учреждениями социальной сферы, с одной стороны и населением – с другой. В соответствии с основными направлениями концепции административной реформы и реформы бюджетного процесса, действие механизма обратной связи должно обеспечено за счет внедрения управления по результатам и бюджетирования, ориентированного на результат. Можно зафиксировать ряд серьезных проблем, препятствующих формированию подобной системы управления. Отсутствуют методики расчета показателей результативности по направлениям деятельности органов исполнительной власти и учреждений в этой сфере. Не созданы система сбора и обработки информации, необходимой для формирования набора целевых значений показателей результативности, и система мониторинга их достижения. Нет детальной проработки механизма, позволяющего учитывать оценки результативности для стимулирования деятельности медицинских. Механизмы среднесрочного планирования на основе оценки результативности бюджетных расходов практически не работают. Не решен вопрос с организационно-правовым статусом учреждений сферы здравоохранения. У государственных и муниципальных служащих и работников сферы здравоохранения нет необходимых знаний и навыков работы в системе управления по результатам, а также мотивации к ее проведению.

На сегодняшний приоритетной формой реализации реформы здравоохранения день является национальный проект «Здоровье». Какова философия и методология данного проекта? Предполагают ли они построение и развитие обратной связи, основанной на оценке конечного результата, внедрение управления по результатам? Анализ основных направлений реализации национального проекта – акценты на развитие первичной медицинской помощи, подготовку семейных врачей, врачей общей практики, диспансеризацию населения, обеспечения лечебных учреждений высокотехнологичным диагностическим оборудованием и др. – выявляет следующие его методологические основания. Национальный проект реализует философию превентивных мер применительно к выбору стратегии оздоровления нации, т.е. актуализирует мероприятия по предупреждению и раннему выявлению заболевания на основе диспансеризации и высокотехнологичной диагностики. Методологической основой организации врачебной практики послужила коммуникативная модель управления, предполагающая новое осмысление роли врача общей практики или участкового врача-терапевта, перемещение акцентов с собственно

диагностических и лечебных компетенций и навыков на организационные, коммуникативные, управленческие.

Представляется, однако, что при всей актуальности и своевременности преобразований, проводимых на данной методологической основе, проблемным моментом остается именно повышение качества услуг на основе оценки конечного результата. Принципы управления по результатам не входят органически в данную методологию. Конечно, органы управления системой здравоохранения на региональном уровне, пытаются разработать показатели результативности и оценки качества услуг, предоставляемых лечебными учреждениями первичного звена. В частности, в департаменте здравоохранения Новосибирской области предложены такие показатели, как число экстренных госпитализаций, онкозапущенность, открытие повторных больничных листов, число обоснованных жалоб и пр. Вместе с тем, неясны механизмы мониторинга данных показателей, оценки и стимулирования медперсонала на основе их выявления. На сегодняшний день нет четкой правовой и нормативной основы для снятия или перераспределения «президентских» надбавок. Обещанные Президентом 10 и 5 тысяч рублей врачи и медперсонал будут получать вне зависимости от достигнутых результатов.

Другая коллизия связана с диспансеризацией трудящихся. Казалось бы, здесь должна заработать обратная связь. Учреждения, обладающие диагностической аппаратурой, финансово будут заинтересованы в проведении диспансеризации, получая за каждого обследованного определенную сумму денег. Не работает только связь между деятельностью медицинских учреждений и уровнем здоровья населения. Учреждения, проводящие диагностические исследования, будут получать деньги по числу обследованных вне зависимости от их дальнейшей судьбы и уровня здоровья. Врачи-терапевты, в принципе отвечающие именно за эти показатели, никак не смогут повлиять на процесс диспансеризации, поскольку он, вероятнее всего будет проводиться в других лечебных учреждениях и осуществляться по иным механизмам (скорее всего лечебные учреждения будут заключать договоры с предприятиями и обследовать коллективы трудящихся). Механизм обратной связи в явном виде предусматривают только преобразования в сфере родовспоможения (выдача родовых сертификатов).

Разработка обозначенных механизмов мониторинга и оценки деятельности медицинских учреждений в рамках реализации национального проекта – это задача ближайшего будущего, условие действительного прорыва в новое социальное измерение. Однако, и сейчас, не дожидаясь федеральных решений, органы управления здравоохранением и лечебные учреждения на региональном и местном уровне могут встроить механизм оценки по результатам в ход реализации национального проекта. Это, прежде всего, оценка качеств услуг со стороны пациентов поликлиник и других лечебных учреждений, выявленная через систему постоянно проводимых опросов, «горячих линий», анализа информации в СМИ, на форумах в Интернете и т.п.. Только привлечение насе-

ления к оценке результативности и эффективности реализации проекта, внедрение интерактивных методов управления позволять достичь конечных целей реформы социальной сферы вообще и системы здравоохранения в частности, способствовать формированию гражданского общества и ответственной позиции лечебных учреждений и органов управления данной сферой перед потребителем своих услуг – населением России.

Приложение 6

**«ПАРК МИРОВЫХ КУЛЬТУР»
КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
РЕФЛЕКСИВНОГО ТИПА И КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЦИ-
ВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА**

Е.В. Куликова

Рефлексивный подход к анализу проблем современности является сегодня одним из самых адекватных и объективных, способных привести к эффективным управленческим решениям в разных сферах нашей жизни. Как показывает практика, социальные технологии, разрабатываемые на основе данного подхода, эффективны как для решения прагматических конкретных проблем бизнеса, так и для разрешения кризисных вопросов цивилизационного масштаба.

Наиболее актуальные задачи современности - задача мега-безопасности человеческой цивилизации и задача разрешения геополитических противоречий на фоне глобальной ресурсной войны, в настоящее время требуют внедрения принципиально новых стратегических решений и мощных социальных технологий массовой коммуникации.

В настоящее время процессы, происходящие на планете, все чаще требуют интеграции усилий всего мирового сообщества во многих областях жизнедеятельности и разработки наиболее эффективных и мощных по силе воздействия, социальных технологий, способных помочь в решении проблем стратегического уровня и планетарного масштаба. Кроме того, при переходе общества в информационную эпоху своего развития, в условиях усиления интеграционных процессов, повышается актуальность проблем обеспечения взаимопонимания между представителями разных наций и народностей, разных социальных сословий. Решение этих проблем невозможно без достаточного знания о культуре и традициях всех соседей по нашему общему Дому - планете Земля.

Адекватные рефлексивные представления создают наиболее благоприятные условия для преодоления и нейтрализации конфликтов в любых типах социальных взаимодействий, способствуют кооперации и взаимовыгодному сотрудничеству. Недооценка психологических и мировоззренческих различий между

народами, вносит искажения в рефлексивные представления их друг о друге, создавая непреодолимые барьеры на пути конструктивного диалога и сотрудничества. (Кстати, здесь же необходимо искать и корни существующего ныне терроризма). Что, в свою очередь, крайне негативно влияет на решение задач стабилизации и оптимизации мировых процессов.

Миром всегда управляли идеи цивилизаций. Теряются идеи – угасают и цивилизации. Сегодня в мире идет настоящая война (по сути, цивилизационно-мировоззренческая) за умы людей современных шести цивилизаций. Одни пытаются навязать другим свое цивилизационное мировоззрение. Пришло время понять каждой цивилизации, что она является органом в едином социальном организме человека. Одним из способов сохранения человечества как духовно-физического социума, является развитие и становление качественно новых, духовно-культурных традиций объединяющего свойства и применение принципиально новых социальных технологий.

Для достижения этого необходимо реализовать ряд общечеловеческих проектов, одним из которых является идея создания Центра планетарной коммуникации «Парк Мировых Культур». Эта идея основана на понимании рефлексивных процессов, происходящих сегодня в мире, и является, по сути, универсальной технологией коммуникации, призванной решить комплекс современных проблем мирового сообщества. Образно говоря, эта идея, уникально сочетающая в себе алхимические принципы соединения Духа и Материи, способна стать «Философским Камнем», центром кристаллизации будущего социума. Она также имеет достаточно высокий иерархический уровень целеполагания, что придает ей способность не только объединять и организовывать человечество под одну «крышу», но и гармонично структурировать совершенно разные системы ценностей, мировоззрений, традиций наций и народностей в одну отлаженную систему.

Эта идея также основана на знании о том, что всегда был, есть и будет проявляться интерес у подавляющего большинства людей разных стран к культуре людей, живущих в других странах, а отсюда - интерес к путешествиям и мировым круизам. И это придает ей высокий мотивационный характер для создания т.н. «Культурной Мекки», как места всемирного паломничества. Знакомство со спецификой культурных традиций других народов, с их нравами и обычаями, с особенностями их психологии, не только обогащает каждого человека расширением его кругозора, но и является мощным нравственным фактором, развивающим в каждом человеке планетарное мировоззрение.

Анализируя закономерности эволюционных процессов на всей планете, необходимо указать на особое место в них России, и её геополитическую роль. В настоящее время постепенно начинает прорисовываться будущее «лицо» России, но пока еще с очень размытыми чертами. Мы сегодня непредсказуемы не только для других стран, но и для самих себя. Не происходит так необходимой рефлексии для самоактуализации нашей нации и осознания своей генеральной миссии среди других «органов» планетарного организма.

Важно именно в этот момент приложить максимум усилий, чтобы в этом будущем облике проявились черты мирового духовно–интеллектуального лидера, каковым незримо является Россия с древнейших времён. Эта задача вполне реализуема, ибо для её решения в стране имеется достаточный интеллектуальный, культурный, экономический и технологический потенциалы. (Кстати, идея становления России в качестве мирового духовного и интеллектуального лидера наиболее полно отвечает исторической ее миссии и духовным запросам нашего народа).

Это осуществимо только в том случае, если Россия становится инициатором и реализатором объединительных идей и проектов общепланетного масштаба, каковым и является проект создания Центра планетарной коммуникации «Парк Мировых Культур». Концепция данного проекта разработана на базе научно обоснованной социальной технологии массовой коммуникации рефлексивного типа.

По мнению многих экспертов из различных областей, Проект исторически актуален как никогда и, кроме того, имеет достаточно высокий потенциал инвестиционной привлекательности.

ВСЕМИРНАЯ РОССИЯ ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ: СОБИРАНИЕ РУССКОГО НАРОДА

Ю.Я. Любашевский

(Гуманитарный институт им. С.П.Дягилева, Москва)

Появление национальных проектов всколыхнуло общественную жизнь страны и породило немалый соблазн для неравнодушных к судьбе России. А те ли проекты выбраны? А может быть есть еще более важные? Оправданием таких сомнений и предложений, кроме их искренности, служит всеобщая уверенность, что первыми четырьмя дело не закончится. Будут возникать проекты, и лучшие из них станут новыми национальными.

Наши 15 лет работы в сфере культуры и социальных технологий привели нас к полной убежденности – в качестве национального проекта может и должно быть рассмотрено «собрание и консолидация соотечественников России во всем мире»*.

Есть нынешняя Россия. Страна, государство. Назвать в связи с дальнейшей логикой – Россией никак нельзя. Она самая большая в мире. Может быть *«основная»!*

У этой России есть имидж, точнее несколько: для себя (внутренний), для стран бывшего СССР – первый внешний, для мира – второй внешний. По уму должна идти работа по формированию всех трех имиджей. На деле такой работы нет, или она умело маскируется. Хотя деньги выделяются.

Следующий уровень – население бывшего Советского Союза. наших там так много, что впору говорить о *«средней»* России. Там только этнических русских 20-25 млн., не меньше жителей России и республик СССР, считающих русский язык родным и крепко захваченных русской культурой. Можно смело называть их русскоязычными без риска обидеть их или этнических русских. Эти люди – 30-40 миллионов – в подавляющем большинстве любят Россию, многие готовы вернуться или приехать, многие хотят быть ее верными детьми. Мать-родина относится к ним даже не как мачеха, а как чужая, притом злобная тетка. Добавляют и неразумные детки – всякие Рогозины, Кондратенки, Жириновские и прочие.

Если проще, поведение власти российской по отношению к этим людям попросту преступно. Правильные слова, как и в других случаях, говорит гарант

---

* Сходной по звучанию формулировкой «Сбережение народа российского» обычно называют трактат Шувалова, елизаветинского вельможи. Трактат называется «О сохранении и размножении народа российского». На самом деле, Шувалов передал Елизавете трактат МВ.Ломоносова. Елизавета вроде бы не прочитала, остальные цари читали, но мыслью не озаботились. (ИЗО 8.6.5.)

Конституции. К сожалению, уже замечено, что каждый раз после правильных слов В.В.Путина о недостатках миграционного законодательства, ситуация для русских иммигрантов резко ухудшается.

Следующий уровень — это русские и русскоязычные диаспоры во всем мире. Это все волны русской эмиграции: до 1917 г., времен революции и гражданской войны, послевоенные, доперестроечные и постперестроечные волны. Точную цифру назвать трудно, но это явно десятки миллионов. Притом, важно качество. Россия всегда выталакивала лучших, самых активных. Многие русские эмигранты достигли больших успехов на своей новой родине, они имеют большое влияние в своих странах и во всем мире. Мы утверждаем, что врагов России, особенно после прекращения советской власти там ничтожно мало. Отношение к России или безусловно положительное или нейтрально положительное, в крайнем случае, равнодушное.

Итак существует **основная** Россия, это пока не трогаем. *«Средняя Россия»*, или русские и русскоязычные диаспоры в республиках бывшего СССР (не СНГ, поскольку существует Балтика) — примерно 50 млн. человек. Большая Россия — русские и русскоязычные диаспоры во всем мире. Тоже приблизительно 50 млн. человек.

Гипотеза — эти 100 миллионов человек *средней и большой* России имеют внутренние связи с Российской Федерацией, большинство из них настроены к России положительно. Энергия, влияние, активность, экономические возможности в случае изменения вектора в сторону российского государства могут иметь огромное значение для «основной» России.

Все это может произойти при реализации проекта собирания народа российского. Уровень реализации может быть самым разным — возвращение на Родину, преимущества при въезде, работе, бизнесе, поддержка в установлении культурных, экономических, дружественных, родственных и иных связей.

Что делает Россия («основная») для активизации этого ресурса?

По «средней» России. **Ничего хорошего и немало плохого.** Фактически проводится антимиграционная, то есть антирусская и антироссийская, политика. Этим бы озаботиться розогинцам и им подобным, но их заботы — другие. Как проводят в России антирусскую политику — этим бы озаботиться доблестным чекистам, но они ловят английских шпионов.

По «большой» России — много слов, мало дела. Дело ограничивается периодическими конференциями, съездами и другими мероприятиями. Внимания и реального интереса власти не видно. Конкретные действия могут быть предложены, некоторые уже предлагались.

По «всемирной» России не сделано ничего.

Уходя от упреков в мании величия, скажу, что речь идет не о проекте, а **проекте проекта**. Не мне его реализовывать. Возможно, эта задача следующего президента России. Кроме того, неплохая часть программы для реального кандидата. Возможно, собирание русских — если не национальная идея, то хорошая основа для ее создания.

НОВЫЙ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ И РОССИЙСКАЯ ПОЛИЭТНИЧНАЯ СПЕЦИФИКА

М.Е. Попов

(Ставропольский государственный университет, г. Ставрополь)

В условиях глубинных социокультурных трансформаций кризис цивилизационной надэтнической идентичности, деградация гражданского самосознания и политической свободы, а также возрастающая роль и *слияние* этнического, политического и религиозного факторов в идеологических, культурных и социальных реалиях стали важнейшими параметрами эскалации социальных конфликтов в современной России, вызвавшими семантическую и квазиидеологическую *реставрацию* дискурса советскости.

С исчезновением в 1990-е годы советской корпоративности происходило тотальное конфликтное вторжение политизированной этничности и религиозного фундаментализма в постсоветский социальный мир. Катастрофические нарушения в трансляции позитивной идентичности и политический предопределенный провал либерально-демократического проекта, породившие тотальную ценностную дезориентацию, привели к патологической социальной абулии и *констатации негативной идентичности*.

Для России нового века проблема формирования позитивной надэтнической гражданской идентичности как важнейшего источника деэскалации этнических конфликтов, демократической интеграции и *легитимации гражданской позиции* носит ярко выраженный амбивалентный характер: паллиативное становление гражданского общества и надэтнической идентичности происходит в атмосфере перманентной этноконфликтной напряженности и институционализации радикальных этнополитических гиперидентичностей, интенсифицирующих деструктивные тенденции этнического экстремизма, государственного и регионального этнонационализма.

В периоды масштабных общественно-политических перемен, характеризующихся разрушением системных основ функционирования социокультурных систем, люди неизбежно испытывают «раскалывающие сознание» противоречивые чувства растерянности, пассивности, безволия, панического страха, навязчивой коллективной аномии, агрессии и аутоагрессии, неуверенности в будущем. В такие «пограничные» периоды обществу необходимы стабильные, проверенные временем и мировой традицией *образцы позитивной идентичности*, упорядочивающие хаотический социальный опыт.

Российская цивилизация в XXI столетии находится в перманентном процессе преобразования надэтнической и цивилизационной идентичности и механизмов гражданской консолидации социальных общностей, что обусловле-

но исчезновением десятилетиями формировавшей и мифологизирующей массовое сознание советской монокультуры и пропаганды, разрушением тоталитарной коммунистической идеологии и распадом Советского Союза. В современной России (по характеру оставшейся *постсоветской*) надэтническая идентичность продолжает оставаться неясной и паллиативной: этническое самосознание народов бывшего СССР было настолько тесно связанным с надэтнической, «интернациональной» идеей, что крах советской идеологии оставил многие этносы без ясного ответа на вопрос о социокультурной принадлежности. Идеал гражданской консолидации, унаследованный от относительно бесконфликтной постсталинской эпохи, в современной социокультурной ситуации остается значимым, но при этом разрушается «сконструированной реальностью» тотальной ксенофобии, этнорасового и этнорелигиозного шовинизма, новых радикально-политических консолидаций.

Кризис гражданской идентичности вызывает регрессию общественного сознания в направлении к архаичным, интолерантным и примитивно-радикальным ценностям, поскольку чувство социальной дезориентации, характерное для кризиса цивилизационной идентичности, увеличивает шансы на успех авторитарно-тоталитарных и националистических идеологий (в контексте современной России — изоляционистские проекты евразийского «имперского сверхсталинизма», государственно-православного фундаментализма и религиозно-политического радикального исламизма). Непрекращающаяся в новом веке мобилизация реактивной этничности — реакция как на утрату «советского интернационализма», так и на попытки формирования интегрированной в Европу российской надэтнической идентичности — выступает в России качестве противоречивого, имплицитно конфликтогенного фактора, с одной стороны, утверждения демократических прав на традиционный образ жизни и ценности; с другой стороны, конфликтного и безапелляционного вытеснения надэтнических, универсально-космополитических и гражданских ценностей этнорасовыми, «имперско-националистическими» и этнорелигиозными.

Кризис либерализма, гражданская аномия, социальная апатия, фрагментация надэтнической идентичности и легитимация религиозной этничности являются прямым следствием *параноидальной амбивалентности* процессов разрушения/реставрации «политизированной» советскости. От советскости и необходимо, и невозможно, даже «политически нецелесообразно», как полагает прожектерская правящая элита, избавиться. Авторитарно-бюрократическая власть в кризисном социуме конструирует и насаждает, доводя до социальной апоплексии, коллективный невроз беспомощности и ущербности, порождающий зловеющий «замкнутый круг» и усугубляющий энтропийный гомеостаз «загрязненного» ксенофобией полиэтничного российского общества.

Будучи «социально заданной ущербностью», политизированная этнизация российской общественной жизни нивелирует и ставит под вопрос демократические ценности правового государства и гражданского общества, прежде всего, равенство людей перед законом. Действие вышеназванных тенденций де-

лает проблематичным реальное становление гражданского общества как в посткоммунистической России, так и в ряде государств бывшего Советского Союза. Кроме того, позитивной идентификации российского общества противодействует конфликт двух противоборствующих тенденций: во-первых, усиление глобализационных, демократических, модернизационных процессов в социуме, во-вторых, этническая и этнорелигиозная конфликтность, регионализация, изоляционизм. Выживание России как правового демократического государства в XXI веке зависит от того, примет и подтвердит ли *осознанно* российский гражданин демократическую надэтническую идентичность в качестве конструктивной модели толерантной самоидентификации, самоутверждения и самоорганизации.

Цивилизационная надэтническая идентичность представляет собой антропосоциетальный тип гражданского самосознания, формирующий устойчивую гражданскую позицию, констатирующий осознание внешнего социокультурного отличия и внутренней консолидации социальных ценностей и гражданских норм, государственных символов и культурных стереотипов поведения, *диалектику* гражданских и национально-этнических отношений, определяющих место цивилизации, гражданского общества и человека в пространственно-временном континууме мировой культуры.

Актуальная позитивная гражданская идентичность — это осознание своей тождественности, принадлежности к гражданскому обществу, общественное признание *интернализированной гражданской позиции* и социально значимых позитивных установок и ценностей. Иерархия идентификационных ценностей не является константной, она перестраивается в социальной системе в зависимости от актуальной идентичности, так же, как и реализуемые культурно-поведенческие модели. В этом аспекте позитивно окрашенная актуальная надэтническая идентичность является главным механизмом, структурирующим социально значимое поведение и антропосоциетальные качества человека, нормативные в гражданском обществе; механизмом, тесно связанным с объективными социальными связями и отношениями. *Надэтническая идентичность — это легитимная манифестация рационализированной гражданской позиции.*

Важность формирования цивилизационной надэтнической идентичности (эксплицитно толерантной) как фундамента гражданского общества в полиэтничной России вытекает из следующих предпосылок. Во-первых, поведение человека, его действия во многом зависят от социально-гражданской позиции, причем значимым оказывается не только объективное положение человека в социальной структуре, но и возможность *свободного самоопределения* в социуме, то есть формирование позитивной идентичности, а также уровень гражданского самосознания, обусловленный активным деятельным участием граждан в решении экономических и социально-политических проблем. Во-вторых, в период структурных перемен в обществе происходят амбивалентные процессы диалога и конфликта идентичностей, смены сложившихся ранее идентичностей, формирования новых, реставрации «разрушенных» идентичностей.

Ценностный конфликт идентичностей указывает на нарушение условий конструктивной трансляции цивилизационного, социокультурного и экзистенциального опыта, вызывая к жизни «человека без свойств», «расколотое “я”», «окостеневшее сознание», «деформированного человека», потерявшего культуру, ценности, жизненные ориентиры, «*базисную систему безопасности*». «“Размывание” привычных способов деятельности, вызванное повышенным уровнем тревожности, не контролируемым базисной системой безопасности, — отмечает Э. Гидденс, — представляется нам характерной чертой критических ситуаций. В повседневной социальной жизни акторы мотивированы на поддержание тактичных форм поведения. ...Тактичность является тем механизмом, посредством которого деятели могут воспроизводить условия “базисного доверия” или онтологической безопасности — условия, способствующие осуществлению контроля и управления примитивными формами тревожности и напряженности» [1; 116].

Идентификационный конфликт в полиэтничной российской цивилизации разворачивается вокруг системы ценностей, определяющих политическую власть и характер современной государственной идеологии. Формирующиеся в конфликтном поле этнополитические и этнорелигиозные радикальные идентичности, непрерывно обновляющие содержание политической культуры, обладают латентной силой обратной связи с властными институтами, *неформально востребованы властью*.

В современной России существовать в состоянии идентификационного кризиса и конфликта идентичностей невозможно, так же как невозможно вернуться к советским идентификационным формам (в сталинистско-националистической интерпретации), несмотря на их *иррациональную притягательность* для авторитарно-бюрократической власти и радикально ориентированной общности. Исчезновение советской идентичности было связано с распадом её «космополитизма» и «универсализма», воплощенных в культурно-идеологическом дискурсе постсталинской эпохи, специфически «советском образе жизни», повседневных практиках, способах надэтнической идентификации советского человека.

Сегодня атмосфера социально-политической нестабильности и угрозы *институционализации этнической конфликтности* формирует в инфляционном общественном сознании россиян сильное тяготение к советскому «интернациональному» прошлому. Необходимо отметить, что трансформация советскости не носила линейного и однозначного характера: в постсоветское десятилетие происходила латентная кристаллизация семантически значимых элементов советской идентичности, которые способствовали ее актуализации в будущем. Реставрационная ностальгия в новом веке — это поиск в советском прошлом стабильности, которой нет в настоящем; это *утопия*, обращенная не в будущее, а в прошлое. В современной России ностальгия по советскости приватизируется и политизируется, превращается в политический инструмент для конструирования «имперской» идентичности и «этнически чистой» монокультуры,

«положительных» образов власти и авторитарной идеологии, персонализированных в *вождизме*. Конструирование «негативного прошлого» всегда есть политический проект, селективно организующий исторические события с точки зрения непрерывности их связи с современным субъектом, создавая тем самым сюрреалистическую, но «политически оправданную» репрезентацию жизни, псевдоориентированную на настоящее и будущее.

Российская цивилизация должна с неизбежностью выработать устойчивое представление о неоспоримой важности гражданского самоопределения, когда через поликультурную систему социальных взаимодействий и надэтническую идентичность российские граждане независимо от этнорелигиозной принадлежности способны в полной мере реализовать цивилизационные, культурные и психологические возможности, экономические и политические права в социокультурном пространстве страны и мира. Российская надэтническая идентичность не должна ориентировать на культурный и социально-политический изоляционизм и отказ от свободной идентификации, но активно поддерживать идею этнокультурного многообразия России через развитие не только гражданской культуры, но и полиэтничности.

Российская цивилизационная идентичность может успешно формироваться только на позитивной, проверенной временем и мировой традицией *надэтнической* основе, в рамках позитивно окрашенной социальной картины мира. Для этого необходим принятый большинством полиэтничного общества и обращённый в будущее *идентификационный проект демократической России*, обеспечивающий становление позитивных автостереотипов россиян. Макросоциальный идентификационный проект имеет *цели*: определить место российской цивилизации в глобализирующемся мире, способствовать снижению этнической конфликтности и ксенофобии, усиливать положительную самоидентификацию граждан, формировать легитимную гражданскую позицию и устойчивые ценностно-правовые ориентиры, в итоге – конституировать *гражданскую нацию* в России. Представляется, что российская надэтническая идентичность в качестве макросоциального идентификационного проекта должна:

1) являться стабильной позитивной идентичностью, формирующей устойчивую гражданскую позицию, констатирующей осознание цивилизационного отличия и консолидирующего единства социальных ценностей и моральных норм, государственно-политических символов и социально-культурных стереотипов, диалектику гражданских и этнических отношений, определяющих место России в пространственно-временном континууме мировой цивилизации;

2) осуществлять конструктивный диалог трансиндивидуальной культуры, гражданского самосознания, государственных ценностей, с одной стороны, и, с другой – этнокультурных и этноконфессиональных идентичностей, т.е. гармонично синтезировать цивилизационную идентичность, гражданскую идентичность, этнорелигиозные идентичности и политическую связь с государством, базируясь на приоритетных принципах гражданской нации;

3) выступать как интегративная целеполагающая часть программы социокультурного возрождения России посредством обращения к ценностям полиэтничности и гражданского общества, объединяя и мобилизуя людей на грядущее созидание, увязывая воедино прошлое и настоящее, восстанавливая связь времен и, что самое значимое, предлагая реалистический образ полиэтничного российского социума;

4) полагать собственные нормы и цели, наделяя смыслом социальный мир, тем самым формировать устойчивые ценностные представления о конструктивной роли толерантной самоидентификации, самоутверждения, самоорганизации и позитивной гражданской консолидации, гармонизирующих этнические взаимодействия, элиминирующих ксенофобию и снижающих этническую конфликтность;

5) преодолеть идентификационный кризис, усилив модернизационно-демократические интеграционные процессы в полиэтничном социуме посредством реализации интерэтнического и надэтнического толерантного диалога в целях элиминации ксенофобии, этнорасизма и религиозного фундаментализма;

6) будучи главным механизмом, структурирующим социально и культурно значимое поведение и нормативные качества человека и общности, механизмом, тесно связанным с объективными социальными связями и отношениями, способствовать свободному самоопределению в социуме, активному деятельному участию граждан в решении экономических и социально-политических проблем современной России, повышая уровень гражданского самосознания;

7) преодолеть социальную аномию, массовую деперсонализацию и дереализацию, конфликтное, стигматизированное самосознание как феномены постсоветского кризисного общественно-культурного и социально-психологического развития, активизируя позитивные автостереотипы россиян и обосновывая продуктивность формирующегося *плюрализма* гражданских и этнических культур, определяющего будущее России;

8) нивелировать амбивалентность самосознания россиян, с одной стороны, поддерживающих нормативную демократию и ценности гражданского общества, с другой стороны, — идею авторитарного управления, воплощенной в маниакальной сакрализации власти, гармонически синтезировав либерально-индивидуалистическую ценностную модель и коллективистско-патерналистскую систему ценностей;

9) актуализировать дискурс гражданской нации, построенной на принципах правового государства, созданного гражданским обществом для конструктивного диалога гражданской культуры и этнокультур в рамках российского полиэтничного общества;

10) учитывать новую геополитическую ситуацию, которая направлена на формирование интеграции в рамках европейских структур и поиск собственных путей развития стран постсоветского пространства, проявляющих попытки реинтеграции с Россией как политико-экономическим и социально-культурным центром;

11) не ориентироваться на культурный и социально-политический изоляционизм и отказ от свободной идентификации, но поддерживать этнокультурное многообразие России через совместное развитие гражданской культуры и полиэтничности: в многообразии этнических, культурных и религиозных традиций, социального гражданского опыта заключен конструктивный потенциал российского общества;

12) выработать цивилизационный идентификационный проект позитивно-гражданского надэтнического самоопределения в России, когда через демократическую систему социальных взаимодействий российские граждане независимо от этнической, политической и религиозной принадлежности способны в полной мере реализовать свои культурные и психологические возможности, экономические и политические права в глобальном мировом и российском социокультурном пространстве.

Формирование российской гражданской нации и позитивной цивилизационной надэтнической идентичности, ориентированной на утверждение в качестве приоритетных социальных ценностей открытой демократии, гражданского самосознания и политической свободы в качестве реальных норм гражданской жизни, в полиэтничном российском обществе представляется *едиственно возможной формой конструктивной деэскалации этнических конфликтов и демократической оппозицией этнонационалистическим тенденциям*. «Если идентичность противопоставляет себя социальной жизни, — отмечал А. Турен, — она может быть только маргинализованной или манипулируемой теми, кто её руководит. Зато призыв к идентичности может быть осознан как демократическая работа, как усилие социальных действующих лиц самим определять условия, в которых происходит их коллективная и личная жизнь» [2; 106].

Литература

1. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. — М., 2003. С. 116.
2. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М., 1998. С. 106.

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ.

Материалы Международного форума

«Проекты будущего: междисциплинарный подход»

Под ред. В.Е.Лепского

Издательство «КОГИТО-ЦЕНТР»

Номер лицензии 05006 от 07.06.01

Подписано в печать 21.11.06

Формат 60 x 90 1/16. 18 усл. печ. л. Тираж 250

Отпечатано в типографии «Макс-принт»